

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER TWO

MARCH – APRIL

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2023

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 2

МАРТ – АПРЕЛЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **КНЯЗЕВ Сергей Владимирович**, д.ф.н., проф., ведущий научный сотрудник отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella Amatuzzi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбека); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2023
© «Вестник Московского университета», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Кобозева И.М., Сердобольская Н.В.</i> Конструкции причины с <i>как(о)</i> в истории русского языка	9
<i>Птенцова А.В.</i> ОТЪ ИДЕТЬ ДО КОНЕЧЬНАГО СВОДА: семантика служебных слов <i>ати</i> (<i>ать</i>) и <i>оти</i> (<i>оть</i>) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале Национального корпуса русского языка).	30
<i>Князев С.В., Дьяченко С.В.</i> Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть 2. Псковские говоры	44
<i>Чжан Т., Жданова Л.А.</i> <i>Оттепель</i> как метафорическое обозначение исторического периода	61
<i>Савельев В.С.</i> Псевдонимы, включающие названия букв кириллицы: структура и способы образования. Статья 1	71
<i>Полянская А.Г.</i> Исследование религиозной составляющей языкового сознания: психолингвистический аспект	84
<i>Изотов А.И., Черчук О.И.</i> Японские заимствования в Чешском национальном корпусе	99
<i>Братчикова Н.С.</i> Языковые средства художественной выразительности в транскультурной прозе Финляндии. Часть 1	111
<i>Любжин А.И.</i> Шевалье де Менвилье и его эпос «Петреада»	123
<i>Кривонос В.Ш. Б.Ф.</i> Егоров — мемуарист	141

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

<i>Кихней Л.Г., Раздьяконова Е.Г.</i> Петрарка в художественном осмыслении Осипа Мандельштама: переводческие стратегии и дешифровка биографических подтекстов	152
<i>Микеладзе Н.Э.</i> Поправки времени к одному русскому переводу «Меры за меру»	170
<i>Борисенко А.Л.</i> Британская классика XIX века по-русски: три века перевода	183

<i>Сизарева М.А.</i> «Ярмарка тщеславия» по-русски: к 175-летию первой публикации	196
<i>Бурцева А.О.</i> Освобожденная женщина Туркменистана: два перевода из поэмы Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана»	205

РЕЦЕНЗИИ

<i>Басаргина Е.Ю., Хосроев А.Л.</i> «Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века в трех томах». Т. I: А–К (XXXVI, 1–426). Т. II: Л–Я (VI, 427–860). Т. III: Указатели и приложения (VIII, 861–1050). Редкол.: А.К. Гаврилов (отв. ред.) и др. (Bibliotheca classica Petropolitana, Санкт-Петербургский институт истории РАН). СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021	215
<i>Зиновьева А.Ю.</i> «Поэтика умолчания»: о греческих модернистах (Памяти Ирины Игоревны Ковалёвой). Рецензия на книги: Ковалёва И.И. В мастерской Кавафиса и другие очерки поэтики греческого модернизма. М.: МГУ, 2006, 200 с.; Ковалёва, Ирина. Мои поэты. Избранные переводы с английского и греческого. М.: Итака — Комментарии, 2006. 108 с.	225

CONTENTS

ARTICLES

- Kobozeva I.M., Serdobolskaya N.V.* Causal Adverbial Clauses with *kak(o)* in the History of the Russian Language 9
- Ptentsova A.V.* *Ot' idet' do konechnyago svoda*: Semantics of Function Words *ati (at')* and *oti (ot')* in Original Old East Slavic Texts (on the Base of the Russian National Corpus). 30
- Knyazev S.V., Dyachenko S.V.* Melodic Contour of Yes-No Question in Western Middle-Russian Dialect with Akan'je. Part II: Pskov Dialect . . 44
- Zhang Tingting, Zhdanova L.A.* *Ottepel* ("Thaw") as a Metaphorical Reference to Historical Period 61
- Savelyev V.S.* Pseudonyms Including Church Slavonic Names of Cyrillic Letters: Structure and Methods of Formation (Article 1). 71
- Polyanskaya A.G.* Study of the Religious Component of Linguistic Consciousness: The Psycholinguistic Aspect. 84
- Izotov A.I., Cherchuk O.I.* Japanese Loanwords in the Czech National Corpus 99
- Bratchikova N.* Linguistic Means of Artistic Expression in Transcultural Prose of Finland (Part 1) 111
- Lyubzhin A.I.* Chevalier de Mainvillers and His Epic Poem *Pétréade*: From the History of Poetic Orders of the Russian Government in the 18th Century 123
- Krivosos V. B.F.* Egorov as Memoirist 141

LITERARY TRANSLATION ISSUES

- Kikhney L., Razdiakonova E.* Petrarch in the Artistic Interpretation of Osip Mandelstam: Translation Strategies and Deciphering Biographical Subtexts 152
- Mikeladze N.E.* Corrections of Time to one Russian Translation of *Measure for Measure* 170
- Borisenko A.* British 19th-Century Novel in Russian: Three Centuries of Translation 183

<i>Sizareva M. Vanity Fair</i> in Russian: to the 175 th Anniversary of the First Publication	196
<i>Burtseva A.O. Emancipated Woman of Turkmenistan: Two Translations</i> from Towşan Esenowa's <i>The Legend about Lenin and Çaban's Daughter</i>	205

REVIEWS

<i>Basargina E.Yu., Khosroyev A.L. A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th — early 20th century: in three volumes</i> / Ed. A.K. Gavrilov. St. Petersburg: Bibliotheca Classica Petropolitana, 2021	215
<i>Zinovieva A.Yu. The Poetics of Reserve: On Greek Modernists (In Memory of Irina Kovaljova)</i>	225

СТАТЬИ

КОНСТРУКЦИИ ПРИЧИНЫ С КАК(О) В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

И.М. Кобозева

*МГУ им. М.В. Ломоносова, Междисциплинарная научно-образовательная
школа МГУ «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» /
Институт языкознания РАН, Россия, Москва; kobozeva@list.ru*

Н.В. Сердобольская

Институт языкознания РАН, Россия, Москва; serdobolskaya@gmail.com

Аннотация: В работе рассматривается развитие значения причины у союза *како, какъ* в ходе эволюции русского языка. Мы утверждаем, что причинный союз *како/какъ* развился из вопросительного наречия *како/какъ* со значением причины, которое, в свою очередь, возникло из значения способа (= образа действия) в результате концептуальной метафоры: причина события — это способ, которым оно было вызвано. Отдельно анализируются финитные конструкции с *как(о)* и малые клаузы (приложения). Мы показываем, что *как(о)* употребляется в функции союза со значением причины еще в ранних документах начиная с XII в.; до XVIII в. он вводит зависимые финитные клаузы причины с коррелятом в главной клаузе или без него. В XVIII в. конструкции без коррелята теряют употребительность; выбор коррелятов достаточно широк и включает как однословные дейктики (*то, так*), так и сочетания слов (*по тому, по сему*) и наречия (*следовательно*). В XIX в. данные конструкции теряют употребительность и утрачиваются в начале XX в. Причинно-ролевая конструкция с синтаксической структурой «как + малая клауза» имеет другую историю. По-видимому, она является результатом экспансии *как(о)* на контексты, которые в XI–XVII вв. обслуживались союзом *аки/акы*, в ходе развития у *как(о)* употребления с именными группами. Рост числа причинно-ролевых конструкций с *как(о)* наблюдается в XVIII в., параллельно с постепенной утратой *аки*.

Ключевые слова: союзы; образ действия; причина; сложноподчиненное предложение; обстоятельственные предложения; грамматикализация; история языка; русский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-1

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00528.

¹ Авторы глубоко признательны А.В. Птенцовой за ценные комментарии и примеры. Мы приносим благодарность участникам конференций *Causal Constructions in the World's Languages* (28–30 января 2021 г.) и «Виноградовские чтения» (20 января 2021 г.) за замечания и обсуждение.

Для цитирования: Кобозева И.М., Сердобольская Н.В. Конструкции причины с *как(о)* в истории русского языка // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 9–29.

CAUSAL ADVERBIAL CLAUSES WITH *KAK(O)* IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE

Kobozeva I.M.

Lomonosov Moscow State University, Interdisciplinary Scientific and Educational School "Preservation of the World Cultural and Historical Heritage" / The Institute of Linguistics RAS, Russia, Moscow; kobozeva@list.ru

Serdobolskaya N.V.

The Institute of Linguistics RAS, Russia, Moscow; serdobolskaya@gmail.com

Abstract: The work is aimed at describing the steps of evolution of causal meaning of the Russian subordinator *како/какъ*. We claim that the causal use of *како/какъ* goes back to the question word *како/какъ* that could have a causal meaning as well, and this meaning raised from the manner meaning due to the metaphorical shift from manner to cause. We analyze finite clauses with *како* and small clauses (appositions) separately. It is shown that *како* was used as a causal subordinator already in the early documents of the 12th century. Up to the 18th century it introduced embedded finite clauses with or without a correlate in the matrix clause. In the 18th century the constructions without a correlate decrease in frequency; the choice of correlates is very broad and includes both one-word deictics such as *то* and *так* and combinations such as *по тому, по сему*, adverbs such as *следовательно*. In the 19th century these constructions gradually decrease in use and in the beginning of the 20th century they are completely lost. The causal construction with a small clause has another origin. We suggest that it is a result of an expansion of *како* onto the contexts of the conjunction *аки/акы*. The increase of frequency of causal small clauses with *како* is observed in parallel with the gradual decrease of *аки*.

Key words: syntax; subordination; manner; cause; adverbial clauses; Russian; history of Russian language, grammaticalization

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation grant № 22-18-00528

For citation: Kobozeva I.M., Serdobolskaya N.V. (2023) Causal Adverbial Clauses with *kak(o)* in the History of the Russian Language. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 9–29.

1. Введение

Принято считать, что развитие системы союзов в целом и подчинительных союзов в частности в русском языке шло по линии

уточнения их функций (см., напр., [Якубинский 1953: 266; Булаховский 1958: 398–399]), то есть уменьшения количества многозначных союзов в связи с ростом количества однозначных союзов. Для союзов причины общая картина очерчена в исторических грамматиках [Ломтев 1956; Борковский 1958; Стеценко 1972; Руднев 2020].

Не оспаривая этого положения, мы хотим на примере причинного значения многозначного союза *как* показать, что процесс снижения индекса полисемичности союзов не был прямолинейным. Действительно, некоторые из многозначных союзов, выражавших среди прочих причинное значение, в какой-то момент ушли из употребления (*яко*). Но другие, для которых первоначально причинное значение было нехарактерно (*како/какъ*; далее: *како*), в некоторый период начинают активно употребляться в этом значении, притом что параллельно с ними функционируют однозначные причинные союзы (*понеже, занеже, потому что* и т. п.). В частности, В.В. Виноградов и Н.Ю. Шведова [1964: 183] отмечают, что конструкция «а (но, и) + как + коррелят» активно употребляется до 60-х гг. XIX в.:

- (1) *И как ветер крепко дул с берега, то Белозор велел отрубить канат.* [Марл., Лейт. Белозор, IX. Цит. по: Виноградов, Шведова 1964: 183]

Представляется, что именно широкое употребление *како* в причинном значении послужило основой формирования составного причинного союза *так как*. В силу этого *так как* затрагивается в настоящей работе; уточним, однако, что данный союз требует отдельного исследования. Известно, что этот союз — инновация языка официально-деловой прозы конца XVIII в., вошедшая в литературный язык не ранее 40–50-х гг. XIX в. [Виноградов 1947: 719]. При этом союз *как* сохранил причинное значение по сей день, хотя и в ограниченном круге синтаксических контекстов и функциональных стилей. Так, значение причины присутствует в обособленных союзных оборотах *как* + ИГ:

- (2) *Солдатские жены... стали просить его, как грамотея, писать за них письма к родственникам.* [НКРЯ: П.А. Вяземский. 1830–1870]

При отсутствии обособления общее значение союзного оборота *как* + ИГ описывается как ‘в качестве’ [РГ: 176] и / или ‘в роли’, ‘в функции’ (см. [Прияткина 1957] и приведенные в этой статье ссылки). А.Ф. Прияткина выделила в рамках значения ‘в качестве’ два подзначения: 1) определение предмета по функции (*Он был вызван в суд как свидетель*); 2) определение предмета по сущности (*Многие выступления выглядят как самоотчеты*) [Прияткина 1957]. В написанном ею же разделе РГ семантика данного союзного оборота

при обособлении характеризуется как сочетание значений сущности и причины [РГ: 176]; «обособленное приложение... с дополнительным значением причинности» в [Розенталь 1970: 96]. Мы далее будем называть такое употребление *как(о)* причинно-ролевым, в отличие от собственно ролевого, не имеющего оттенка причины, ср. *Во Франции Лагарп, как критик, устарел, но Курс литературы его... не совершенно утратил свое значение...* [НКРЯ: П.А. Вяземский. Старая записная книжка. 1830–1870] — устарел в качестве критика, а не по той причине, что он является критиком.

Заметим, что в современном кодифицированном литературном языке союз *как* выражает причинно-ролевое значение только в составе союзного оборота (“малой клаузы” в терминах формального синтаксиса) и не допускает его развертывания в придаточную клаузу, в то время как в просторечии или стилизации под него такие *как*-придаточные встречаются:

- (3) *А как ты есть непризывной и лезешь сдуру добровольцем, то никто не всмотрится в цифры...* [А. Азольский, 2002]

В древнерусском языке союз *яко*, книжный эквивалент союза *како*, мог, помимо прочего, вводить причинные придаточные [Истрина 1923: 186–188; Ломтев 1956: 513]. Союз *како* также встречается в причинном значении в древнерусском² (4)–(5) и в старорусском (6) языке:

- (4) *а хто буде(т) со мною не бы(л) на рати. а оу кого буде(т) что взато. а приѣду(т) к тобѣ. а ты(м) ти также отдати по исправѣ. а ка(к) есми ста(л) по(д) городо(м) по(д) тфѣрю до семена дни за мѣса(ц). что буде(ш) оу мене вз(а)л) воини в то(т) мѣсацъ тому всему межи на(с) по(г)ребѣ. а ка(к) еси к на(м) сложи(л) целова(н)е. а что мы оу тебе поимали и повоевали. а тому всему межи на(с) погре(б).* [НКРЯ: Д-р кн. Дмитрия Ивановича и Новг. с кн. Михаилом Александровичем. 1376]

- (5) *а кто коупилъ боудеть в новгородьской волости. знати имъ своего истьца. или не боудеть истьца. како не вѣдаеть исть-*

² Мы усматриваем также причинный оттенок в НГ 531 (XIII; *како еси возложило пороукоу на мою сестроу и на дочь еи не азовало еси сътроу мою короу и доцере бладю*] *а нынеца ѿе до прѣхаво оуслышаво то слово и выгонало сетроу мою и хотело потати*), которая, однако, допускает неоднозначную трактовку. В ДНД дается перевод *после того как*, что, на наш взгляд, не отражает явной причинно-следственной связи между публичным оскорблением сестры автора и последующими действиями мужа этой сестры. В силу этого, мы усматриваем здесь совмещение причинного и временного значений.

ца своего. цѣловавъ юмоу кр(с)тъ коуны юмоу взати оу нова-города. колько боудеть даль. а земля поидеть к новоугородоу [НКРЯ: Д-р кн. Михаила Ярославича с Новг. о мире. 1317]

- (6) *И мы, как есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнити не велели есмя...* (Грамм. Иоанна Гр. 1574. Цит. по [Булаховский 1958: 371]).

В (4) случае речь идет о причине отказа вернуть ценности, полученные в результате военных действий: «поскольку ты отказался от клятвенных обязательств перед нами, то всё, что мы у тебя взяли и отняли военными действиями, это всё мы забудем»; пример (5) описывает отказ от сделки; клауза с *како* причины идет сразу за условным «если же не окажется истца, [то] так как он не знает, где истец, ему надлежит, принеся клятву, взять деньги (за сделку) у Новгорода, столько, сколько окажется, что он давал (при покупке), а земля будет передана Новгороду».

Однако конкретные этапы развития данных конструкций в работах не фиксируются. Настоящее исследование, таким образом, призвано ответить на следующие вопросы:

- На каком этапе возникает употребление *как* в причинно-ролевом значении?
- Какое значение *како* служит первоисточником для развития значения причины? Или употребление в контекстах причины — это результат полифункциональности *како*?

Исследование основывается на анализе рукописей XI–XV вв. (Приложение 1), рандомизированных выборках из НКРЯ и примеров из словарей. Мы рассматриваем перечисленные выше конструкции в ходе языковой эволюции, используя методологию диахронических синтаксических исследований, предложенную в [Hilpert, Gries 2009; Diessel, Hilpert 2016]. Данный подход предполагает анализ релевантных конструкций в ограниченных выборках, относящихся к разным временным периодам. Важно, что целью является не столько зафиксировать наличие той или иной конструкции, сколько проследить динамику ее развития (уменьшение или увеличение частотности) в некоторый период эволюции языка.

2. Развитие значений показателя *как* в ходе эволюции русского языка

2.1. Функции подчинительного союза *как* в современном русском языке

Морфологически простой союз *как* — самый многозначный подчинительный союз в СРЯ. В грамматиках и словарях у него выделяются следующие значения (или употребления):

- 1) изъяснительное: Он вспомнил, **как** она даже не посмотрела на его подарок;
- 2) времени: **Как** стемнело, пошел дождь;
- 3) сравнения: Мы шли, **как** ходят по скользкому льду;
- 4) причины (см. далее);
- 5) роли/функции: Он сейчас работает **как** терапевт. Он использовал эту открытку **как** закладку³.

В чем причина столь широкой полисемии?

Как писал Л.П. Якубинский [1953: 266], русские подчинительные союзы — «это в большинстве вчерашние местоимения или местоименные наречия». Источник, из которого развился союз *как* — вопросительное местоименное наречие образа действия [РГ: 149]. Н.Ю. Шведова характеризовала местоимение *как* как «едва ли не самое сложное по своему смысловому строению и обусловленному этим строением кругу функций» и выделила у него 14 семантических функций [Шведова 1998: 139 и далее]. Иными словами, это наречие соотносится с широким спектром возможных семантических типов переменных при предикате *Р* вопроса *Как Р?*:

- 1) обстоятельствственных:
 - а) «образ действия» в узком смысле — признак (параметр) действия, состояния и т. п., напр., *Как он плыл?* — *Быстро* (*Стилем брасс* и т. п.); *Как он болел?* — *Тяжело*. (Это центр семантической зоны, покрываемой вопросительным местоимением *как*, поскольку другие вопросительные местоимения не могут выражать вопрос о признаке действия);
 - б) «состав ситуации» [Филипенко 2003], напр., *Как ты провел лето? Как варят борщ?* и т. п. (Ответом может быть целый рассказ, инструкция);
 - в) причина, напр., *Как такое могло случиться?* (В ответ приводятся обстоятельства, послужившие причиной известной ситуации);

³ В словаре [ОСРЯ 2003] выделено также значение условия, но в единственном приведенном примере **Как** начнет читать, от книги его не оторвешь, пока не прочитает всю на деле представлено временное значение союза *как*. В СРЯ союз *как* не используется как условный, хотя еще в начале XIX в. мог употребляться в такой функции, ср. пример: *А уж как смешон человек, так в люди нельзя показаться*. (Крылов, Модн. лавка, I, 9. С. 102.), приведенный в [Виноградов, Шведова 1964], где отмечается разговорный оттенок *как* в условном значении.

г) условие Как этому научиться? — Чаше упражняться (Ответом служит условие осуществления ситуации);

2) актантных, напр.: Как тебя зовут? — Иван.

Семантика переменной в *как*-вопросах зависит от контекста аналогично *какой*-вопросам [Рахилина 1990].

Такая широта семантической зоны исходного местоимения объясняет многозначность образовавшегося от него союза, наблюдаемую в истории русского языка. Употребление союза *как* в причинном значении в принципе не удивительно, коль скоро обстоятельство причины входит в «семантическое пространство» местоимения *как* [Шведова 1998: 148].

Как отмечалось во введении, в кодифицированном литературном языке союз *как* выступает в причинном значении только в нефинитных малых клаузах. При этом, вопреки утверждаемому в РГ, формальное обособление союзного оборота, как в (2), не является необходимым условием для реализации причинного значения, ср.:

(7) Его выгнали **как** бездельника. [ОСРЯ 2003]

(8) ...он [Набоков] выбирает только то, что подтверждает его писательские взгляды; все остальное отбрасывается **как** не заслуживающее внимания. [НКРЯ: Вступление Ив. Толстого к «В. Набоков. Две лекции по литературе»]

Кроме того, в просторечии (и его отражении в художественных текстах) союз *как* в причинном значении может вводить финитную клаузу с именным предикатом и со связкой *быть* (3).

2.2. Полифункциональность и многозначность *как(о)* в истории русского языка

В древнерусском и старорусском языке область значений вопросительной переменной в исходной для *како* функции вопросительного слова была еще шире, чем у современного *как*. В нее дополнительно входили:

- свойства абстрактных объектов:

(9) И рече Володимеръ: «**како** естъ вѣра ваша» (т. е. «**Какова** ваша вера?») [ПВЛ (986)]

- время:

(10) Есть ми, господине, отъ твоего государя до тебя речи наѣдине, и ты, господине, **какъ** велишь у себя быти? [Крым. д. II, 1516 г., пример из [СлРЯ: 7: 27] на временное значение *како*: «когда велишь, чтобы я у тебя был»].

В обстоятельственных предложениях у союза *как(о)* помимо значений, представленных в СРЯ (см. раздел 1), засвидетельствовано значение цели, см. [СлРЯ 1980: 28], не представленное среди значений вопросительного *как(о)*, однако это значение реализуется только в контекстах косвенной модальности.

В контексте нашего исследования важно, что при помощи вопросительно-относительного *како* оформлялись вопросы о причине, см. (11): «когда его спросили, почему ничего не оставил себе». Такая интерпретация косвенного вопроса подтверждается наличием однозначно причинного союза *бо* в прямом ответе на вопрос («потому что мое тело не может их [дары и украшения] носить»):

- (11) **и се вземѣ разда ю дружинѣ. въпрашаемѣ же, како не остави себѣ ничтоже, рече мое бо тѣло не можетъ то(гъ) понести** [НКРЯ. Пчела, не позже XIII в.]

Самый ранний найденный нами пример с *како* в обстоятельственных предложениях причины относится к сер. XII в.:

- (12) **какѣ ты за мною творишь коун[о](у)... за вѣноуѣцѣю ти: ѿ коунѣ показалъ ти данило ем... вѣзьми жь на нь вѣ трѣть а азъ ти с[ѣ з]–[на]... внь дѣвь гривнѣ.** [НГ 1087. Сер. XII]

В статье [Гиппиус, Зализняк, Торопова 2017] этот пример переводится, как «Так как ты считаешь, что за мной куна (и столько-то гривен), а за внуком [моим] 9 кун — [так] показал Данило, ... возьми же на него (внука) в треть (= по ставке в 33 %, то есть с увеличением на треть). А я ... две гривны.»

Каким образом возникает значение причины у *како*?

2.3. Возможные сценарии развития значения причины у *како*

Гипотеза 1. В целом ряде языков наблюдается совмещение сравнительного и причинного значений. В ряде европейских языков, как и в русском, причинные союзы могут кодироваться тем же словом, что и союзы сравнения, ср. фр. *comme*, англ. *as*, что показывает неслучайность такого объединения значений. А.А. Потенбня так объяснял близость сравнительного и причинно-следственного значений в связи с метонимией в выражениях типа *пьяное вино*: «Первоначальное возникновение вышеупомянутых выражений... может быть отнесено к тому глубоко древнему состоянию мысли, при коем отношение причины и следствия возникает (между прочим) из отношения сходства, так что сходство является лишь видоизмененным подобием причины» [Потенбня 1968: 396–397]. А Л. Якубинский развивает эту мысль уже применительно к полисемии союза *как*: «...столь же несомненно, что отношения “сходства” и “подобия”

осмыслились как “причинные”, знаменательные, “неслучайные”, как бы ни были они случайны объективно» [Якубинский 1953: 258]. Действительно, значение сравнения может сопутствовать причине, ср.:

- (13) *Но как состояния областей много разнятся, так и правительства оные избираются смешанные из двух или всех трех по части.* [НКРЯ: В.Н. Татищев. Произвольное и согласное разсуждение... шляхетства русского... 1730–1735]

Здесь сравнение разнообразия обстановки в областях одновременно служит основанием для определенной политики; можно было бы перевести *как* с помощью сочетаний *в соответствии с, согласно*.

Однако изложенной выше гипотезе противоречит тот факт, что *како* стал союзом, выражающим отношение сходства (в отличие от тождества) только в старорусском языке [Руднев 2020: 399], а в древнерусском языке, начиная с самых ранних памятников оно выражалось союзом *акы* (> *аки*). Причинное же значение появляется у *как(о)* уже в XII в. Только в XIV в. союз *как(о)* стал употребляться для выражения отношения тождества по некоторому параметру, обычно не называемому, но ясному из контекста. В русской грамматической традиции не принято делить значение сравнения на два подзначения: тождества и сходства (подобия) по той причине, что часто они кодируются одинаковыми средствами: союзом *акы* в древнерусском, союзами *аки* и *како* в старорусском и союзом *как* в СРЯ. Однако в типологии такое деление проводится [Treis 2018], поскольку в целом ряде языков эти два значения кодируются по-разному. Соответственно, выделяются эквативы (показатели тождества) и симилятивы (показатели сходства). Заметим, что в старорусском языке и в СРЯ в качестве маркированного экватива выступает коррелятивная конструкция *такой / так(о) (же) Р, как(о) Q*, а одиночный *как(о)* интерпретируется как экватив или симилятив в зависимости от контекста. При этом *как(о)* раньше начинает появляться в эквативных контекстах с имплицитным параметром сравнения, и много позже — в симилятивных (см. [Kobozeva, Serdobolskaya 2021]). Обратим внимание на то, что симилятивное значение близко к значению образа действия, выражаемого придаточным с относительным *как(о)*, ср. *Она танцует, как ее научила мать* (образ действия) и *Она танцует, как когда-то танцевала ее мать* (симилятив).

Гипотеза 2. В работах типологов по грамматикализации обсуждается переход подчинительных средств, кодирующих временные отношения, в союзы причины (см. *temporal* > *cause* в [Heine, Kuteva 2002: 291]). Данный переход возможен как у нейтральных временных

союзов типа *when* ‘когда’, так и у маркеров со специализированным значением, например *since* ‘с (о времени)’; ср. сноску 4 о совмещении значений времени и причины у *како*.

Действительно, временное значение у *как(о)* широко представлено в древнерусском языке уже в XI в.:

(14) **КАКО ТЫ ОУ МЕНЕ И УСТЬНОЕ ДРѢВО ВЪЗЪМЪ И ВЕВЕРИЦЬ МИ НЕ ПРИСЪЛѢШИ ТО ДЕВАТОЕ ЛЕТО...** [НГ 246. Сер. XI в.], —

тогда как самые ранние примеры причинного значения относятся к середине XII в. (12). Однако временное значение не является основным для *как(о)*. Помимо этого союза имелось много собственно временных союзов, кодирующих различные временные отношения (*когда*, *дондеже*, *коли*, *докаместа* и др.). Основным для *како* является значение образа действия, или способа.

Гипотеза 3. В [Kortmann 1997] в качестве одного из возможных сценариев рассматривается переход маркеров образа действия, или способа (*manner*), в маркеры причины, см. схему на Рис. 1.

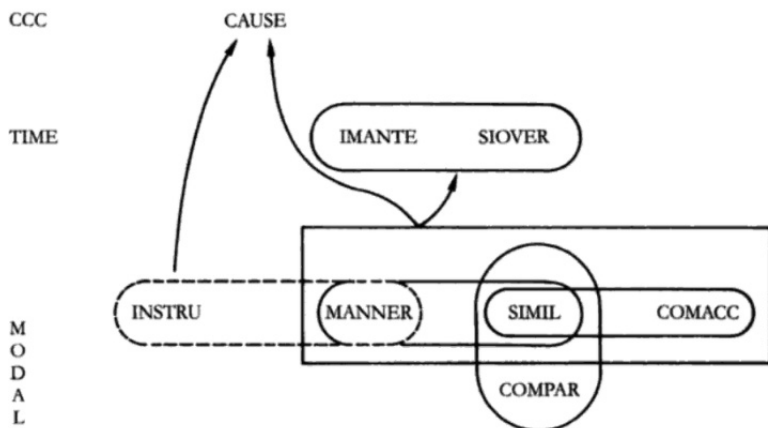

Рис. 1. Источники маркеров со значением причины [Kortmann 1997].

В схеме один из путей ведет от кластера «инструмент — способ — подобие — комментарий», центральное место в котором занимает маркер способа, к маркеру причины; другой вариант — от кластера «способ — подобие — комментарий» к причине.

Гипотеза 4. Мы предполагаем, что причинное значение у *как(о)* возникает на базе вопросительного местоимения *како*, уже употреблявшегося в причинном значении, точно так же, как временное значение этого союза возникло на базе временного значения вопросительного *как(о)*, то есть в соответствии с типологическим обобщением «от вопроса к подчинительному союзу» (“from question to

subordination”) [Heine, Kuteva 2006: 204–243]. Наша гипотеза близка к точке зрения Т.П. Ломтева, который писал: «На позицию придаточного причины могли передвигаться предложения, которые выражали вопрос по признаку образа действия... Они принимали на себя функцию причины действия, выраженного глаголом другого предложения...» — и иллюстрировал это на примере союза *яко* [Ломтев 1956: 512–513]. Отличие состоит в том, что с нашей точки зрения на позицию придаточного причины «передвигаются» предложения, которые уже сами по себе выражают вопрос о причине, а сдвиг от значения способа / образа действия (исходного для местоименных наречий *яко* и *как(о)*) к значению причины состоялся еще в рамках простого независимого вопросительного предложения, см. схему 1.

- Т.П. Ломтев, Б. Кортман

вопросительное → союз способа → причинный союз
наречие способа

- наше предположение

вопросительное наре- → вопросительное наречие → причинный союз
чие способа причины

Схема 1. Сценарии грамматикализации значения причины

Предлагаемый нами сценарий представляется более естественным. Его второй этап соответствует широко представленному в языках мира переходу вопросительных местоимений, выражающих вопрос об *X*, в союзы, выражающие отношение *X* (вопрос о времени — временной союз, вопрос о причине — причинный союз). При этом первый этап — семантический сдвиг в рамках вопросительного местоимения ‘способ/инструмент > причина’ объясняется действием когнитивного механизма концептуальной метафоры: как действие определенным способом с применением определенного инструмента приводит к возникновению определенного результата, так событие-причина приводит к возникновению события-следствия, иными словами, причина события — это способ, которым оно было вызвано.

3. Эволюция конструкций с *как(о)*, выражающих значение причины

В настоящем разделе мы исследуем эволюцию различных конструкций с *како* в значении причины. Исследование основано на ручной разметке примеров из рукописей и опубликованных древ-

нерусских текстов (см. Список источников), а также рандомизированных выборок из НКРЯ.

В целом анализ данных показал, что значение причины до XVIII в. встречается довольно редко. В выборке из текстов XI–XVI вв. примеры причины единичны и зачастую допускают также другие трактовки, например временную интерпретацию, см. сноску 4 выше. Из 200 случайно взятых корпусных примеров XVII в. лишь три примера причины, причем один из них неоднозначен. Однако в дальнейшем количество примеров со значением причины возрастает, ср. данные табл. 1. В силу этого мы провели более детальное исследование данных XVIII–XX вв. Как известно, употребление *как* в придаточных предложениях причины воспринимается как архаичное уже в XIX в. (см. цитату из «Записок» Д.Н. Свербеева, приведенную в [Виноградов 1947: 719], где причинный союз *как* назван «вышедшим из употребления»), поэтому выборку примеров XX в. мы ограничили документами, принадлежащими к первой трети века.

Таблица 1

Количество конструкций причины с *как(о)* и *так как* в рандомизированных выборках XVIII–XX вв.

Процент	Всего предложений в выборке	Как в значении причины	Процент от общего числа, %	Так как
Первая половина XVIII в.	403	14	3,5	1
Вторая половина XVIII в.	370	28	7,6	3
Первая половина XIX в.	443	27	6	15
Вторая половина XIX в.	487	12	2	16
Первая треть XX в.	415	16	3,9	13

Следует уточнить, что сочетание *так как*, по-видимому, грамматизировалось в самостоятельный союз причины ранее рассматриваемого периода и, безусловно, требует отдельного исследования. По нашим данным, к XVIII в. данное сочетание уже закрепились именно с таким порядком следования частей и допускает собственный коррелят:

- (15) Но **так как** в ту зиму, в которую он ходил стрелять, отморозил он себе обе ноги..., **то** и здесь не был принят, получил несколько лозонов и был прогнан. [НКРЯ: М.В. Ломоносов. Письмо М.И. Воронцову. 1763.02.05]

Подробное исследование *так как* выходит за рамки настоящей работы; мы, однако, приводим данные об употреблении *так как* в

релевантный для нас временной период, т. к. для нас важно показать взаимовлияние данных конструкций. В частности, из таблицы 1 видно, что рост количества *так как* происходит ровно в то же время, когда начинается уменьшение количества конструкций с *как* причины (начало XIX в.).

Как показывает таблица 1, наибольший процент *как* в значении причины (из общего числа *как* в выборке) фиксируется во второй половине XVIII в. — первой половине XIX в. Мы использовали не-много более широкую выборку — с начала XVIII в. до конца первой трети XX в., чтобы проследить, как меняется употребительность различных конструкций причины и какие значения и конструкции исчезают/появляются в первую очередь.

Все конструкции с причинным *как* и *так как* были (довольно условно) разделены на следующие четыре типа:

- причинно-ролевое *как*:

(16) *Девки... непрестанно взглядывают на улицу;... всякая из них старается занять место ближе к окошку, как самое лучшее и способное; ибо мимопроходящие мужчины всегда ей первой делают любовный взгляд.* [НКРЯ: М.В. Ломоносов. 1748]

Конструкции роли без причинного оттенка (см. обсуждение примера (2)) отфильтровывались вручную.

- *как* с финитной клаузой и коррелятом в главной клаузе (соотнесительным местоимением в главной клаузе — чаще всего это *то*; возможно также *так* и другие корреляты — *тогда*, *по сему*, *по тому*, *следовательно* и др.):

(17) *...если б они говорили о чем-нибудь серьезном и задушевном, то прибежали бы к русскому языку, но как подобных разговоров здесь не ведется, то обходятся посредством французского.* [НКРЯ: И.С. Аксаков. Письма родным. 1849–1856]

(18) *...как они обнадежены были великим награждением из взятых деревень и денег за штрафы с утаивших, так они более о розысках, следствиях и собирании штрафов, нежели о сусеке числе людей, прилежали...* [М.В. Ломоносов. Проект... к... дню восшествия на всероссийский престол. 1752]

- *как* с финитной клаузой без коррелята:

(19) *Великий князь поднял его, посадил в кресла, и как в нем были еще знаки жизни, приказал бережно отнести домой, в квартиру его в 1-й линии.* [НКРЯ: Н.И. Греч. Записки о моей жизни. 1849–1856]

Выше приведены примеры *как* из XIX, так и из XVIII в. Распределение конструкций по временным периодам показано на рис. 1 (процентные соотношения по вертикали отражают отношение

числа примеров с данной конструкцией к общему числу конструкций причины с *как*).

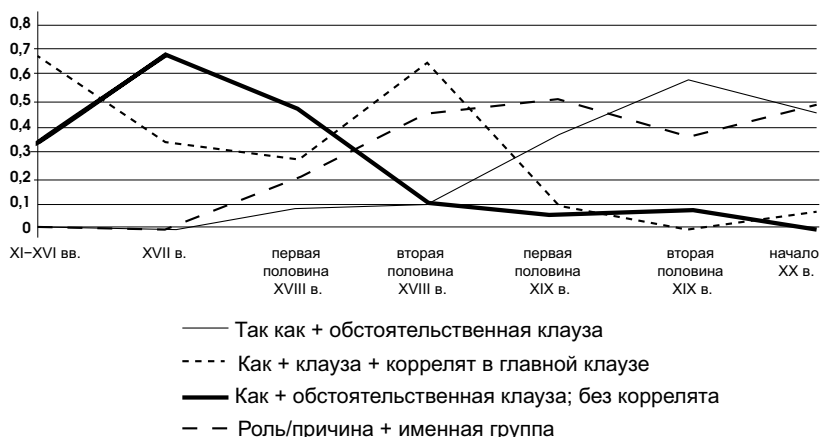

Рис. 2. Распределение конструкций со значением причины в ходе эволюции языка.

Можно видеть, что конструкции с *како* причины и финитной клаузой были распространены еще в XVIII в., а затем их употребление снижается и постепенно идет на спад. Конкретное распределение до этого времени, однако, не является информативным, так как представлено единичными примерами. Как известно, для СРЯ данные конструкции нехарактерны. Наоборот, конструкции с именными группами и нефинитными клаузами расширяют свое употребление к XVIII в. и сохраняются в СРЯ. Рис. 2 показывает, что период роста конструкций с *так как* совпадает с периодом уменьшения конструкций с *как* и финитной клаузой. Далее мы предложим объяснение данному факту.

Для обстоятельственных предложений с *как* важен такой параметр, как позиция относительно главной клаузы. Судя по имеющимся примерам, конструкции с коррелятами строго требуют препозиции обстоятельственной клаузы, как в (17) и (18): в нашей выборке (см. таблицу 2 ниже) нет ни одного примера постпозиции (или интерпозиции) придаточного. По-видимому, это связано с первичной анафорической функцией коррелятов в таких конструкциях.

Между тем, *как* без коррелята и сочетание *так как* свободно допускают как препозицию, так и постпозицию обстоятельного предложения; последние также встречаются в интерпозиции. Это служит еще одним свидетельством того, что *так как* уже в начале

XVIII в. переосмысливается как единый союз, а не как свободное сочетание с коррелятом.

Таблица 2

Позиция зависимой клаузы с *как* относительно главной клаузы.

Конструкция как причины + финитная клауза	как + кор- релят	как без коррелята	так как	Общий итог
1700–1750				
постпозиция	0	4	0	4
препозиция	2	1	1	4
1751–1800				
постпозиция	0	1	2	3
препозиция	25	2	1	28
1800–1850				
интерпозиция	0	0	1	1
постпозиция	0	0	6	6
препозиция	5	2	8	15
1851–1900				
постпозиция	0	1	8	9
препозиция	0	1	8	9
1901–1930				
постпозиция	0	0	12	12
препозиция	2	0	1	3

Уточним, что мы не выявили семантических различий между причинным *как(о)* + финитная клауза с коррелятом и без него, поэтому далее мы в основном описываем данные конструкции вместе. Примеры без коррелята начиная с XVIII в. немногочисленны и в большинстве своем допускают двоякую интерпретацию (не только причинную, но также временную (сноска 4) или сравнительную (13)).

Относительно конструкции с составным *так как*, экспансия которой наблюдается начиная с конца XVIII в., В.В. Виноградов [1947: 719] пишет, что до 40–50-х гг. XIX века этот союз принадлежал прозе официально-делового стиля. Действительно, даже приблизительные подсчеты показывают, что в целом причинное значение *как* намного более частотно в официальных документах, нежели в общей выборке без разделения по жанрам и стилям: в документах XVII в. оба бесспорных примера причинного *как* принадлежат деловой сфере. В XVIII в. *как* со значением причины более чем в два раза

частотно в официальных документах, а в XIX в. в три раза (более точные цифры: в текстах XVIII в. из произвольно выбранных 100 употреблений имеется 16 % примеров с *как* причины в официальных документах и 6,5 % в общей выборке; в текстах XIX в. это соотношение составляет 27 % к 7,5 %).

Учитывая, что рост числа конструкций с *так как* наблюдается строго в период снижения употребительности конструкций «*как* + коррелят», кажется допустимым, что конструкция с *так как* является «наследником» конструкций «*как* + коррелят в главной клаузе». До XIX в. конструкция «*как* + финитная клауза» употреблялась в значении причины и с различными коррелятами (*так, то, по сему, по тому* и т. п.), и без коррелята. В начале XIX в. конструкция «*как* + финитная клауза» начинает терять употребительность; параллельно наблюдается рост числа *так как*. Данный комплекс к этому моменту уже грамматикализировался в качестве составного союза, так как уже в XVIII в. он может иметь плеонастический коррелят *то* (15) и допускает постпозицию (и интерпозицию) по отношению к главной клаузе. Это говорит о том, что на тот момент уже происходит типичный для грамматикализации союзов и союзных сочетаний реанализ (в терминах [Lehmann 2015]): *так* переосмысливается не как коррелят, а как часть союза. Параллельно с экспансией *так как* в значении причины употребление *как* с другими коррелятами снижается и полностью утрачивается в XX в.

Интересна история причинно-ролевой конструкции, которая сохранилась и в СРЯ. Данная конструкция начинает расширять свое употребление к XVIII в. До этого периода в таких случаях активно употребляется *аки*⁴:

- (20) *Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси, сію бо хвалять Русіе сынове, аки началницю...* [ПВЛ (969)]
- (21) *...наутрѣи же нальзоша Тугтороканя мрътва, и взя и Святполкъ аки тестя своего и врага.* [Воскр. (1096)]
- (22) *...а гостя твоего отслали быхом отсюду аки бездѣлна и бесчѣстна, понеже невѣжда бѣ и поселянинъ...* [НКРЯ: Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417–1418]

Важно отметить, что такое значение отмечается у *аки* в сочетаниях с существительными (20) – (21), прилагательными (22) и причастиями (25) ниже, но не с финитным глаголом. Большинство найденных в корпусе примеров включают обороты, напоминающие т. н. малые клаузы — т. е. не содержат собственный субъект, а лишь

⁴ Как и *како* в (12), *аки* в таких случаях может кодировать значение роли («в качестве»), без оттенка причины.

именной предикат с его зависимыми (*началницю, тестя своего и врага, бездѣлна и бесчѣстна*), который получает падеж от финитного глагола (*хвалятъ* в (20), *взя* в (21), *отслали быхом* в (22)).

В Изборнике 1076 г. и в других переводных памятниках находят-ся аналогичные примеры со связкой:

(23) *Стѣи^ахъ оугождѣшиихъ гоу^а моли· акы^а помоштьны^а соушта^а и застоупники притѣкаюштиимъ къ нимъ...* [НКРЯ: Изб.]

(24) *оуповахомъ пребыти ѿ свободѣ, акы безъгрѣшни сѣце прѣ(д)бгомъ...* [НКРЯ: История Иудейской войны Иосифа Флавия. Не позже сер. XIII]

Единичные примеры такого типа встречаются и в оригинальных текстах:

(25) *Се же глаголаше къ мнихом поселянинъ онъ, глаголемый земледѣлецъ, и въ правду рещи поселянинъ, акы невѣжа сый и не смотряй внутрѣнима очима, но внѣшними, не вѣдый книжнаго писаниа...* [НКРЯ: Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского. 1417–1418]

Важно уточнить, что связка в таких сочетаниях выступает в нефинитных формах. Таким образом, можно заключить, что *акы* в значении причины встречается преимущественно в так называемых малых клаузах, т. е. клаузах, где отсутствует субъект в именительном падеже, а содержится именной предикат без связки, или, если имеется связка, то она выступает в форме причастия, как в (23) — (25). Различные варианты запросов в древнерусском, старорусском корпусе и текстах XVIII в. в основном корпусе с сочетанием «*акы/акы* + существительное / прилагательное / причастие + связка» дают лишь небольшое количество примеров, и все они, согласно нашей интерпретации, не имеют оттенка причины.

Как известно, *акы* становится менее употребительным и полностью утрачивается в языке XVIII в.; на рис. 1 показано, что этот период как раз совпадает с периодом экспансии причинно-ролевой конструкции с *как(о)*. В нашей выборке *как(о)* в конструкции роли не встречается до XVIII в., однако такие примеры находятся в источниках (6). В XVIII в. наблюдается рост числа таких примеров. Соответственно, можно заключить, что причинно-ролевая конструкция с *како* «наследует» *акы*, однако в отличие от *акы*, конструкция с *како* допускает связку в финитной форме (6).

Согласно [Kobozeva, Serdobolskaya 2021], в XVI в. начинается рост употребления *како* в сравнительных конструкциях в функции маркера симилиатива при именных группах. Причинно-ролевая конструкция закрепляется значительно позже, в XVIII в. В силу этого мы не связываем употребление *како* в данной конструкции с его

распространением в контексте симилиатива. Скорее это произошло в XVIII в. в силу общей экспансии *како* на контексты, которые ранее обслуживались *аки*. Одним из важных факторов является изменение синтаксических свойств *како*: до XVII в. он практически не использовался при именных группах, однако в XVII в. он начинает вводить именные группы и малые клаузы. В силу этого происходит экспансия *како* на причинно-ролевые контексты и замена *аки* в этих контекстах. Можно предположить, что такое развитие было усилено расширением конструкции «*как(о)* причины + коррелят», которое приходится как раз на этот временной период.

Заключение

Мы предполагаем, что причинный союз *как(о)* развился из просительного наречия *как(о)* со значением причины, которое, в свою очередь, возникло из значения способа (= образа действия) в результате концептуальной метафоры: причина события — это способ, которым оно было вызвано.

Как(о) употребляется в функции союза со значением причины еще в ранних источниках начиная с XII в.; до XVIII в. он вводит зависимые финитные клаузы причины с коррелятом в главной клаузе или без него. В XVIII в. конструкции без коррелята теряют употребительность; выбор коррелятов достаточно широк и включает как однословные дейктики (*то, так*), так и сочетания слов (*по тому, по сему*) и наречия (*следовательно*). Уже в этот период *так как* употребляется как единый составной союз, который, в свою очередь, может иметь коррелят в главной клаузе. В начале XX в. конструкция с составным союзом *так как* закрепляется в качестве единственной конструкции причины с *как*.

Причинно-ролевая конструкция с синтаксической структурой «*как* + малая клауза» имеет другую историю. По-видимому, она является результатом экспансии *как(о)* на контексты, которые в XI–XVII вв. обслуживались *аки* в ходе развития у *как(о)* употребления с именными группами. Рост числа причинно-ролевых конструкций с *как* наблюдается в XVIII в., параллельно с постепенной утратой *аки*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Из издания «Полное собрание русских летописей», СПб: Типография Эдуарда Праца, 1841 и след. гг.:
2. ПВЛ: Повесть временных лет. XI–XII вв. Лаврентьевский список.
3. Сузд: Суздальская летопись. XII–XIV вв. Лаврентьевский список.
4. НПЛ: Новгородская I летопись по Синодальному списку. XIII–XIV вв.
5. Воскр: Воскресенская летопись. XVI в.
6. (В примерах указан в скобках год событий в летописи.)

7. НГ: Новгородские грамоты, <http://gramoty.ru/birchbark/>
8. Из коллекции <http://lib.pushkinskijdom.ru/>
9. Изб: Изборник. 1076
10. Русская правда. XIV.
11. Жития святых. XII–XIV.
12. Хожение за три моря Афанасия Никитина. Под ред. Лурье Я.С., Семёнова Л.С. Изд-е 3. Л.: Наука, 1986.
13. Повесть о болезни и смерти Василия III. Памятники литературы Древней Руси: Середина XVI века. М.: Худож. лит., 1985.
14. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения 01.01.2022–01.10.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борковский В.И.* Синтаксис древнерусских грамот. Акад. наук СССР. Ин-т языкознания. М., 1958.
2. *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.; Л., 1947.
4. *Виноградов В.В., Шведова Н.Ю.* (отв. ред.). Изменения в строе сложноподчиненного предложения в русском литературном языке XIX века. М., 1964.
5. *Гиппиус А.А., Зализняк А.А., Торопова Е.В.* Берестяные грамоты из раскопок 2016 г. в Великом Новгороде и Старой Руссе // Вопросы языкознания, 2017. № 4. С. 7–24.
6. ДНД — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. Второе изд-е, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004.
7. *Истрина Е.С.* Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. ПГ., 1923.
8. *Кобозева И.М., Инькова О.Ю.* «Как» и его двухместные варианты // Семантика коннекторов: контрастивное исследование / Под ред. О.Ю. Иньковой. М., 2018. С. 169–239.
9. *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка: учеб. пособие для гос. ун-тов. М., 1956.
10. ОСРЯ — Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные связочные глаголы. Под ред. В.В. Морковкина. Изд-е 2-е, испр. М., 2003.
11. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Том III: Об изменении значения и заменах существительного. М., 1968.
12. *Прияткина А.Ф.* Конструкция с союзом «как» в простом предложении современного русского языка // Русский язык в школе. 1957. № 6. С. 47–52.
13. *Рахилина Е.В.* Семантика или синтаксис? (К анализу частных вопросов в русском языке). München, 1990.
14. РГ — *Шведова Н.Ю.* (ред.). Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
15. *Руднев Д.В.* Сложное предложение // Историческая грамматика русского языка / Под ред. В.Б. Крысько. М., 2020.
16. *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию и литературной правке для работников печати. М., 1970.
17. СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII в. М., 1975.
18. *Стеценко А.Н.* Исторический синтаксис русского языка. М., 1972.
19. *Шведова Н.Ю.* Местоимение и смысл. М., 1998.

20. Якубинский Л.П. История русского языка. М., 1953.
21. Heine B., Kuteva T. The Changing Languages of Europe. Oxford, 2006.
22. Kobozeva I., Serdobolskaya N. Diachronic evolution of Russian standard markers *kako* and *aky*. Linguistic Typology at the Crossroads, Bologna, Italy, v. 1, n. 1, p. 257–287, 2021. <https://typologyatcrossroads.unibo.it/article/view/13431>.
23. Lehmann C. Thoughts on grammaticalization. 3d edition. Language Science Press, 2015.
24. Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. Linguistics. In press.

REFERENCES

1. Borkovskii V.I. *Sintaksis drevnerusskikh gramot* [Old Russian charters syntax]. Akad. nauk SSSR. In-t yazykoznaniya. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958.
2. Bulakhovskii L.A. *Istoricheskii kommentarii k russkomu literaturnomu yazyku* [Historical comments to Standard Russian]. Kiev: Radyanska shkola, 1958.
3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk. (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian (Grammatical study of words)]. M.; L.: Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 1947.
4. Vinogradov V.V., Shvedova N.Yu. (eds.). *Izmeneniya v storye slozhnopodchinennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke XIX veka* [Changes in the syntax of subordinate clauses in the XIX century Russian literary language]. Moscow: Nauka, 1964.
5. Gippius A.A., Zalizniak A.A., Toropova E.V. Berestyanye gramoty iz raskopok 2016 g. v Velikom Novgorode i Staroi Russe // *Voprosy yazykoznaniya*, 2017, № 4. P. 7–24.
6. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialekt. Vtoroe izdanie, pererabotannoe s ucheto materiala nakhodok 1995–2003 gg.* [Old Novgorod dialect. Second edition taking into account the material of findings of 1995–2003.]. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004.
7. Istrina E.S. *Sintaksicheskie yavleniya Sinodal'nogo spiska 1-i Novgorodskoi letopisi* [Syntactic facts from the Synod Manuscript of the First Novgorod chronicle]. PG., 1923.
8. Kobozeva I.M., In'kova O.Yu. «Kak» i ego dvukhmestnye varianty ["Kak" and its two-valent variants] // O.Yu. In'kova (ed) *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie* [Semantic of clause linkers: a contrastive study]. M.: TORUS PRESS, 2018. P. 169–239.
9. Lomtev T.P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya gos. un-tov* [Essays on the Historical syntax of Russian: A manual for high schools]. M.: Izd-vo MGU, 1956.
10. OSRYa 2003 — *Ob'yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [An explanatory dictionary of Russian: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, parentheticals, pronouns, numerals, copulas]. Pod red. V.V. Morkovkina. Izd-e 2, ispr. M.: GIRYa im. A.S. Pushkina, 2003.
11. Potebnya A.A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From essays on Russian grammar]. Vol. III: *Ob izmenenii znacheniya i zamenakh sushchestvitel'nogo* [On change in meaning and replacement of nouns]. M.: Prosveshchenie, 1968.
12. Priyatkina A.F. Konstruktsiya s soyuzom "kak" v prostom predlozhenii sovremennogo russkogo yazyka [A construction with the conjunction "kak" in Modern Russian simple clauses] // *Russkii yazyk v shkole*. 1957. № 6. P. 47–52.
13. Rakhilina E.V. *Semantika ili sintaksis? (K analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke)* [Semantics or syntax? (On an analysis of constituent questions in Russian)]. München: Sagner, 1990.

14. RG — Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. T. I–II. M.: Nauka, 1980.
15. Rudnev D.V. Slozhnoe predlozhenie [Complex sentence] // V. B. Krys'ko (ed.) *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. M.: ITs Azbukovnik, 2020.
16. Rozental' D.E. *Spravochnik po pravopisaniyu i literaturnoi pravke dlya rabotnikov pechati* [A reference guide to standard orthography for the copy readers]. M.: Kniga, 1970.
17. SlRYa — *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII v.* [A dictionary of the Russian language of 11th–17th centuries]. M.: Nauka, 1975: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=xi-xvii>.
18. Stetsenko A.N. *Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka* [Historical syntax of Russian]. M.: Vysshaya shkola, 1972.
19. Shvedova N.Yu. *Mestoimenie i smysl* [Pronoun and sense]. M.: IRYa RAN, 1998.
20. Yakubinskii L.P. *Istoriya russkogo yazyka* [History of Russian]. M.: Uchpedgiz, 1953.
21. Heine B., Kuteva T. *The Changing Languages of Europe*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
22. Kobozeva I., Serdobolskaya N. Diachronic evolution of Russian standard markers *kako* and *aky*. *Linguistic Typology at the Crossroads*, Bologna, Italy, v. 1, n. 1, p. 257–287, 2021: <https://typologyatcrossroads.unibo.it/article/view/13431>.
23. Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. 3d edition. Language Science Press, 2015.
24. Serdobolskaya N., Kobozeva I. Diachronic evolution of the subordinator *kak* in Russian. *Linguistics*. In press.

Поступила в редакцию 10.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 14.02.2023

Received 10.10.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 14.02.2023

ОБ АВТОРАХ

Ирина Михайловна Кобозева — доктор филологических наук, профессор кафедры ТиПЛ филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kobozeva@list.ru

Наталья Вадимовна Сердобольская — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН; serdobolskaya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Irina Kobozeva — Ph. D. Habil., Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kobozeva@list.ru

Natalia Serdobolskaya — Ph.D., Senior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; serdobolskaya@gmail.com

**ОТЪ ИДЕТЬ ДО КОНЕЧЬНАГО СВОДА:
СЕМАНТИКА СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ АТИ (АТЬ) И ОТИ
(ОТЬ) В ОРИГИНАЛЬНЫХ ДРЕВНЕРУССКИХ
ПАМЯТНИКАХ
(на материале Национального корпуса русского языка)**

А.В. Птенцова

*Совместный университет МГУ-ППИ, Китай, г. Шэньчжэнь; Московский
государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва;
Институт языкознания РАН, Россия, Москва; anna.ptentsova@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается структура многозначности синонимичных древнерусских служебных слов **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**) на материале оригинальных текстов древнерусского подкорпуса и подкорпуса берестяных грамот Национального корпуса русского языка. В составе этих текстов данные слова могут выступать в качестве оптативных частиц, целевых и изъяснительных союзов; **ати** (**ать**) может употребляться также как условный союз. Спектр употреблений обоих синонимов оказывается шире представленного в словарях древнерусского языка. В части случаев значение лексем определяется однозначно; другая часть представляет собою промежуточные употребления. Представляется возможным определить последовательность переходов от одного значения к другому: семантика цели возникла, вероятно, на базе оптативного значения, которое стало отправной точкой и для возникновения значения изъяснительного. Оптативное же значение, видимо, вносилось на начальном этапе служебным словом *а*, слившимся затем в одно целое со следовавшей за нею усилительной частицей *ти*, утратившей после слияния собственную семантику; то же верно и для условного *ати*, образовавшегося, вероятно, из сочетания *а*-условного с частицей *ти*.

Ключевые слова: лексическая семантика; синонимия; служебные слова; древнерусский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-2

Финансирование: грант РФ № 22-18-00528.

Для цитирования: Птенцова А.В. Отъ и деть до конечьнаго свода: семантика служебных слов **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**) в оригинальных древнерусских памятниках (на материале Национального корпуса русского языка) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 30–43.

OT' IDET' DO KONECHNYAGO SVODA: SEMANTICS OF FUNCTION WORDS ATI (AT') AND OTI (OT') IN ORIGINAL OLD EAST SLAVIC TEXTS (ON THE BASE OF THE RUSSIAN NATIONAL CORPUS)

Anna V. Ptentsova

Shenzhen MSU-BIT University, China; MSU, Russia, Moscow; Institute of the Linguistics of the Russian Academy of Science; anna.ptentsova@gmail.com

Abstract. In this article I go into the structure of the polysemy of synonymous Old East Slavic function words *ati* (*at'*) and *oti* (*ot'*) on the base of original texts from OES subcorpus and the subcorpus of birch bark letters of the Russian National Corpus. In these texts regarded words can function as optative particles and as conjunctions of the purpose and complement clauses; the word *ati* (*at'*) can also be used as a conditional conjunction. The range of usages of the synonyms regarded appears to be wider than one described in OES dictionaries. Sometimes we can identify the meaning of these lexemes uniquely and in other cases the meaning lies between labeled semantic categories. It seems to be possible to describe the sequence of semantic changes: the purpose meaning has formed from the optative one, and then the conjunction of the complement clauses has formed from the purpose conjunction. The optative and the conditional meaning were expressed firstly by the particle *a* which converged later with the particle *ti* into a single function word.

Key words: lexical semantics; synonymy; function words; Old East Slavic

For citation: Ptentsova A.V. (2023) *Ot' idet' do konechnyago svoda: Semantics of Function Words ati (at') and oti (ot') in Original Old East Slavic Texts (on the Base of the Russian National Corpus)*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 30–43.

Настоящая статья посвящена описанию многозначности древнерусских служебных слов **ати** (и его фонетического варианта **атъ**) и **оти** (и его фонетического варианта **отъ**), синонимичных в подавляющем большинстве контекстов.

Источниками исследования послужили оригинальные тексты XI–XIV вв, входящие в исторический подкорпус Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) и тексты берестяных грамот (далее б. г.), составляющие отдельный подкорпус НКРЯ. Кроме того, к исследованию привлекались данные исторических словарей русского языка.

Рассматриваемые слова вписываются в продолжительный ряд служебных слов, состоящий из пар на **а-** и на **о-**: **аже** — **оже**; **ако** — **око**; **але** — **оле**; **али** — **оли**; **али же** — **оли же**; **ано** — **оно**; **аче** — **оче** и под.¹

¹ В ходе обсуждения настоящей статьи М.Н. Шевелевой было высказано предположение, что **оти** (**отъ**) не являлось отдельной по отношению к **ати** (**атъ**)

Относительно семантического параллелизма **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**) ср. также замечание А.А. Зализняка: «Характер исторического соотношения между этими двумя словами не совсем ясен; так или иначе, мена *а* — *о* здесь явно связана с такой же меной в *аже* — *оже*, *аче* — *оче*, *абы* — *обы*, *ако* — *око*» [Зализняк 1993: 307]².

Употребление частицы **ти** в несвободных сочетаниях было описано А.А. Зализняком на материале берестяных грамот: «Наиболее специфическое развитие частица *ти* обнаруживает в сочетании с *да* и *а* <...> Здесь происходит полное сращение двух элементов в единое слово (для *ати* — в очень раннее время <...>)» [Зализняк 2004: 197].

Действительно, если для компонентов **да** и **ти** в берестяных грамотах XII века еще находятся случаи дистантного расположения, не влияющего на семантику сочетания (см. [там же: 198–199]), то для **а** и **ти** подобных употреблений обнаружить не удастся: в случае дистантного расположения **а** выступает как сочинительный союз, связывающий две клаузы, а **ти** — как частица, употребляемая в качестве «усилителя индикативности»³; ср. **а не прнсьлѣши ми полѹпаты гривны а хоцѹ ти вырѹти въ тѣ лоуцьшаго новъгрожанина** (б. г. 246, XI в); аналогичным образом обстоит дело и в других древнерусских памятниках; ср. **и рекоша изъяславоу гюрги вышѣлъ ис киева а вачьславъ сѣдитъ ти в киевѣ** (КЛ 1446: 19).

Ср. также следующее рассуждение А.А. Зализняка: «Не отмечено <...> примеров, где между *а* и *ти* (при значении ‘пусть’) стояло бы какое-нибудь третье слово. В этом отношении весьма показательно то, что возможна последовательность *ать же* <...> Поскольку частица *ти* относится (когда она выступает самостоятельно) к рангу 4, а *же* — к рангу 1 <...>, т. е. *ти* в принципе должно стоять правее, чем *же*, данный пример оказывается прямым свидетельством того, что <...> *ать* — единое слово» [Зализняк 1993: 308].

Словари также рассматривают **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**) как слитные лексические единицы. Однако существующие лексикографические описания этих единиц не вполне совпадают друг с другом.

[СРЯ XI–XVII 1: 58; 13: 179] указывает, что **ать** и **оть** могут выступать в качестве союза или частицы, употребляться для выраже-

синонимической служебной единицей, а представляло собою лишь ее вариант с более естественным для живого древнерусского языка гласным в начале слова. Благодарю М.Н. Шевелеву за это замечание.

² Ср., однако, [Зализняк 2008а: 277], где **ати** и **оти** рассматриваются в одном ряду с **-ка** / **-ко**, **да** и **до**, **даже** и **доже**, то есть с лексемами, в которых чередование **а** / **о** представлено не в начале слова.

³ О термине «усилитель индикативности» см. [Зализняк 1993: 303].

ния волеизъявления или намерения и близки по значению к *пусть* и *да*.

[СДРЯ I: 99; VI: 307] описывает **ати** (**атъ**) как модальную частицу с указанными значениями, а **оти** (**отъ**) — как союз со значением 'чтобы'.

В [Срезневский I: 32–33; III: 827] оба служебных слова переведены при помощи частицы *пусть*⁴.

В словоуказателе к текстам берестяных грамот [Зализняк 2004: 710, 733] **ати** (**атъ**) и **оти** (**отъ**) помечаются как союзы.

Следует заметить, что первые два словаря дают также отсылки к двум другим лексическим единицам — **атъ** и **отъ**, которые, судя по иллюстрирующим примерам, полностью идентичны по своему значению **атъ** и **отъ**; отсылка к **атъ** содержится также и в словаре Срезневского. В текстах оригинальных древнерусских памятников, представленных в НКРЯ, находится 11 случаев употребления **атъ**, не имеющих семантических отличий от **атъ** и обычно выступающих в качестве его варианта в параллельных чтениях разных летописей; в настоящей статье такое **атъ** отдельно рассматриваться не будет. Поиск частицы/союза **отъ** не дает результатов в древнерусском подкорпусе.

Что касается корпуса берестяных грамот, то **атъ** находится здесь дважды, причем в обоих случаях значение его не совпадает со значением **атъ**, а соответствует, согласно [Зализняк 2004: 710], значению современных союзов *но* и *однако* (один из этих двух случаев не вполне надежен); это **атъ**, по-видимому, следует расценивать как омоним по отношению к **атъ**, зафиксированному словарями. Служебное слово **отъ** в берестяных грамотах, как и в древнерусском подкорпусе, не засвидетельствовано.

Перейду к изложению собственных наблюдений над семантикой **ати** (**атъ**) и **оти** (**отъ**). Объектом описания послужил материал в общей сложности 97 контекстов из древнерусского подкорпуса и подкорпуса берестяных грамот — 74 контекста с **ати** (**атъ**) и 23 контекста с **оти** (**отъ**). Редуцированные варианты **атъ** и **отъ** в обоих подкорпусах фиксируются гораздо чаще, чем двусложные.

Остановлюсь коротко на вопросе о текстах (из числа оригинальных в составе древнерусского подкорпуса), в которых используются **ати** (**атъ**) и **оти** (**отъ**). В подавляющем большинстве случаев рассматриваемые слова встречаются в текстах летописей — Волынской (ВЛ) и Киевской (КЛ) по Ипатьевскому списку; Новгородской I по Синодальному списку (НПЛ), Повести временных лет (ПВЛ) и Суз-

⁴ Отметим, что в [Словарь XI–XVII] не указаны исходные фонетические варианты **ати** и **оти**, и второй из них отсутствует также в словаре Срезневского.

дальской (СЛ) по Лаврентьевскому списку. Кроме этого, данные слова фиксируются в Русской Правде по Новгородской Кормчей 1282 г. (РП), Вопросании Кириковом сер. XII в. (ВК), Поучении Ильи-Иоанна 2 пол. XII в. (Поуч. Ильи-Иоанна), Поучении Серапиона XIII в., Духовной Климента (XIII в.).

Рассматриваемые слова не встретились в целом ряде памятников из числа входящих в НКРЯ: в Галицкой летописи (при активном употреблении в Волынской и особенно Киевской летописях!); в Поучении Владимира Мономаха, в Хожениях игумена Даниила и архиепископа Антония, в Сказании о Борисе и Глебе, в Житии Феодосия Печерского, в Слове Даниила Заточника. Интересно, что в книжных переводных памятниках, не являющихся предметом исследования в настоящей статье, вполне употребительно **ати** (**ать**): оно встречается в текстах Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, Повести об Акире Премудром и в Пчеле.

Тем самым, обсуждаемые слова не имели выраженных территориальных ограничений внутри восточнославянского ареала и были допустимыми в книжных текстах, включая стандартный церковнославянский регистр, однако употреблялись в подобных текстах весьма избирательно. Возможно, это связано с тем, что данные слова отчетливо тяготели к прямой речи (см. ниже).

Нужно заметить, что спектр употреблений данных служебных единиц несколько шире описанного в словарях, причем представляется возможным обрисовать последовательность семантических переходов от одного значения к другому. Эти значения, за единственным исключением, предсказуемо совпадают для данных синонимов: **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**) могут выступать 1) в качестве оптативной частицы; 2) в качестве целевого союза; 3) в качестве изъяснительного союза. Кроме того, **ати** (**ать**), в отличие от **оти** (**оть**), был зафиксирован в функции условного союза (однако такие употребления весьма редки, см. ниже).

Возможность выступать в качестве изъяснительного союза словарями не отмечается; нет в них и упоминаний о функции условного союза, хотя в [СРЯ XI–XVII, 1: 58] в статье **ать** один из приводимых примеров соответствует именно условному значению.

В части случаев значение лексем определяется однозначно; другая же часть представляет собою промежуточные употребления.

Рассмотрим указанные значения по порядку, отмечая и промежуточные случаи и не разделяя материал для **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**).

В качестве оптативных частиц со значением, близким значению современных *пусть*, *давай(те)*, *-ка*, описываемые служебные слова в подавляющем большинстве случаев используются в составе прямой речи:

(1) снѡу мон володимероу не могу ѿ рати своен ѣхати <...> а кто ми доправитъ рать мою домовъ а се в мое мѣсто снѣ мон шлегѣ атъ ѣдетъ с тобою (ВЛ 874: 13) — ‘пусть едет’;

(2) и приѣха види (sic!) повержена игорѣ. мрѣтвого. и рече се оуже игорѣ есте оубили. атъ похорони^м тѣло его (КЛ 129г: 13) — ‘давайте похороним’;

(3) и начаша сѧ просити чернии клобѹци оу мьстислава напередъ. атъ согладаемъ кнѣже велика ли рать (КЛ 185а: 16) — ‘давай посмотрим’;

(4) и посѣд[ѣ]въ мало давидъ рече гдѣ есть братъ. они же рекоша ему стонѣ на сѣнехъ. і въставъ давидъ рече атъ идѹ по нь. а ты тоу брате посѣди (ПВЛ 89а: 21) — ‘пойду-ка я за ним’;

(5) а ныне слышу боленоу сестроу оце ю бо поемете а присоли соно ко мене <...> оте побоуде сыно-у мене (б. г. 705, XIII в) — ‘пусть побудет’.

Возможно также употребление ати (атъ) и оти (отъ) в контекстах, не являющихся прямой речью в строгом смысле слова, но прагматически близких к ней; ср. фрагмент завещания, формат которого с обязательностью предполагает обращение от первого лица:

(6) се гдѣ князь володимѣръ <...> далъ есмь княгинѣ своен. по своему животѣ. городъ свои кобыни. и с людьми и з данью. како при мнѣ давали тако и по мнѣ. атъ даютъ и княгинѣ моеи (ВЛ 903: 21) — ‘пусть дают’.

Ср. также фрагмент из поучения новгородского архиепископа Ильи-Иоанна, также представляющего собою по сути прямую речь:

(7) а кто дѣѣа донѣ мѣи ли или корьмилица шѣ не ѣдатъ мѣсъ ни молока и до шѣѣа говѣють до шмого днѣи (Поуч. Ильи-Иоанна) — ‘пусть не едят’.

Единственное исключение — контекст из Русской Правды, где отъ употребляется вне прямой речи:

(8) аже кто познать чѣ(ла)динъ свои оукраденъ. а поиметь и. то шномуу вести и по коунамъ и до третѣаго свода. поати же чѣладинъ въ чѣладина мѣсто. а шномуу дати лице. отъ идѣтъ до конечнаго свода (РП) — ‘пусть идет’.

Однако данный случай является исключением лишь формально, поскольку тексты законов, фактически представляющие собою распоряжения, весьма близки прямой речи⁵.

⁵ Ср. [Живов 2008: 316], где автор, выделяя особый («легальный», то есть относящийся к юридической сфере) режим интерпретации текста, противопоставляет его по ряду существенных признаков режиму нарративному и диалогическому. Полностью соглашаясь с выводами статьи, замечу, однако, что легальный и диалогический режимы весьма близки друг другу — именно в силу того, что фор-

Забегая вперед, отметим также, что и в других семантических функциях рассматриваемые слова всегда оказываются связаны с прямой речью. В этом отношении они типологически сходны со служебным словом **ци (чи)**, отличающимся от своего ближайшего синонима **ли** именно по данному признаку; иными словами, **ати** (**атъ**) и **оти** (**отъ**), так же, как **ци (ти)**, можно назвать дискурсивными словами (подробное описание семантики **ци (чи)** см. [Птенцова 2000]).

Выполняя роль оптативных частиц, рассматриваемые синонимы вводят независимую клаузу и в подавляющем большинстве случаев располагаются в ее начале, что исторически связано с их акцентным статусом. Статус слов типа **ати** описывается в [Зализняк 2004: 185–186, 188]: это сочетание представляло собою проклитико-энклитический комплекс, в составе которого акцентно самостоятельное слово отсутствовало, но который являлся отдельной тактовой группой (фонетическим словом)⁶. Данная акцентная модель «практически возможна только для ограниченного списка сочетаний: *а ли, а ти, а бы, и ли, да ти, да же, да бы*. Все эти сочетания <...> имеют тенденцию к превращению в единые слова с самостоятельным значением. Эта тенденция уже в ранне-д.-р. период по существу реализовалась для *али, ати, или*» [там же: 188]. Понятно, что аналогичный статус был и у служебного слова **оти**, которое, как уже отмечалось, по-видимому, выступало в качестве варианта **ати**.

Исключение из правила о начальном положении в клаузе весьма редки. Это, в частности, контекст (9), где к **атъ** примыкает слева проклитика **но**⁷, что с учетом цельности **атъ** не нарушает просодических правил:

(9) *изъяславъ же поклонивъсѧ стѣма мѣнкома и ѿцѣю своемуу вѣчеславоу и рече емоу ты сѧ ѿцѣ не троуди. но атъ поѣдоу азъ къ звенигородоу. противоу володимероу* (КЛ 145б: 31) — ‘давай я поеду’.

Кроме того, в неначальной позиции находится **атъ** в (6): *такѡ и по мнѣ. атъ дають и княгинѣ моеи*. Здесь начальная часть представляла собою ритмико-синтаксический барьер, блокировавший продвижение **атъ** к началу клаузы⁸.

мулировка санкции является как бы распоряжением, напрямую обращенным от лица общества к участникам судебного процесса.

⁶ См. подробнее работу [Зализняк 2008: 72–78], где для проклитико-энклитических комплексов, слившихся в цельное слово с новым значением, не равным сумме значений его частей, предложен термин «сращения».

⁷ Об акцентном статусе **нъ** > **но** см. [Зализняк 2010: 146].

⁸ О понятии барьера см. [Зализняк 2004: 187].

Возвращаясь к семантике рассматриваемых слов, следует обратить внимание на тот факт, что рассмотренные примеры не вполне однородны: контексты (5) и (8), в отличие от прочих случаев, допускают двоякую интерпретацию. Служебное слово **отъ** может рассматриваться здесь не только как оптативная частица, но и как целевой союз, а присоединяемая им клауза — как подчиненная; тем самым, помимо представленных выше переводов, возможен и другой вариант — с целевым союзом *чтобы*.

Подобные случаи встречаются весьма регулярно; приведу еще несколько:

(10) татари же прислаша. ко лвови и к володимерови. тако рекуче дѣти нашѣ видѣлѣ. вже рать стоитъ за горою. пара идеть ис конен. а пошлете люди добрыи с наши^м татары **атъ** оусмотриатъ што боудеть (ВЛ 873: 2) — ‘пусть рассмотрят / чтобы они рассмотрели’;

(11) а жена моя пострижеть сѧ въ чернице то выданте ки четверть **утъ** не боудеть голодна (Духовная Климента) — ‘пусть не будет / чтобы не была голодна’;

(12) фѣдосни же рече⁹ положите хлѣбъ пред нимъ и не выкладанте в рѣцѣ емоу. **атъ** самъ ясть (ПВЛ 72а: 9) — ‘пусть сам ест / чтобы сам ел’.

Возможность двоякой интерпретации возникает каждый раз в том случае, когда семантическое соотношение клауз позволяет осмыслить вторую из них как содержащую указание на цель действия, обозначенного в первой⁹. Именно подобные контексты, по-видимому, и послужили источником развития у рассматриваемых служебных слов целевого значения.

Из приведенных выше примеров лишь некоторые относятся к данному типу; ср. невозможность целевой интерпретации в (1), (2), (9), где клауза, вводимая **атъ**, состоит в иных семантических отношениях с предшествующей клаузой и, безусловно, является не подчиненной, а равноправной ей в отношении синтаксическом. Ср. еще (3) и (4), где вводимая при помощи **атъ** клауза открывает прямую речь и не имеет тесной связи с левым контекстом; а также контексты (6) и (7), в которых **атъ** тоже вводит независимую клаузу. Во всех этих случаях мы однозначно имеем дело с оптативной частицей.

⁹ Ср. описания придаточных целевых предложений современного русского языка в [РГ 1980, II: 594]: «Придаточное предложение информирует о назначении того, о чем сообщается в главном <...> Главная часть сообщает о предпосылке, которая предопределяет, обеспечивает ожидаемое следствие; придаточная часть сообщает о стимуле». Употребление в сходных древнерусских контекстах служебных слов со значением оптативности и их переход в целевые союзы обусловлен именно желательностью ситуации-цели.

Существуют, однако, и такие контексты, в которых интересующие нас служебные слова выражают в точности целевое значение и должны быть квалифицированы именно как союз, вводящий подчиненную клаузу. Ср.:

(13) аже ти боудемъ вворзѣ надоби. а посли противоу к намъ атъ мы ворже пидемъ (КЛ 1576: 4) — ‘чтобы мы быстрее пошли’;

(14) хочемъ ли оучинити поутъ на зимоу. а такъ же ны тави. атъ та повелю дрожинѣ своеи доспѣшны¹⁰ быти (КЛ 234а: 16) — ‘чтобы я повелел’;

(15) а егѧ приходать дѣти к вамъ на покоюние моужи и жены въпрошанте самѣхъ ноужно бо есть члѣвкѣ еже самомѣ начати и молвитѣ своѧ грѣхы <...> но вамъ дѣстотно съпрашивати съ тихостию атъ онѣмъ легко повѣдывати (Поуч. Ильи-Иоанна) — ‘чтобы тем было легко рассказывать’.

Отметим единожды зафиксированный случай сочетания целевого атъ с инфинитивом:

(16) и рѣша дрожж[и]на князю <...> посли ко всеславоу атъ призваше ко вконьцю и проньзюти и мечемъ (ПВЛ 63d: 15).

Однако, как видно из примеров, в абсолютном большинстве случаев рассматриваемые служебные слова сочетаются с личными формами глагола¹⁰.

Эти синтаксические особенности сближают наши слова с диалектным древненовгородским союзом дати (дать) ‘пустить’, ‘чтобы’; ср.: «Союз дати (дать) выступает в нормальном случае в сочетании с презенсом <...> Модификацией такого сочетания являются примеры, где опущена связка <...> Но этот союз может сочетаться и с бы, <...> и с инфинитивом» [Зализняк 2004: 199].

Сочетания с опущенной связкой возможны и для рассматриваемых слов (по крайней мере, для атъ); ср. (15).

О близости данных служебных слов к целевому дати свидетельствуют также приводимые [там же: 199] колебания в параллельных чтениях летописей: посли, дѧтъ Всеслава блюдоутъ (Новороссийский список Новг. IV лет.) / атъ Всеслава блюдутъ (Акад. НПЛ).

Однако сочетания с вы в случае ати (атъ) и оти (отъ) в текстах древнерусского подкорпуса не находятся¹¹.

¹⁰ Интересно, что рассматриваемые служебные единицы легко сочетаются с формами 1-го лица, ср. (2), (3), (4), (9), (13), (14), хотя в обычном случае употребление косвенного повеления с 1-м лицом затруднено. Благодарю Е.А. Власову за это наблюдение, высказанное при обсуждении моего материала.

¹¹ Отмечу, что по сравнению с ати (атъ) и оти (отъ) союз дати (дать) оказывается ближе по своим синтаксическим возможностям к «классическим» целевым союзам абы и чтобы, сочетающимся с л-формами глагола; см. [Борковский 1958: 161–165].

В контекстах с глаголами речи рассматриваемые слова, связывая две соседние клаузы и тоже выступая в качестве союзов, реализуют изъяснительное значение (однако в некоторых случаях отчетливо ощущается близость таких союзов к оптативной частице). Ср.:

(17) и рече володиславъ. се держимъ колодники собѣ на смѣрть но повели княже атъ посѣкоуть и. и съсѣкоша ѣ всѣ (КЛ 200в: 32) — ‘повели, чтобы посекали / пусть посекут’;

(18) аще есмъ тогда не былъ надъ братомъ своимъ а повелита ми уть шедъ вплачу гробъ юго (СЛ 342: 8) — ‘повели, чтобы я оплакал’;

(19) ѿ микѣѡра: ко тѣтоке молови ратемирѣ оти сѧ соцете со моноу (б. г. 346, кон. XIII в.) — ‘скажи, чтобы счелся / пусть сочтется’.

Отметим и для этого типа контекстов значительную близость наших служебных слов к союзу дати, также способному выражать изъяснительное значение; ср.: олекса колбинць. далъ: пороукоу. в коунахъ: дати бы дати: коуны: на пытровъ днь <...> (б. г. 389, сер. XIV в.) — Олекса Колбинец поручился относительно денег, [а именно, в том], чтобы дать деньги в Петров день <...> (пер. А.А. Зализняка).

Ср. также указанный в [Зализняк 2004: 199] еще один случай разночтений: а повѣлита ми, дать шедъ оплачу гробъ его (Новороссийский список Новг. IV) / уть шедъ вплачу (Лавр. список ПВЛ) / атъ шедъ оплачу (Радзивил. список ПВЛ).

В некоторых случаях союз, вводящий клаузу-содержание, имеет дополнительный оттенок цели; подобные контексты, таким образом, являются нейтрализующими для описываемых слов в изъяснительном и целевом значении:

(20) возборонѣвантѣ жена^м уть не ходѣть къ волѣхвомъ (Поуч. Ильи-Иоанна) — ‘запрещайте, чтобы не ходили’ (клауза, вводимая уть, указывает и на содержание запрета, и на его цель);

(21) а о црѣковьно^м стоѣяни сваритеса на лю^{аи} ѿ мѣлчатъ наипа^ч же на женѣ (Поуч. Ильи-Иоанна) — ‘ругайте, чтобы молчали’ (и здесь вторая клауза указывает и на содержание порицающих высказываний, и на цель порицаний).

Выступая в качестве изъяснительного союза, рассматриваемые служебные слова, так же, как и в других случаях, сочетаются с личными формами глагола настоящего времени. В этом отношении изъяснительные клаузы с модальной семантикой, вводимые ати (ать) и оти (отъ), противопоставляются другим модальным конструкциям косвенной речи. Такие конструкции были подробно описаны в работе [Власова 2014] — это, в частности, конструкция с л-формой глагола, вводимая союзами абы и дабы, с опорными пре-

дикатами просьбы/распоряжения, то есть с теми же предикатами, что и в рассмотренных примерах.

Тем не менее, несмотря на это синтаксическое различие, кажется правильным причислить **ати** (**ать**) и **оти** (**отъ**) к числу служебных средств, способных выступать в качестве изъяснительных союзов, а вводимые ими клаузы с глаголами в личных формах настоящего времени считать еще одним способом передавать модально нагруженную косвенную речь.

Для служебного слова **ати** (**ать**) возможен еще один тип употреблений — в качестве условного союза. Однако такие случаи были зафиксированы лишь трижды на 74 случая употребления этого служебного слова, ср.:

(22) **ать** ворождоу. про игора. ѿложать. и паки того не створать что же хотѣли оучинити а то^г лишатъсѧ. то мирисѧ (КЛ 133в: 25);

(23) **ати** боуде вонна а на ма почъноу а молитесѧ гостатю къ къназю (б. г. 527, сер. XI в.).

О развитии условного значения из значения ‘пусть’ см. [Птенцова 2014: 182–183]. Возможность совмещения значений побуждения и допущения современными аналогами **ати** (**ать**) — частицами *пусть* и *пускай* — отмечается в [РГ 1980, I: 115].

Не отрицая верности этих наблюдений, приведу, однако, рассуждение А.А. Зализняка, предполагавшего для данного слова иной семантический путь, а именно, что условное значение развилось не из сросшегося **ати** (**ать**) ‘пусть’, а на предыдущем шаге — из условного значения служебного слова **а**, за которым следовало усилительное **ти**; таким же образом у **ати** (**ать**), согласно этой гипотезе, возникло и значение ‘пусть’. Ср. [Зализняк 1993: 308]: «Мы полагаем, что здесь реализуются значения, возможные (в определенных контекстах) у слова *а*, а частица *ти* первоначально служила здесь <...> для усиления. Употребление *а* в значении ‘если’ хорошо известно <...> Гораздо менее известны случаи употребления *а* в значении, близком к ‘пусть’ <...> Вот достаточно яркий пример: *а дружинъ его ре^ч: а кому вас годно а идетъ* <...> (Киевская летопись по Ипат., под 1171 г., л. 195 об); *а идетъ* здесь практически равнозначно *ать идетъ*».

Так или иначе, **ати** (**ать**), несмотря на редкость использования в значении ‘если’, безусловно, должно быть включено в число многочисленных условных союзов древнерусского языка¹².

¹² Нужно отметить, что в подробной и тщательной работе [Юрьева, в печати], посвященной описанию условных союзов в оригинальных древнерусских памятниках (в том числе в КЛ и берестяных грамотах), употребление **ать** ‘если’, к сожалению, не отмечается.

Завершая семантическое описание служебных слов **ати** (**ать**) и **оти** (**оть**), опишу вероятную последовательность развития всех рассмотренных значений. Оптативное и условное значение **ати** (**ать**), по-видимому, было принесено его первым компонентом **а**; затем на базе оптативного значения развиваются целевое и изъявительное значения. Вариант **оти** (**оть**) возникает, по-видимому, уже после слияния **а** и **ти** и наследует по крайней мере три значения из четырех представленных в случае **ати** (**ать**).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. Ч. 2. М., 1958.
2. Власова Е.А. Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи в русских летописях XI — XVI вв. // Русский язык в научном освещении. Т. 27. № 1. М., 2014. С. 185–205.
3. Живов В.М. Юридические кодексы и режим интерпретации // Динамические модели. Слово. Предложение. Текст. Сборник статей в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.
4. Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот // В.Л. Янин, А.А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Т. IX. М., 1993. С. 191–321.
5. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
6. Зализняк А.А. Слово о полку Игореве. Взгляд лингвиста. М., 2008а.
7. Зализняк А.А. Древнерусские энклитики. М., 2008b.
8. Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. 1. М., 2010.
9. Птенцова А.В. Семантика и функции служебного слова *ци* (*чи*) в языке древнерусских памятников (XI–XIV вв.) и современных диалектах // Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. М., 2000. С. 209–219.
10. Птенцова А.В. Даже в ня поя обряще криво... О союзе *даже* и статусе конструкции *да + praesens* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. Т. 28. № 2. М., 2014. С. 180–190.
11. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
12. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М., 1988. Т. VI. М., 2000.
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб., 1893. Т. III. СПб., 1903.
14. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. Вып. 13. М., 1987.
15. Юрева И.С. Условные союзы в оригинальных древнерусских памятниках разных жанров (в печати).

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Национальный корпус русского языка, древнерусский подкорпус. [Электронный ресурс]. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (дата обращения 20.10.2022).

Национальный корпус русского языка, подкорпус берестяных грамот [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-birchbark.html> (дата обращения 20.10.2022).

REFERENCES

1. Borkovskii V.I. Sintaksis drevnerusskikh gramot [Old Russian charters syntax]. Part 2, Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1958. (In Russ.).

2. Vlasova E.A. Infinitiv i soslagatelnoe naklonenie v kosvennoi rechi v russkikh leto-pisyakh XI–XVI vv. [Infinitive and Conditional Mood in indirect speech in Russian chronicles of XI–XVI cc.] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, Vol. 27, no. 1, pp. 185–205. (In Russ.).
3. Zhivov V.M. Yuridicheskie kodeksy i rezhim interpretatsii [Legal codes and the interpretation mode] // *Dinamicheskie modeli. Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sbornik statei v chest E.V. Paduchevoi*. Moscow, 2008, pp. 309–328. Moscow, 2010. (In Russ.).
4. Zaliznyak A.A. K izucheniyu yazyka berestyanykh gramot [On the study of the language of birch bark letters] // V.L. Yanin, A.A. Zaliznyak. *Novgorodskie gramoty na bereste*. V. IX. Moscow, 1993, pp. 191–321. (In Russ.).
5. Zaliznyak A.A. *Drevnenovgorodskii dialect [Old Novgorodian Dialect]*. 2nd ed. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury, 2004. (In Russ.).
6. Zaliznyak A.A. Slovo o polku Igoreve: vzglyad lingvista [The Tale of Igor's Campaign: a linguist's point of view]. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2008a. (In Russ.).
7. Zaliznyak A.A. *Drevnerusskie enklitiki [Old East Slavic enclitics]*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, 2008b. (In Russ.).
8. Zaliznyak A.A. *Trudy po aktsentologii [Works on accentology]*. T. 1. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur, 2010. (In Russ.).
9. Ptentsova A.V. Semantika i funktsii sluzhebного слова tsi (chi) v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov (XI–XIV vv.) i sovremennykh dialektakh [Semantics and functions of the function word tsi (chi) in the OES texts (XI–XIV cc.)]. *Voprosy russkogo yazykoznanii*, 2000. Vol. VIII, pp. 209–219. (In Russ.).
10. Ptentsova A.V. Dazh' v nya poya obryashche krivo... O soyuze dazhe i statuse konstruktsei da + praesens v drevnerusskikh tekstakh [Dazh' v nya poya obryashche krivo... About the conjunction dazhe and the status of the construction da + praesens in OES texts] // *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014. Vol. 28, no. 2, pp. 180–190. (In Russ.).
11. *Russkaya grammatika [Russian Grammar]*. 2 vol. Ed. By N.Yu. Shvedova. Moscow, Nauka, 1980. (In Russ.).
12. *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Dictionary of Old Russian language (XI–XIV cc.)]*. V. I. Moscow, Russkii yazyk, 1988. V. VI. Moscow, Azbukovnik, 2000. (In Russ.).
13. Sreznevskii I.I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka [Materials for Old Russian language dictionary]*. V. I. Sankt-Peterburg, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka I slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk, 1893. V. III. Sankt-Peterburg, Izdanie Otdeleniya russkogo yazyka I slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk 1903. (In Russ.).
14. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian language of the XI–XVII cc.]*. Vol. 1. Moscow, Nauka, 1975. Vol. 13. Moscow, Nauka, 1987. (In Russ.).
15. Yur'eva I.S. *Uslovnye soyuzы v original'nykh drevnerusskikh pamyatnikakh raznykh zhanrov (v pechati) [Conditional conjunctions in original OES texts of various genres]*. (In Russ.).
16. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, drevnerusskii podkorpus [OES subcorpus of the National Russian corpus]* [Elektronnyi resurs]. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-old_rus.html (data obrashcheniya 20.10.2022).

17. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka, podkorpus berestyanykh gramot [Birch bark letters subcorpus of the National Russian corpus] [Elektronnyi resurs]. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-birchbark.html> (data obrashcheniya 20.10.2022).

Поступила в редакцию 12.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 17.02.2023

Received 12.10.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 17.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Анна Владимировна Птенцова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; anna.ptentsova@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anna Ptentsova — Ph. D., Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; anna.ptentsova@gmail.com

МЕЛОДИЧЕСКИЙ КОНТУР ОБЩЕГО ВОПРОСА В ЗАПАДНОМ СРЕДНЕРУССКОМ АКАЮЩЕМ ГОВОРЕ ЧАСТЬ II: ПСКОВСКИЕ ГОВОРЫ

С.В. Князев, С.В. Дьяченко

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук,
Москва, Россия; svknia@gmail.com; svet-lan-a@list.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию тонального контура общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре Островского района Псковской области на материале записей 2014 г. общей длительностью 12 часов. Проведенный анализ дает основания утверждать, что основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в западном среднерусском акающем псковском говоре по сравнению с другими среднерусскими говорами (и литературным русским языком) является возможность сверххранного тайминга восходящего тонального акцента. Эта особенность сближает его с архангельскими говорами, от которых все среднерусские диалекты отличаются отсутствием сохранения высокого тона на заакцентных слогах. От восточного среднерусского акающего говора Владимирско-Поволжской группы он отличается также отсутствием отрицательного заноса (нисходящего движения тона на предударном слоге перед его повышением в начале ударного). Отличие от литературного русского языка состоит еще и в отсутствии усечения тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе. От самого близкого в этом отношении селигеро-торжковского говора псковский отличается большей частотностью сверххранного тайминга (тональный максимум восходящего акцента может достигаться в начале согласного инициали ударного слога) и регулярным отсутствием фразового тона. Таким образом, мелодический контур в целом имеет вид %L (L+)H* (L-) L%.

Ключевые слова: западные среднерусские акающие говоры; общий вопрос; фонетика; интонация; тональный акцент

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-3

Для цитирования: Князев С.В., Дьяченко С.В. Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть II: Псковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 44–60.

MELODIC CONTOUR OF YES-NO QUESTION IN WESTERN MIDDLE-RUSSIAN DIALECT WITH AKAN'JE

Part II: Pskov dialect

Sergey V. Knyazev, Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow; svknia@gmail.com, svet-lan-a@list.ru

Abstract: This paper deals with the intonation of yes-no question in Western Middle-Russian dialect with akan'je spoken in Ostrov district of Pskov region. The study, based on the material of dialectal speech recordings made in the 2014 (eight speakers born in 1930–1945, total duration — 12 hours), reveals that the melodic contour of yes-no question in Western Middle-Russian dialect occupies an intermediate position between corresponding tonal structures of Modern Standard Russian and those of Northern Russian dialects: while sharing rising pitch associated with the accented syllable and falling tone on the postaccented ones, it differs 1) from the Standard Russian owing to earlier timing of the pitch accent (with the maximum tonal point around the middle of the stressed vowel rather than at the end of the stressed syllable for the Standard variety) and the absence of truncation of the falling tune and 2) from the Northern one — due to the absence of high phrase tone on postaccented syllables. The difference with Eastern Middle-Russian dialects with okan'je lays in the domain of pretonic syllable which bears a 'falling set-up'. Pskov dialect differs from the neighboring Seliger-Torzhok idiom in the higher frequency of an extra-early timing in a regular lack of the low phrase accent. We thus suggest the interpretation of %L (L+)H* (L-) L% for the melodic contour in Pskov Middle-Russian dialect with akan'je.

Key words: Western Middle-Russian dialects; yes-no question; phonetics; prosody; pitch accent

For citation: Knyazev S.V., Dyachenko S.V. (2023) Melodic Contour of Yes-No Question in Western Middle-Russian Dialect with Akan'je. Part II: Pskov Dialect. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 44–60.

1. Введение

В современном русском литературном языке (СРЛЯ) общий вопрос обычно оформляется восходяще-нисходящим движением тона (ИК-3): «На ударном слоге выделенного слова тон резко повышается. При этом необходимо иметь в виду две особенности повышения тона: ударный слог начинается с высокой точки по сравнению с предупредным слогом; в пределах ударного слога тон продолжает повышаться... На заударном слоге тон резко понижается» [Брызгунова 1963: 240, 243].

Этот акцент в СРЛЯ характеризуется **поздним таймингом**: максимум частоты основного тона (ЧОТ) приходится на конец ударно-

го слога, а при наличии заударного — на его начало [Igarashi 2006: 190, 193]. При этом начало восходящего движения тона (LTP) приходится обычно на инициаль (начальный согласный) ударного слога акцентоносителя (“low turning point at the onset of accented syllable”) [Igarashi 2006: 190].

Если заударные слоги после ударного гласного акцентоносителя во фразе отсутствуют, этот мелодический контур в СРЛЯ подвергается усечению (“truncation”): падения тона после его подъема не наблюдается [Odé 2005; Янко 2004: 92; Rathcke 2017: 225].

В севернорусских диалектах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего или предпоследнего сохраняется высокий уровень ЧОТ [Post 2005: 49; Пост 2007; Post 2008; Князев 2022b]. В юго-западных говорах после повышения тона на ударном гласном акцентоносителя может происходить дальнейшее увеличение ЧОТ на заударных слогах [Касаткина 2002].

Анализ тонального контура общего вопроса в среднерусских говорах [Князев, Дьяченко 2023a; Князев, Дьяченко 2023b] показал, что различия между разными диалектными системами (и СРЛЯ) могут заключаться в

- месте тонального максимума восходящего акцента;
- характере движения тона на заакцентных слогах;
- наличии или отсутствии усечения тонального контура;
- наличии или отсутствии промежутка, на котором сохраняется ровный высокий тон, после достижения максимума ЧОТ;
- наличии или отсутствии отрицательного заноса — понижения тона на предударном слоге перед его повышением на ударном.

2. Материал, информанты и краткая характеристика говора

2.1. Материалом исследования служили общие вопросы, извлеченные из звуковых записей спонтанной речи жительниц деревень Дарьино, Котельно и Логовино Островского района Псковской области.¹ Материал представляет собой сплошную выборку соответствующих конструкций из 12 часов аудиозаписей.

2.2. Все информанты — коренные деревенские жительницы Островского района, то есть и они сами, и их предки родились и всю жизнь прожили в тех деревнях Островского района, где были сделаны аудиозаписи, или в соседних с ними. Населенные пункты,

¹ Аудиозаписи говора сделаны С.В. Дьяченко и И.И. Исаевым в экспедиции 2014 года, организованной по проекту TriMCo: <https://www.trimco.uni-mainz.de/>. Копии этих записей хранятся в аудиоархиве Отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН; общий объем записанных материалов — около 40 часов.

в которых на момент записи проживали информанты, расположены в 25 км на юго-восток (д. Дарино) и в 41–42 км на восток (деревни Котельно и Логовино) от Острова. Ниже они обозначены на карте.

Информанты:

1) ТПП1930 — д. Дарьино, род. в д. Терехово-Самородское (в 5 км от д. Дарьино), образование 2 кл.: 55 примеров,

2) ТИИ1932 — д. Дарьино, род. на х. Подлипенка (ныне не существует, находился в 3 км от д. Дарьино), образование 1 кл., немного читает: 38 примеров,

3) ВИИ1936 — д. Дарьино, образование 7 кл.: 44 примера,

4) ИЯИ1935 — д. Логовино, род. в д. Бураки (в 4 км от д. Логовино), образование 4 кл.: 25 примеров,

5) ЛАВ1945 — с. Котельно, образование 8 кл.: 30 примеров.

Из записей речи всех информантов было извлечено и проанализировано 192 примера.

2.3. Рассматриваемый говор относится к Псковской группе западных среднерусских говоров и характеризуется пятифонемным ударным вокализмом, сильным аканьем и сильным яканьем. Ритмика слова предполагает выраженную (хотя и не настолько, как, например, во Владимирско-Поволжских говорах) двухступенчатость редукции гласных первого и второго предударных слогов при среднем темпе речи. По классификации С.С. Высотского эти говоры относятся к Х группе и имеют следующее соотношение длительностей предударных и ударных гласных: 78 мс (гласный второго предударного слога) — 96 мс (гласный первого предударного слога) — 120 мс (гласный ударного слога) [Высотский 1971: 36–38].

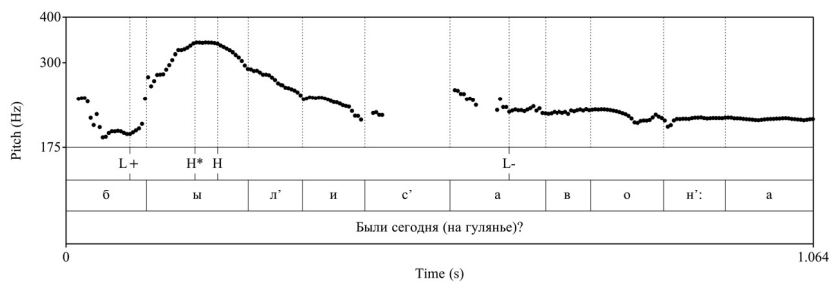

Рис. 3. Кривая ЧОТ общего вопроса *Были сегодня?* (ВИИ1936)

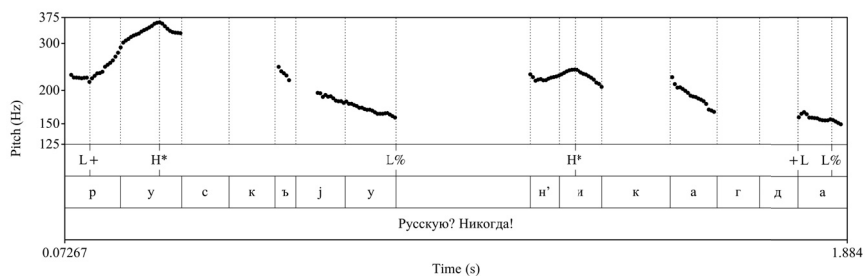

Рис. 4. Кривая ЧОТ общего вопроса *Русскую?* (ВИИ1936)

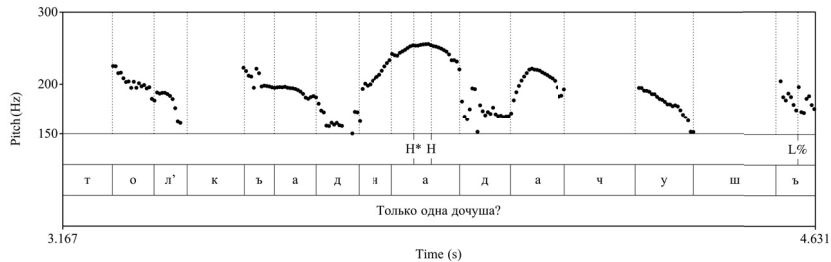

Рис. 5. Кривая ЧОТ общего вопроса *Только одна дочуша?* (ВИИ1936)

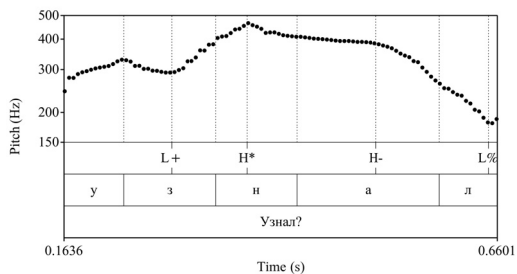

Рис. 6. Кривая ЧОТ общего вопроса *Узнал?* (Т.П.П.1930)

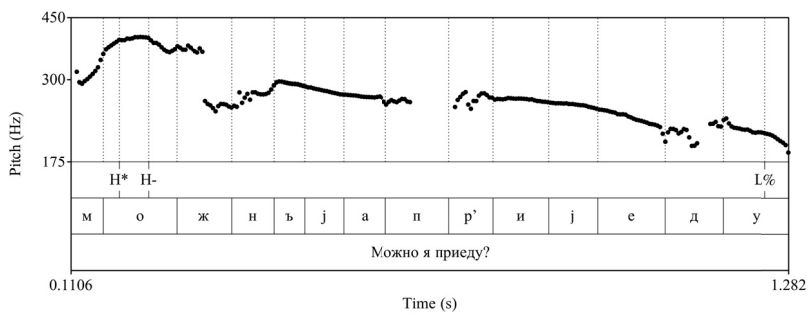

Рис. 7. Кривая ЧОТ общего вопроса *Можно я приеду?* (ТПП1930)

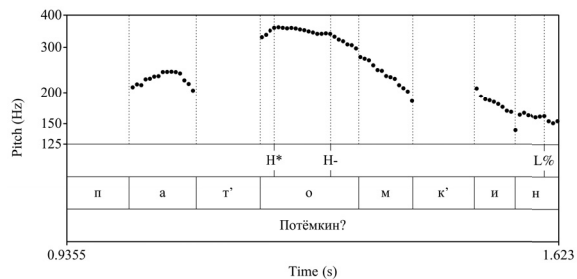

Рис. 8. Кривая ЧОТ общего вопроса *Потёмкин?* (ТПП1930)

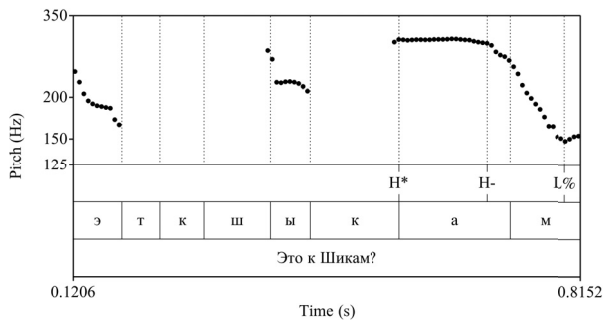

Рис. 9. Кривая ЧОТ общего вопроса *Это к Шикам?* (ТИИ1932)

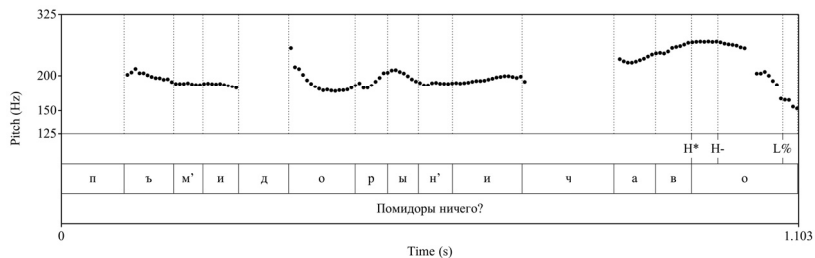

Рис. 10. Кривая ЧОТ общего вопроса *Помидоры ничего?* (ТИИ1932)

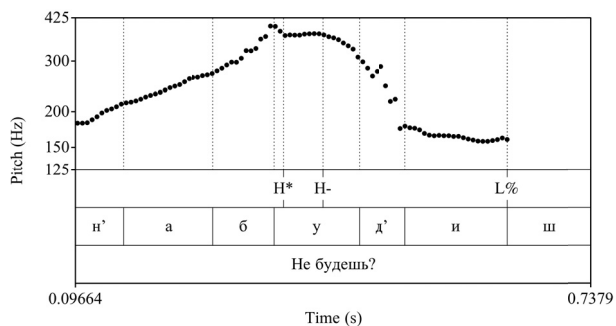

Рис. 11. Кривая ЧОТ общего вопроса *Не будешь?* (ТИИ1932)

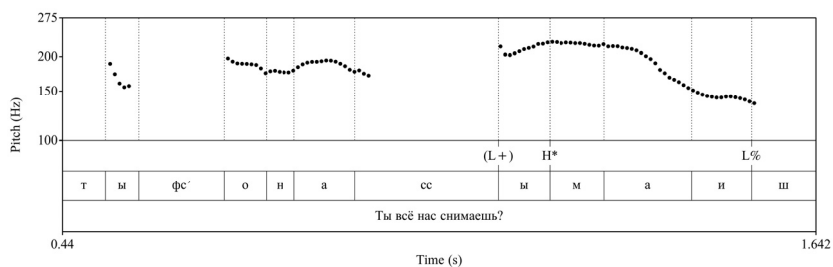

Рис. 12. Кривая ЧОТ общего вопроса *Ты всё нас снимаешь?* (ТИИ1932)

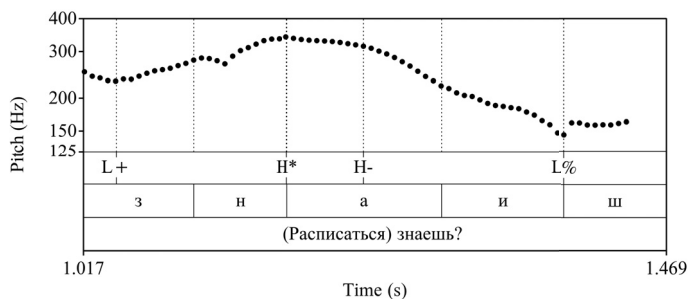

Рис. 13. Кривая ЧОТ общего вопроса *(Расписаться) знаешь?* (ТИИ1932)

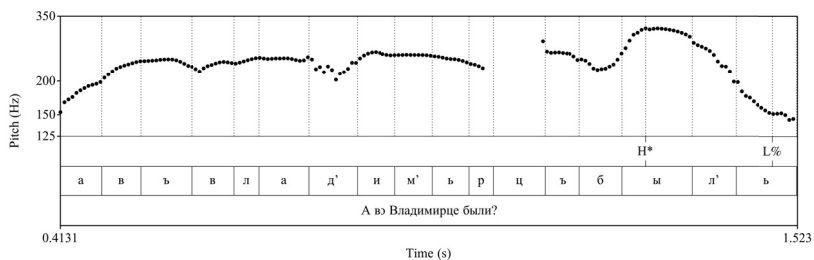

Рис. 14. Кривая ЧОТ общего вопроса *А во Владимирце были?* (ЛАВ1945)

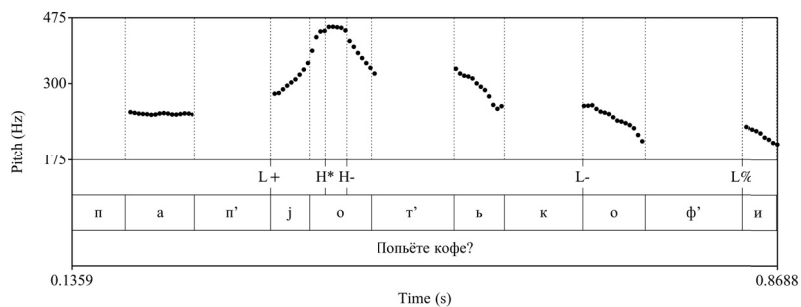

Рис. 15. Кривая ЧОТ общего вопроса *Попьёте кофе?* (ЛАВ1945)

Полные данные о длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в процентах от общей длительности ударного гласного акцентоносителя) для каждого информанта этой группы приведены ниже на рис. 16–20.

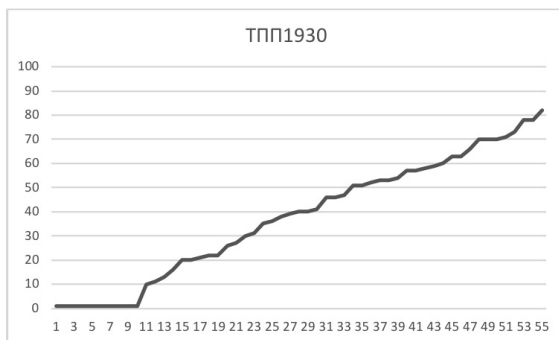

Рис. 16. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ТПП1930, 55 примеров

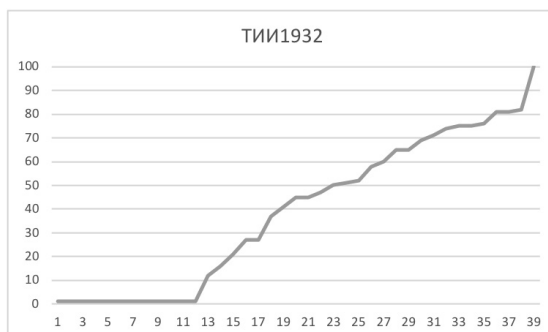

Рис. 17. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ТИИ1932, 38 примеров

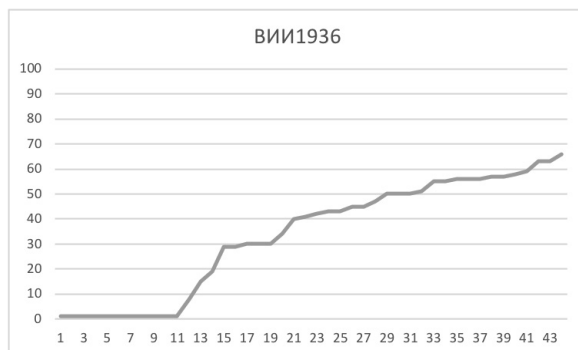

Рис. 18. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ВИИ1936, 44 примера

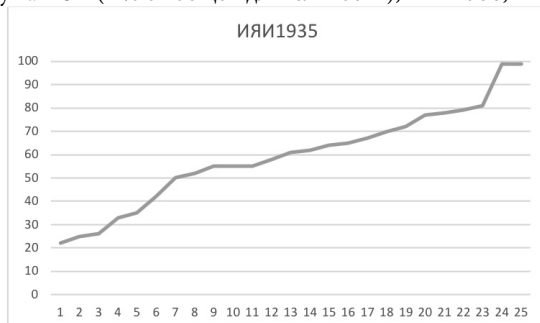

Рис. 19. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ИЯИ1935, 25 примеров

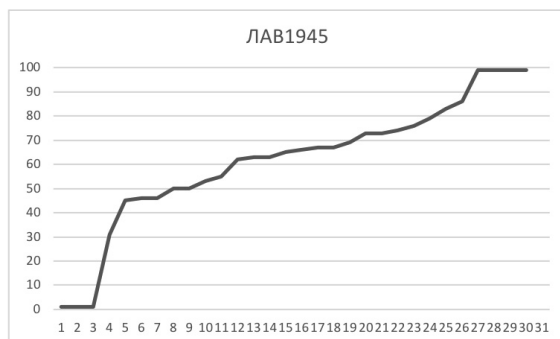

Рис. 20. Длительность отрезка ударного гласного акцентоносителя до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности), ЛАВ1945, 30 примеров

В обобщенном виде эти же данные представлены на диаграммах размаха, или «ящиках с усами» (рис. 21), которые показывают первый и третий квартили (собственно «ящик»), соответствующие средней половине всех данных выборки, и «усы», соответствующие первой

и последней четвертям данных выборки. Таким образом, границы «ящика» соответствуют границам первого и третьего квартилей, линия, разделяющая «ящик» на две части, представляет собой медиану, а нижняя и верхняя границы «усов» отражают минимальное и максимальное значения всей выборки данных (крестик — среднеарифметическое значение каждого набора данных). Расстояния между отдельными частями «ящика» позволяют определить степень «плотности» данных на определенном отрезке шкалы.

Эти данные свидетельствуют о том, что средние значения положения тонального максимума у более старших информантов (ТПП, ТИИ, ВИИ) составляют менее 40 %, у более молодых (ЛАВ и примыкающей к ней по этому параметру ИЯИ) — расположены в области около 60 %.

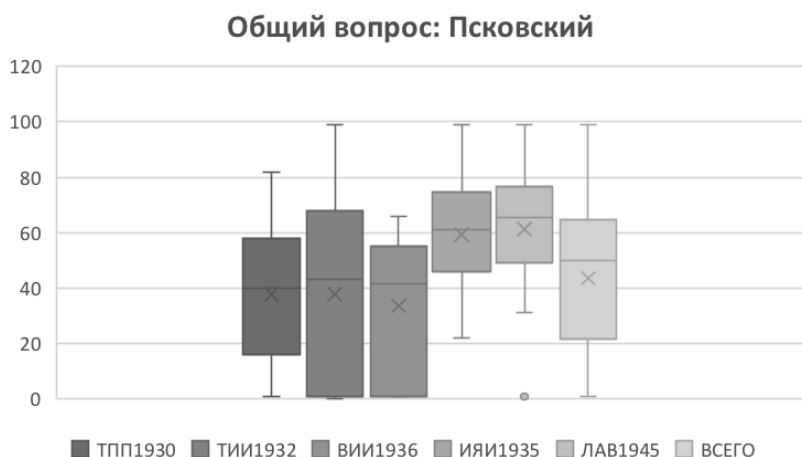

Рис. 21. Диаграмма размаха длительности отрезка ударного гласного до точки максимума ЧОТ (в % от общей длительности гласного) в общем вопросе

Таким образом, в исследованном говоре **тональный максимум восходящего акцента может характеризоваться свехрханным таймингом.**

Возможное объяснение наличия отрезка ровного тона при раннем тайминге восходящего акцента заключается в необходимости дифференцировать фонетическую реализацию общего вопроса и вопроса с вопросительным словом: последний характеризуется более ранним таймингом нисходящего тонального движения [Igarashi 2006; 2008]; в исследованном говоре падение тона при наличии предударных слогов в большинстве случаев (80 %) начинается (а иногда и завершается) на нем (см. рис. 22, 23).

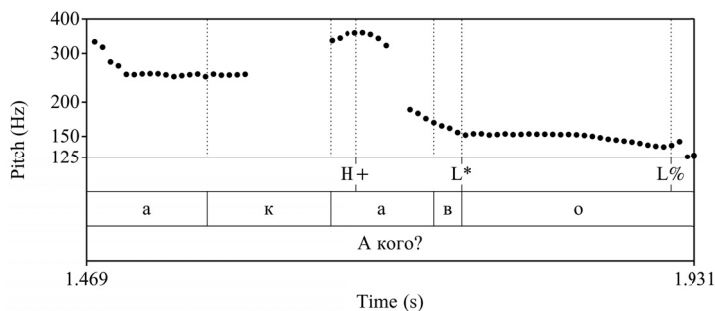

Рис. 22. Кривая ЧОТ фразы *А кого?* (ТИИ1932)

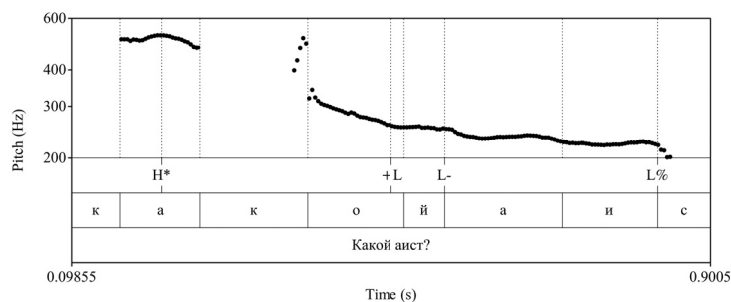

Рис. 23. Кривая ЧОТ вопроса с вопросительным словом *Какой аист?* (ТПП1930)

3.2. Усечение тонального контура

Если после восходящего тонального акцента (ударного гласного акцентоносителя) безударные слоги в высказывании отсутствуют, мелодический контур общего вопроса в псковском говоре, в отличие от литературного русского языка, усечению не подвергается: падение тона после его подъема происходит во второй половине ударного слога и достигает обычно низкого уровня, см. выше рис. 1, 2, 6, 9, 10.

Отметим, что и в этом случае возможен контур с максимально ранним таймингом восходящего акцента — см. те же рис. 1, 2, 6, 9, 10.

3.3. Уровень тона на заакцентных неконечных слогах

Как уже отмечалось, в севернорусских говорах в общем вопросе после повышения ЧОТ на ударном гласном акцентоносителя наблюдается значительная задержка падения тона: на всех заакцентных слогах до самого последнего (реже — предпоследнего) сохраняется высокий ровный уровень ЧОТ. В СРЛЯ и большинстве среднерусских говоров, наоборот, падение тона до низкого происходит обычно на первом же заакцентном слоге. В исследованном нами говоре первое

явление отсутствует: понижение тона начинается обычно внутри ударного гласного, а второе (рис. 3) имеет место наряду с равновероятной альтернативной стратегией, когда понижение тона происходит постепенно на всех слогах до самого последнего (см. выше рис. 4, 5, 7, 15). Тем самым низкий фразовый тон (L-) в псковских говорах может отсутствовать, что отличает данный идиом как от других среднерусских говоров, так и от литературного русского языка.

3.4. Отрицательный занос

В восточном среднерусском окающем говоре (владимирском) одной из особенностей контура общего вопроса является наличие «отрицательного заноса» — понижения частоты основного тона на предупредном гласном перед последующим подъемом на ударном слоге акцентоносителя. Исследованному нами псковскому говору это явление не свойственно (см. рис. 1, 6, 8, 10–12, 15), что не удивительно при раннем тайминге достижения максимума ЧОТ восходящего акцента.

4. Выводы

В отношении оформления общего вопроса исследованный говор очень близок описанному ранее [Князев, Дьяченко 2023a] соседнему с ним западному среднерусскому акающему селигеро-торжковскому говору.

Основным отличием фонетической реализации мелодического контура общего вопроса в псковском говоре по сравнению с другими среднерусскими (новгородским и владимирско-поволжским) и СРЛЯ является сверххранний тайминг восходящего тонального акцента, более частотный, нежели в селигеро-торжковском диалекте. Эта особенность сближает его и с архангельскими говорами, от которых все среднерусские диалекты отличаются отсутствием сохранения высокого тона на заакцентных слогах.

От восточного среднерусского окающего говора Владимирско-Поволжской группы он отличается также отсутствием отрицательного заноса (нисходящего движения тона на предупредном слоге перед его повышением в начале ударного).

Отличие от литературного русского языка состоит еще и в отсутствии усечения тонального контура при его реализации на последнем слоге во фразе.

Одной из особенностей псковского говора является регулярно наблюдаемое отсутствие низкого фразового тона (L-), что отличает данный идиом как от других среднерусских говоров, так и от литературного русского языка.

Полученные данные позволяют охарактеризовать мелодический контур общего вопроса в псковском говоре в следующем виде: %L (L+)H* (L-) L%.

В обобщенном виде данные о сходстве и различии тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, псковских, архангельских, новгородских, владимирских и селигеро-торжковских говорах приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные различия тональных контуров общего вопроса в СРЛЯ, архангельских, новгородских, владимирских, псковских и селигеро-торжковских говорах

	СРЛЯ*	Арх.	Новг.	Влд.-Пв.	Сел.-Тор.	Псковск.
Средняя длительность ударного гласного, мс		116	114	140	123	135
Отрезок ударного гласного до тонального максимума	97 %	48 %	47 %	62 %	42 %	43 %
Поздний тайминг восходящего акцента	+	—	—	—	—	—
Ранний тайминг восходящего акцента	—	+ / —	—	—	+ / —	+ / —
Ровный высокий тон на заударных слогах	—	+	—	—	—	—
Усечение контура при отсутствии заакцентных слогов	+	—	—	—	—	—
Отрицательный занос	—	—	—	+	—	—
Реализация тонального акцента на двух слогах	—	—	—	+	—	—
Тип мелодического контура	%L LH* L- L%	%L (L+)H* H- L%	%L L+H* L- L%	%M L+H* L- L%	%L (L+)H* L- L%	%L (L+)H* (L-) L%

* По данным специального эксперимента (13 дикторов, 109 предложений).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брызгунова 1963 — *Брызгунова Е.А.* Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963.
2. Высотский 1971 — *Высотский С.С.* О звуковой структуре русских говоров // Бромлей С.В. (ред.) Исследования по русской диалектологии. М., 1971. С. 17–41.
3. Касаткина 2002 — *Касаткина Р.Ф.* Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). М., 2002. С. 134–150.
4. Князев 2022a — *Князев С.В.* О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением // Русский язык в научном освещении. 2022, Т. 43, № 1. С. 113–153.
5. Князев 2022b — *Князев С.В.* О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 7–39.
6. Князев, Дьяченко 2023a — *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Мелодический контур общего вопроса в западном среднерусском акающем говоре. Часть I: Селигеро-Торжковские говоры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 1. С. 50–70.
7. Князев, Дьяченко 2023b — *Князев С.В., Дьяченко С.В.* Интонация западного среднерусского акающего говора // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2023. № 3. (В печати)
8. Образование 1970 — *Захарова К.Ф., Орлова В.Г., Сологуб А.И., Строганова Т.Ю.* Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров: по материалам лингвистической географии. М., 1970.
9. Пост 2007 — *Пост М.* К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.
10. Янко 2004 — *Янко Т.Е.* Русская интонация в задачах и примерах // РЯНО. 2 (8). 2004. С. 86–123.
11. Igarashi 2006 — *Igarashi Y.* Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.), *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Amsterdam, 2006. P. 175–196.
12. Igarashi 2008 — *Igarashi Y.* Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The discourse potential of underspecified structures*. Berlin, 2008. P. 227–269.
13. Odé 2005 — *Odé C.* Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // *Speech Communication*. 2005. 47 (1–2). P. 71–79.
14. Post 2005 — *Post M.* The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.
15. Post 2008 — *Post M.* Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008. P. 233–236.
16. Rathcke 2017 — *Rathcke T.* How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 2017, 73. P. 194–228.

REFERENCES

1. Bryzgunova E.A. *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka*. Moscow: Moscow State University Publ., 1963. (In Russ.)
2. Vysotskij, S.S. O zvukovoj strukture slova v russkix govorax. In S. V. Bromlej (Ed.), *Issledovaniya po russkoj dialektologii* (pp. 17–41). Moscow: Nauka, 1973. P. 17–41. (In Russ.)
3. Kasatkina R.F. Zametki o južnorusskoj intonacii [Remarks on Southern Russian intonation] // *Materialy i issledovaniya po russkoj dialektologii* I (VII). Moscow: Nauka, 2002. P. 134–150. (In Russ.)
4. Knyazev S.V. The structure of pitch accent in Russian dialects with “word-by-word” melodic contour. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2022, 1 (43). P. 113–153. (In Russ.)
5. Knyazev S.V. O frazovoy prosodii v russkich govorakh s poslovnym melodicheskim oformleniem [Sentence intonation in Russian dialects with word-by-word melodic contour]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2022, № 1. P. 7–39. (In Russ.)
6. Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Intonatsiya zapadnogo srednerusskogo okajushhego govora [Phrase prosody of a Western Middle-Russian dialect with okan’je]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN*. 2023a, № 3. (In print) (In Russ.)
7. Knyazev S.V., Dyachenko S.V. Melodic contour of yes-no question in Western Middle-Russian dialect with akan’je. Part I: Seliger-Torzhok dialect. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 1. P. 50–70.
8. Zaharova K.F., Orlova V.G., Sologub A.I., Stroganova T.YU. Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov: po materialam lingvisticheskoy geografii [Formation of Northern Russian dialect: based on linguistic geography]. Moscow: Nauka, 1970. (In Russ.)
9. Post M. K probleme opisaniia intonatsii obshchego voprosa v odnom severnorusskom govore [Towards the problem of the description of yes-no question intonation in a Northern Russian dialect]. In M. L. Kalenchuk, & R. F. Kasatkina (Eds.). *Fonetika segodnia*. Moscow: IRLA RAN, 2007. P. 156–157. (In Russ.)
10. Yanko T.E. Russkaya intonatsiya v zadachakh i primerakh [Russian intonation in problems and examples]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, № 2 (8). P. 86–123. (In Russ.)
11. Igarashi Y. Intonational patterns in Russian interrogatives — phonetic analyses and phonological interpretations. In Y. Kawaguchi, I. Fónagy, & T. Moriguchi (Eds.). *Prosody and syntax: cross-linguistic perspectives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2006. P. 175–196.
12. Igarashi Y. Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.). *The discourse potential of underspecified structures*. Berlin: De Gruyter, 2008. P. 227–269.
13. Odé C. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables. *Speech Communication*. 2005. 47 (1–2). P. 71–79.
14. Post M. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. *Doctoral dissertation*. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.
15. Post M. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody*. Campinas, 2008. P. 233–236.
16. Rathcke, T. How truncating are ‘truncating languages’? Evidence from Russian and German. *Phonetica*, 2017. 73. P. 194–228.

Поступила в редакцию 02.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 17.02.2023

Received 02.10.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 17.02.2023

ОБ АВТОРАХ

Сергей Владимирович Князев — главный научный сотрудник ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова; svknia@gmail.com

Светлана Владимировна Дьяченко — научный сотрудник ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова; svet-lan-a@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

Sergey Knyazev — chief researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svknia@gmail.com

Svetlana Dyachenko — researcher; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; svet-lan-a@list.ru

ОТТЕПЕЛЬ КАК МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Чжан Тинтин, Л.А. Жданова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tt0608@mail.ru; zhdala@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается семантическая структура слова *оттепель* на материале контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), основное внимание уделяется *оттепели* как метафорической номинации одного из периодов отечественной истории. Целью статьи является описание семантического развития слова и объяснение своеобразия его современного функционирования и пунктуационного оформления в производных значениях. Проводится описание основного значения (ядерная сема — ‘изменение’) и его коннотаций (‘непредсказуемость’, ‘кратковременность’), реализованных в производных значениях. Обсуждаются источники высокого «положительного потенциала» метафоры *оттепель* в связи с коннотациями слова *весна* и с другими «температурными» метафорами. Оппозиция с субстантивом *заморозки* рассматривается как элемент «циклического» представления исторического времени. На основе анализа современных контекстов выделяются производные значения, не зафиксированные в словарях, проводится распределение 250 контекстов НКРЯ по выделенным значениям и анализируется пунктуационное оформление слова. Приводятся результаты лингвистического эксперимента, направленного на выявление особенностей пунктуационного оформления слова в разных значениях. Анализируются причины, по которым широко употребительная языковая метафора *оттепель* в значении ‘исторический период’ в большинстве контекстов употребляется в кавычках, притом что в других производных значениях эта метафора обычно употребляется без кавычек, даже если имеет окказиональный характер. Если на этапе вхождения метафоры в язык использование кавычек можно объяснить отсылкой к литературному источнику и яркой образностью, то в настоящее время таких объяснений недостаточно. В рассматриваемом производном значении *оттепель* является идеологемой — словом, принадлежащим идеологически маркированному дискурсу, и кавычки как показатель дистанцирования позволяют говорящему снять идеологическую ангажированность, сделать номинацию нейтральной.

Ключевые слова: политическая метафора *оттепель*; обозначения исторических периодов; коннотация; идеологема; «циклическая» модель времени, кавычки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-4

Для цитирования: Чжан Тинтин, Жданова Л.А. *Оттепель* как метафорическое обозначение исторического периода // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 61–70.

OTTEPEL ('THAW') AS A METAPHORICAL REFERENCE TO A HISTORICAL PERIOD

Zhang Tingting, Larisa Zhdanova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
tt0608@mail.ru; zhdala@mail.ru

Abstract: The article deals with the semantic structure of the word *ottepel* ('thaw'), the relevant information coming from the National Corpus of the Russian language (hereinafter referred to as NCRL). The main attention is paid to *ottepel* ('thaw') as a metaphorical nomination of one of the periods of the Russian history. The aim of the article is to describe the semantic development of the word and to explain the peculiarities of its modern functioning and punctuation in derivative meanings. The basic meaning (the core seme — 'change') and its connotations ('unpredictability', 'short duration'), realized in derivative meanings, are described. The pragmatics and syntactics of this lexeme of fatalism and uncontrollability, typical of the Russian linguistic world view, is revealed. The sources of high 'positive potential' of the metaphor *ottepel* ('thaw') are discussed in detail, as well as the connection with connotations of the word 'spring' and with other 'temperature' metaphors. The opposition to the substantive of frost is considered as an element of the 'cyclic' representation of historical time. Based on the analysis of modern contexts, derivative meanings that are not recorded in dictionaries are identified, 250 contexts are distributed according to the selected meanings, and the punctuation of the word is analyzed. The authors provide the results of a linguistic experiment aimed at identifying the features of the punctuation design of a word in different meanings. The authors analyze the reasons why the widely used linguistic metaphor *ottepel* ('thaw') in the meaning of 'historical period' in most contexts is given in quotation marks, while in other derived meanings this metaphor is usually used without quotation marks, even if it has an occasional character. If, at the stage of the metaphor entering into the language, the use of quotation marks can be explained by reference to a literary source and vivid imagery, at present such explanations are not enough. In the considered derivative meaning, the word *ottepel* ('thaw') is an ideologeme — a word that belongs to an ideologically marked discourse, and quotation marks as an indicator of distancing allow the speaker to remove ideological bias, to make the nomination neutral. The conclusion is made that the derivative metaphorical meaning of thaw is a positively evaluative word-ideologeme, which prevents it from becoming the main nomination of the corresponding historical period.

Key words: political metaphor *ottepel* ('thaw'); temperature metaphor; denotation of historical periods; connotation; pragmeme; ideologeme; 'cyclic' time pattern

For citation: Zhang Tingting, Zhdanova L.A. (2023) *Ottepel* ('Thaw') as a Metaphorical Reference to Historical Period. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 61–70.

Эпоха, обозначаемая метафорой *оттепель*, достаточно хорошо изучена в исторической науке, в социологии и культурологии, но

семантическое развитие слова, его прагматика и современное функционирование, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения и описания. Такое описание и является целью данной статьи. Исследование выполнено на материале контекстов со словами *оттепель* и *оттепельный*, выбранных из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), также учитываются результаты лингвистического эксперимента.

Слово *оттепель* как политическая метафора рассматривается в работах О.Н. Кондратьевой, Ю.С. Игнатовой, Н.М. Чудаковой. О.Н. Кондратьева указывает, что существуют «концепты, являющиеся лицом определенной эпохи» [Кондратьева 2015: 32]. Н.М. Чудакова, рассматривая *оттепель* в числе метафор климатических и погодных изменений, отмечает, что дискурс СМИ использует преимущественно позитивный потенциал концепта: веру в будущее, ощущение свободы [Чудакова 2005: 133]. Ю.С. Игнатова также считает, что «в настоящее время эпоха “оттепели” оценивается в российском медиадискурсе преимущественно положительно» [Игнатова 2018: 104]. Наличие положительных коннотаций у слова несомненно, однако вряд ли можно говорить о преимущественно положительной оценке эпохи в современных медиа. Действительно, метафора *оттепель* не только называет исторический период, но и положительно его оценивает, являясь прагмемой (определение термина см. [Эпштейн 1991: 19–20]). Однако именно эта положительная оценка, разделяемая далеко не всеми говорящими, делает слово идеологемой, то есть языковой единицей, эксплицирующей «систему идеологических доминант» [Малышева 2009]. Одна из возможностей снять «идеологическую ангажированность» — использование кавычек, маркирующих слово как «чужое», или ограничителя *так называемый*, который эксплицирует негативную оценку обозначаемой эпохи: *Моих обоих дедов расстреляли еще в 37-м, так что никого у меня в так называемую оттепель не выпустили* [НКРЯ 2007]. Попытаемся выявить источники положительного потенциала метафоры и его влияние на неустойчивость в пунктуационном оформлении слова (наличие или отсутствие кавычек), сохраняющуюся почти семьдесят лет.

Возникновение у слова *оттепель* переносного значения связывают с одноименной повестью И.Г. Эренбурга, опубликованной в 1954 году. Наличие у слова до второй половины XX века лишь одного значения ‘погодное явление’ подтверждается данными выборки в панхроническом корпусе НКРЯ. Отметим, во-первых, что *оттепель* в этом значении не обозначает весеннюю погоду или приближение весны (*декабрьская оттепель*), во-вторых, что в значительном количестве контекстов оттепель характеризуется негатив-

но — как плохая погода, влекущая неблагоприятные последствия: *Погода ужасная, оттепель, грязь, мокрый снег* [НКРЯ 1928]; *На дворе стояла та ужасная погода степной зимы, когда после крепкого мороза наступает оттепель* [НКРЯ 1937]; *Каждый год с ужасом ждем оттепель* [НКРЯ 2011] и многие другие. В формировании положительной коннотации важную роль играет внутренняя форма слова *оттепель* и включенность в комплекс температурных метафор с центральной оппозицией *теплый / холодный*, где *холодный* коннотирует отрицательные признаки, а *теплый* — положительные, обозначая комфортную для человека температуру. Однако в формировании сильного положительного потенциала метафоры *оттепель* значима также ассоциативная связь с весной. Слово *весна* обладает сильной положительной коннотацией, символизирует положительное изменение, возрождение, начало нового (вспомним, что во многих культурах начало нового года приходилось на весну), надежду на лучшее будущее. *Оттепель*, таким образом, перенимает у *весны* сильные положительные коннотации ‘изменение к лучшему’, ‘начало’, ‘возрождение’. Заметим, что слово *оттепель* созвучно таким атрибутам весны, как *капель* (в подборке есть контекст *звонит «оттепель»*), *трель* (*соловьиная*). Метафора оттепели как позитивного изменения распространяется на все сферы общественной жизни, в том числе культурную и бытовую, и связывается в проанализированных контекстах с *душевным подъемом*, с *позитивными переменами*, с *новыми возможностями*, со *снятием запретов*, с *мажорными интонациями*, с *лирическими сюжетами*. Обратим внимание, насколько точно всё перечисленное коррелирует с коннотациями *весны*.

Оттепель как погодное явление представляет собой неожиданно наступившее резкое изменение (повышение) температуры. Отличие *оттепели* от *потепления* состоит в ее внезапности и кратковременности, а также в непредсказуемости последующей погоды. Непредсказуемость является той характеристикой, которая «высвечивается» метафорой применительно к политической ситуации обозначаемого ею периода. (Отметим в связи с этим неопределенно-личную субъектность многих контекстов с метафорой: *Эренбург просто не успел увидеть все последствия оттепели, поскольку страну сразу же снова заморозили* [НКРЯ 2011].) Еще один компонент основного значения, важный для закрепления в языке метафоры в значении ‘исторический период’, — ‘кратковременность’, он актуализируется в атрибутивной сочетаемости слова (*короткая, недолгая, кратковременная*). Актуализация в метафорическом значении семантического компонента ‘кратковременность’ может сопровождаться указанием на обманутые надежды: *Время так называемой*

«хрущевской оттепели» было пусть и недолгим и обманчивым, но оптимистичным [НКРЯ 2019]; Если короткий период хрущевской оттепели и навел зыбкие иллюзии, их в прах развеяли последующие события [НКРЯ 1988]. Часто контекстным антонимом оттепели в рамках «температурной» метафоры становится слово заморозки: Вслед за короткой и ненадежной хрущевской оттепелью началась длительная пора брежневских заморозков [НКРЯ 2001].

Хотя историческое время связывают прежде всего с «линейной» моделью, метафоры оттепель и заморозки реализуют «циклическую» модель, так как представляют поступательное развитие истории как возврат к предыдущему состоянию — как чередование оттепелей и заморозков. «В культурной парадигме носителей языка с понятием циклического времени связываются идеи природных циклов, бесконечных возвратов и повторов одних и тех же событий, общности человеческих судеб... “циклическое сознание” настроено на типизацию (отождествление) того, что есть, с тем, что уже не однажды было, а “линейное” — на индивидуализацию» [Яковлева 1994: 100–101]. «Циклическая модель» реализуется в широко распространенном в XXI веке применении метафоры оттепель к другим периодам российской истории: к предшествующим обсуждаемому (между 20-ми и 60-ми годами — двумя советскими «оттепелями» [НКРЯ 2003]), или, что чаще, к последующим (горбачевская оттепель, медведевская оттепель). Метафора оттепель в таких контекстах обозначает период либерализации в политике и связанных с ней сферах жизни (прежде всего в экономике) в разных странах (узбекская оттепель [НКРЯ 2003], Ватикан решил на реформистскую оттепель [НКРЯ 2005]) и в разные эпохи (екатерининская оттепель [НКРЯ 2006]; в эпоху «оттепели» Александра II [НКРЯ 2003]). Таким образом, можно говорить о семантическом расширении и образовании у слова метафорического значения ‘период либеральных преобразований’. Окаasionally метафора оттепель используется для указания на либерализацию в отдельных сферах общественной жизни или отдельные либеральные проявления: В те времена в нашей культуре была своего рода оттепель [НКРЯ 2005] — о рок-культуре 1980-х годов.

Широко представлено в современных контекстах НКРЯ не отмеченное словарями значение ‘улучшение в международных отношениях’: Оттепель в отношениях России и США [НКРЯ 2015]; Ложная оттепель: сближение двух Корей — это иллюзия [НКРЯ 2018] и многие другие.

В значительном количестве современных контекстов метафора оттепель обозначает улучшение (начало положительных изменений) в разных областях общественной жизни: Долгожданная от-

тепелъ, разморозившая в 2009 году покупательский спрос [НКРЯ 2011]; *В Китае грядет оттепель на демографическом фронте* [НКРЯ 2015]. Окказионально метафора используется для обозначения улучшений в личной жизни или в состоянии чего-либо: *<...> сочла звонок... хорошим знаком и оттепелью в положении семьи* [НКРЯ 2020]; *Пандемия подстегнет оттепель на рынке внутреннего туризма* [НКРЯ 2020]; *А может быть, оттепель наступила в отношениях между Пугачевой и Киркоровым?* [НКРЯ 2006]; *Оттепель в кошельках* [НКРЯ 2007]. В нашем материале подобных контекстов не менее двадцати.

Итак, семантическая структура слова *оттепель* с 1954 года расширяется и в настоящее время может быть представлена следующим образом:

1. Погодное явление — резкое кратковременное повышение температуры зимой или ранней весной (далее — «Погодное явление»). *В воскресенье мы ждем оттепель* [НКРЯ 2021].

2. Период в общественно-политической жизни Советского государства с 1953 года до начала 1960-х годов, характеризующийся либерализацией в общественно-политической жизни (далее — «Период советской истории после 1953 г.»). *В хрущевскую оттепель потеплело и в Кремле: там открыли музеи и начали пускать посетителей* [НКРЯ 2001].

3. Период, характеризующийся либерализацией общественно-политической жизни. *Но все-таки следует признать, что горбачевская оттепель теплее хрущевской* [НКРЯ 1988]. // Либерализация, либеральные проявления. *При внешней оттепели <в театре> его внутренний климат и дисциплина остались по-прежнему спартанскими* [НКРЯ 2002].

4. Позитивные изменения, улучшение международных и других общественно-политических (далее — ОП) отношений. *Оттепель в отношениях Москвы и Анкары* [НКРЯ 2016]; *Тогда же произошла некоторая оттепель в отношениях с церковью* [НКРЯ 2018]. // Позитивные изменения, улучшение (обычно вызванное внешними причинами). *Оттепель наступила для нее в 1978 году* [НКРЯ 2008].

Специфика метафоры *оттепель* относительно других обозначений исторических эпох проявляется в том, что до настоящего времени, несмотря на высокую употребительность, отсутствие нейтрального синонима, наличие деривата (*оттепельный*), слово *оттепель* в значении 'исторический период' последовательно используется в кавычках. На этапе вхождения метафоры в язык кавычки можно было бы объяснить отсылкой к литературному источнику, и для 1950–1960-х годов это верно: в некоторых контекстах встречаются прямые упоминания И. Эренбурга. Однако в конце

XX — начале XXI века яркая образность стирается, метафора перестает восприниматься как авторская и входит в язык, становится основным однословным обозначением конкретного исторического периода, активно эксплуатируется массовой культурой. Кавычки сохраняются, так как позволяют говорящему дистанцироваться от положительной оценки эпохи, заключенной в прагмеме. Отсутствие кавычек характерно для контекстов с эксплицированной положительной оценкой: *Но нельзя забывать и о надеждах и радостях хрущевской оттепели, когда в обществе пробудилось ощущение оптимизма* [НКРЯ 2001]. Однако в настоящее время, как показывает анализ корпусных данных, на пунктуационное оформление слова влияет не только и не столько отношение говорящего к политическим реформам середины прошлого века, сколько маркированность слова как идеологемы, эксплицирующей определенную систему взглядов. Кавычки же позволяют снять идеологическую ангажированность, сделать номинацию нейтральной (в отличие от определения *так называемый*, которое демонстрирует отрицательную оценку). Примечательно, что в производных значениях, которые не являются идеологемами, метафора *оттепель* обычно употребляется без кавычек, даже если имеет явно окказиональный характер: *Оттепель наступила и в результатах российских биатлонистов* [НКРЯ 2018].

Газетный подкорпус НКРЯ выдает 3134 примера со словом *оттепель* в 2485 текстах. Нами были проанализированы с распределением по выделенным значениям и с учетом пунктуационного оформления слова первые 250 контекстов выборки (повторы и контексты с именами собственными были исключены из подсчетов). Результаты с иллюстративными фрагментами (курсивом) представлены в *Таблице 1*. Полужирным шрифтом указано количество примеров в проанализированном фрагменте выборки (около 10 % ее общего объема).

Обратим внимание на то, что кавычки используются преимущественно в значении 'период советской истории после 1953 года'. В других метафорических значениях, даже очевидно окказиональных, кавычки используются редко и непоследовательно. Это говорит о том, что использование кавычек связано не с образностью метафоры, якобы сохраняющейся семьдесят лет, а с дистанцированием говорящих от ее идеологической маркированности. В проанализированной выборке шире всего представлены «Парламентская газета» и газета «Коммерсант». Показательно, что в первом СМИ слово *оттепель* заключается в кавычки 8 раз на 10 словоупотреблений в обсуждаемом значении, а во втором СМИ — 1 раз на 9 словоупотреблений. Это соотношение коррелирует с нашими данными относи-

тельно употребления кавычек другими СМИ и авторами и подтверждает, что *оттепель* в рассматриваемом значении является идеологемой и эксплицирует определенную систему взглядов, а кавычки эту ангажированность нейтрализуют. (Пунктуационное оформление слова в рассматриваемом значении проанализировано по всей выборке.)

Таблица 1

Пунктуационное оформление Значения	оттепель	«оттепель»
1. Погодное явление	139 17–18 декабря продолжится оттепель с небольшими осадками [НКРЯ 2021].	1 В Республике Коми... ожидается минус 10–15 градусов, днем минус 3–8, а местами «оттепель» [НКРЯ 2019].
2. Период советской истории после 1953 г.	14 Образцовый пример советской архитектуры времен оттепели [НКРЯ 2020]	21 После окончания «оттепели» положение писателя изменилось [НКРЯ 2021].
3. Период либеральных преобразований // Либерализация, либеральные проявления	8 Как долго власть будет мириться со своеволием молодежи, зависит от того, как долго продлится узбекская оттепель [НКРЯ 2003]. // Сегодня в Нижнем Новгороде случилась февральская оттепель (о событиях в мэрии) [НКРЯ 2020].	2 С воцарением Александра наступила «оттепель» в общественно-политической жизни России [НКРЯ 2020].
4. Улучшение международных и других ОП отношений // Улучшение	19 В отношениях между Вашингтоном и Гаваной началась оттепель [НКРЯ 2019] // У каждого поколения и у каждого человека в жизни бывает своя оттепель и свой застой [НКРЯ 1991].	9 Британские власти говорят об «оттепели» в отношениях с Россией [НКРЯ 2019].

Полученные результаты были проверены при помощи лингвистического эксперимента с участием 30 респондентов (все владеют русским языком свободно, возраст 20–25 лет, образование неполное высшее гуманитарное). Респондентам были предложены 15 контекстов из выборки (в каждом слово *оттепель* пропущено) с заданием: «Вставьте цифру, соответствующую одному из вариантов: 1 *оттепель* / 2 «оттепель», при желании объясните свой выбор». В контек-

стах были представлены разные переносные значения слова. В большинстве анкет (21) прослеживается четкое разведение пунктуационного оформления слова *оттепель* в значении 'период советской истории после 1953 года' и в остальных переносных значениях. В 18 ответах слово в значении 'период советской истории после 1953 года' последовательно заключается в кавычки, в других переносных значениях кавычки не используются, в трех анкетах кавычки используются обратным образом. В шести анкетах установить закономерность выбора не удалось, в двух анкетах кавычки используются во всех случаях, в одной не используются вообще. Вряд ли молодые респонденты, выбравшие вариант с кавычками для значения 'период советской истории после 1953 года', дистанцируются непосредственно от положительной оценки этого периода, скорее они выбирают вариант, который кажется им немаркированным, не принадлежащим идеологически окрашенному дискурсу. Таким образом, результаты анализа выборки и эксперимента показывают, во-первых, наличие у слова *оттепель* нескольких переносных значений, не отмеченных словарями, во-вторых, идеологическую маркированность в одном из значений, которая снимается говорящими при помощи кавычек.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Игнатова Ю.С. «Оттепель»: метафорический портрет эпохи // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация. Материалы Международной научной конференции. 2018. С. 102–104.
2. Кондратьева О.Н. «Перестройка» и «Перезагрузка»: метафоры преобразований в политической коммуникации (опыт лингвокогнитивного анализа) // Политическая лингвистика. 2015. № 4. С. 32–39.
3. Малышева Е.Г. Идеологема как лингвокультурный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. 4 (30). С. 32–40.
4. Чудакова Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
5. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

НКРЯ=Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: <https://ruscorpora.ru>

REFERENCES

1. Ignatova Yu.S. «Ottepel'»: metaforicheskii portret epokhi [“The Thaw: a metaphorical portrait of the era]. *Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmedi-*

- inaya kommunikatsiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii.* Yekaterinburg, 2018, pp. 102–104. (In Russ.).
2. Kondrat'eva O.N. «Perestroika» i «Perezagruzka»: metafory preobrazovaniy v politicheskoy kommunikatsii (opyt lingvokognitivnogo analiza) [“Perestroika” and “Reloading”: Metaphors of Transformation in Political Communication (Experience of Linguistic and Cognitive Analysis)]. *Politicheskaya lingvistika.* Yekaterinburg, 2015, no. 4, pp. 32–39. (In Russ.).
 3. *Malysheva Ye.G.* Ideologema kak lingvokul'turnyy fenomen: opredeleniye i klassifikatsiya [Ideologeme as a linguocultural phenomenon: definition and classification]. *Politicheskaya lingvistika.* Yekaterinburg, 2009, no. 4 (30), pp. 32–40. (In Russ.).
 4. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru> (In Russ.).
 5. Chudakova N.M. Kontseptual'naya oblast' «Nezhivaya priroda» kak istochnik metaforicheskoy ekspansii v diskurse rossiiskikh sredstv massovoy informatsii (2000–2004 gg.) [The conceptual domain “Inanimate Nature” as a source of metaphorical expansion in the discourse of the Russian mass media (2000–2004)]: *dis.... kand. filol. nauk.* Yekaterinburg, 2005. 277 p. (In Russ.).
 6. Epshteyn M.N. Ideologiya i yazyk (postroyeniye modeli i osmysleniye diskursa) [Ideology and language (building a model and comprehending discourse)]. *Voprosy yazykoznaniya.* 1991, no. 6, pp. 19–33. (In Russ.).
 7. Yakovleva Ye.S. *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian linguistic world view (models of space, time and perception)]. M., Gnosis Publ., 1994. 344 p. (In Russ.).

Поступила в редакцию 27.11.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 17.02.2023

Received 27.11.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 17.02.2023

ОБ АВТОРАХ

Чжан Тинтин — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tt0608@mail.ru

Лариса Александровна Жданова — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; zhdala@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Zhang Tingting — Ph. D. Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tt0608@mail.ru

Larisa Alexandrovna Zhdanova — Ph. D., Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; zhdala@mail.ru

ПСЕВДОНИМЫ, ВКЛЮЧАЮЩИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ БУКВ КИРИЛЛИЦЫ: СТРУКТУРА И СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ (СТАТЬЯ 1)

В.С. Савельев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; alfertinbox@mail.ru*

Аннотация: В цикле статей на материале «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова рассматриваются структура и способы образования псевдонимов, включающих церковно-славянские названия букв кириллицы. Выделяются простые (однословные) и комплексные псевдонимы. Устанавливается, что включение в псевдонимы названий букв в большинстве случаев мотивировано онимом автора (чаще всего первой буквой имени или фамилии), другим его псевдонимом или онимом другого автора. В первой статье цикла производится анализ статистических данных, указывающих на то, что наибольшей продуктивностью данная модель обладала в период с 70-х гг. XIX века по 10-е гг. XX века — время, когда изучение церковнославянского алфавита было обязательным в учебных заведениях разного типа, о чем свидетельствуют данные азбук и букварей дореволюционной эпохи. Указывается, что о значимости церковнославянской азбуки для носителя языка XIX века свидетельствует также и то, что церковнославянские названия букв кириллицы часто использовались во фразеологизмах разного типа. Во второй части статьи рассматриваются простые псевдонимы: описываются особенности их образования и графического оформления. Анализ материала показывает, что наиболее часто используются простые псевдонимы, представляющие собой названия первых букв алфавита: *Аз*, *Буки*, *Веди*, *Глаголь*, а также буквы *Фита*. Отмечается, что в качестве псевдонимов, не мотивированных онимом автора, регулярно используются названия только двух букв — *Аз* и *Буки*. Устанавливаются особенности функционирования псевдонимов *Фита* и *Ферт*, а также псевдонима *Юс*.

Ключевые слова: церковнославянские названия букв кириллицы; псевдонимы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-5

Для цитирования: Савельев В.С. Псевдонимы, включающие церковнославянские названия букв кириллицы: структура и способы образования (статья 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 71–83.

PSEUDONYMS INCLUDING CHURCH SLAVONIC NAMES OF CYRILLIC LETTERS: STRUCTURE AND METHODS OF FORMATION (ARTICLE 1)

Victor Savelyev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; alfertinbox@mail.ru

Abstract: In a series of articles on the material of the *Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scientists and Public Figures* by I.F. Masanov we consider the structure and methods of formation of pseudonyms, which include in their composition Church Slavonic names of Cyrillic letters. There are simple (single-word) and complex aliases. It is established that the inclusion of letter names in pseudonyms in most cases is motivated by the author's onym (most often the first letter of the name or surname), his other pseudonym or the onym of another author. In the first article of the cycle, an analysis of statistical data is made, indicating that this model had the greatest productivity in the period from the 70s of the 19th century to the 10s of the 20th century. That was the time when the study of the Church Slavonic alphabet was mandatory in educational institutions of various types, as evidenced by the data of the ABC-books and primers of the pre-revolutionary era. It is pointed out that the importance of the Church Slavonic alphabet for a native speaker of the 19th century is also evidenced by the fact that the Church Slavonic names of Cyrillic letters were often used in phraseological units of various types. In the second part of the article, simple pseudonyms are considered: the features of their formation and graphic design are described. Analysis of the material shows that the most commonly used are simple pseudonyms, which are the names of the first letters of the alphabet — *Az*, *Buki*, *Vedi*, *Glagol*, as well as the letter *Fita*. It is noted that as pseudonyms, not motivated by the author's onym, the names of only two letters are regularly used — *Az* and *Buki*. The features of the functioning of the pseudonyms *Fita* and *Firth*, as well as the pseudonym *Yus*, are established.

Key words: Church Slavonic names of Cyrillic letters; pseudonyms

For citation: Savelyev V.S. (2023) Pseudonyms Including Church Slavonic Names of Cyrillic Letters: Structure and Methods of Formation (Article 1). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 71–83.

Одним из объектов современной русистики, вызывающим интерес библиографов, искусствоведов, историков, лингвистов, литературоведов, являются **псевдонимы**. Актуальность их изучения очевидна: об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что ни объем этого понятия, ни его содержание до сих пор точно не определены. В исследованиях встречаются различные определения термина «псевдоним»¹, различные классификации псевдонимов, в том числе

¹ Ср. определения в наиболее значимых и авторитетных исследованиях: «Псевдоним — общее название для вымышленных или измененных имени и фамилии, заменивших в подписи настоящее имя и фамилию» [Дмитриев 1980: 278];

в лингвистическом аспекте². В частности, изучаются *способы образования псевдонимов*³. Одним из них является способ, реализация которого включает использование **церковнославянских названий букв кириллицы**.

Упоминания о данном способе обнаруживаются в нескольких работах.

В.Г. Дмитриев указывает, что «иногда подписью было греческое название той буквы, с которой начинались фамилия или имя автора: *Альфа, Гамма, Омега, Сигма* и т. д. Довольно часто применялись и церковнославянские названия этих букв: *Аз, Буки, Рцы, Фита, Юс* и т. д. При этом иногда остроумно использовался смысл этих названий. Так, журналист С.С. Гусев подписывался *Слово Глаголь* (буква *с* называлась “слово”, а буква *г* — “глаголь”, т. е. говори). Другой пример — подпись А.В. Арсеньева в “Пчеле” (1875): *Аз Рцы Слово* (т. е. я сказал слово). Так выглядел в этой интерпретации криптоним *Арс*, т. е. первые три буквы фамилии автора» [Дмитриев 1980: 209].

М.В. Голомидова в качестве одной из разновидностей «тактики преобразования внутрисловного материала антропомодели» выделяет «расшифровку инициалов в названиях букв кириллической и греческой азбуки: *Аз — Я. Апушкин; Аз-Аз — А.О. Аблесимов; Аз-Слово — А.М. Семенов <...> и т. д.*» [Голомидова 1998: 125, 128]. Исследователь отмечает, что «проговаривание инициальных компонентов стимулирует разнонаправленное развитие номинативных моделей: с одной стороны, лексикализируются синтаксические конструкции (*Слово Добро*), с другой, формируются аббревиатуры (*Аэмиша*), и развитие аббревиации ведет к усложнению и смешению разных способов сложения сокращенных частей: *Аз-Аль-Бов — А.А. Богданов...*», при этом «закрепившиеся модели стремятся к дальнейшему развитию, и уже без жесткой связи с инициальной основой по модельным схемам образуются новые единицы, ср.:

«Псевдоним — вымышленное имя, существующее в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него» [Подольская 1988: 113]; «Чтобы более рельефно представить феноменологические свойства псевдонима в русской лингвокультуре и уточнить содержание, вкладываемое в терминированное понятие, предлагаем следующее рабочее определение: псевдоним — искусственно созданное условное имя творческой личности, адресованное широкому кругу коммуникантов» [Голомидова 1998: 93]; «*Псевдоним — <...> антропоним с ограниченной сферой употребления, выполняющий специфические функции, являющийся результатом самоименования автора и предполагающий наличие истинных фамилии, имени, отчества*» [Мочалкина 2004: 33].

² См. исследования В.Г. Дмитриева [Дмитриев 1980], М.В. Голомидовой [Голомидова 1998], К.С. Мочалкиной [Мочалкина 2004].

³ Наиболее подробно они рассмотрены в работах М.В. Голомидовой [Голомидова 1998: 94–139] и К.С. Мочалкиной [Мочалкина 2004: 104–137].

Буки — Н.В. Обухов, Буки-ба — С.Н. Федоров и Буки-Буки — О.И. Сеньковский» [Голомидова 1998: 130].

К.С. Мочалкина выделяет «специфические средства создания псевдонимов», при составлении которых «авторы используют различные возможности лексического уровня», в том числе «архаизмы, историзмы. В качестве псевдонима выбираются <...> церковнославянские названия букв: *Аз Рцы Слово* — “я сказал слово” (А.В. Арсеньев), *Покой Твердо* (П.А. Травин), *Слово Глаголь* (Сергей Гусев)» [Мочалкина 2004: 112–114]⁴.

На наш взгляд, подобная трактовка не может быть признана точной. Об этом, в частности, свидетельствуют данные «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И.Ф. Масанова — основного источника сведений о псевдонимах XVIII — первой половины XX века. В «Словаре» обнаруживаются 144 псевдонима, каждый из которых представляет собой название буквы или сочетание нескольких названий букв и/или других знаков, при этом датируются они следующим образом:

Годы	1780–1789	1800–1809	1840–1849	1850–1859	1860–1869	1870–1879	1880–1889
Количество статей	1	2	2	1	3	21	21
Годы	1890–1899	1900–1909	1910–1917	1918–1920	1921–1929	1930–1939	без даты
Количество статей	12	46	10	2	4	1	18

Как мы видим, наибольшее количество псевдонимов рассматриваемого типа обнаруживается в дореволюционных текстах в период с 70-х гг. XIX века по 10-е гг. XX века⁵. В эти годы церковнославянские названия букв кириллицы не были ни архаизмами, ни историзмами: чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к учебным пособиям того времени — азбукам и букварям. Обучение чтению и письму подразумевало усвоение и освоение не только «гражданской», но и церковнославянской кириллической азбуки и включало запоминание традиционных названий букв кириллицы. Так, в учебной книге К.Д. Ушинского «Родное слово для детей младшего воз-

⁴ Необходимо заметить, что восходящий к В.Г. Дмитриеву (см. [Дмитриев 1980: 209]) перевод *Аз Рцы Слово* как «я сказал слово» является неточным: *рцы* представляет собой форму императива (а не аориста) и должно быть переведено как «скажи».

⁵ Интересно, что данный период совпадает с эпохой преобразований в русском правописании, начавшейся работами Я.К. Грота и завершившейся орфографической реформой 1917 г., — эпохой, в которую одним из ключевых являлся вопрос об изменении алфавита и, в частности, об отказе от использования церковнославянских названий букв кириллицы.

раста», выдержавшей 147 изданий, воспроизводятся два алфавита (см. [Ушинский 1864: 17, 110]) и тексты на русском и церковнославянском языках, при этом приводятся только церковнославянские названия кириллических букв⁶; по тому же принципу составлены такие авторитетные учебники, как «Русская азбука с наставлением, как должно учить» В.А. Золотова (30 изданий), «Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковнославянскому чтению и счету для народных школ» Д.И. Тихомирова и Е.Н. Тихомировой (161 издание), «Русский букварь для обучения письму и чтению, русскому и церковнославянскому» В.П. Вахтерова (120 изданий). Во многих учебниках приводятся как современные «гражданские», так и церковнославянские названия букв, как это происходит, например, в «Новой азбуке» Л.Н. Толстого (около 30 изданий).

О значимости церковнославянской азбуки для русского человека в XIX веке говорит и существование множества фразеологизмов, включающих церковнославянские названия букв кириллицы. Так, словарь В.И. Даля фиксирует использование названий 22 букв кириллицы во фразеологизмах различного типа⁷:

Буква	АЗЪ	БУКИ	ВЪДИ	ГЛАГОЛЬ	ЖИВЕТЕ	ИЖЕ	КАКО	ЛЮДИ
Количество фразеологизмов	20	18	5	8	1	2	3	2
Буква	МЫСЛѢТЕ	ОНЪ	ПОКОИ	РЦЫ	СЛОВО	ТВЕРДО	ФЕРТЬ	ХЪРЪ
Количество фразеологизмов	2	4	1	1	1	2	4	2
Буква	ЕРЪ	ЕРЫ	КСИ	ПСИ	ѦИТА	ИЖИЦА		
Количество фразеологизмов	1	3	1	1	5	6		

⁶ В качестве заголовка указано следующее: «Церковнославянская азбука в порядке и с названиями букв» [Ушинский 1864: 110].

⁷ Приведем в качестве примера одну из статей словаря: «Вѣди, третья буква русской азбуки В, в. *Что ни бай, а писать вѣди надо. Бука боднуть, а вѣди обмануть. Вѣди провѣдали, что буки будутъ, а имъ ужъ и слѣдъ простылъ*» [Даль 1863: 291]. Также в словаре приводятся еще две идиомы со словом *вѣди* (в статьях «Буки»: «*Буки букашки, вѣди таракашки, глаголь кочережка, это загадка: кочерга; и это жъ начало прибаутки, для конанья или жеребья в играхъ*» [Даль 1863: 123], и «Глаголь»: «*Азѣ-алашки, буки-букашки (барашки), вѣди-валяшки, глаголь-голяшки, т. е. долгая, скучная, всѣмъ извѣстная пѣсня*» [Даль 1863: 311]).

Интересно, что частотность употребления названий букв кириллицы во фразеологизмах во многом совпадает с частотностью их использования в псевдонимах, приводимых в словаре И.Ф. Масанова:

Буква ⁸	А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	С
Название буквы	АЗЪ	БУКИ	ВЪДИ	ГЛАГОЛЬ	ДОБРО	ЕСТЬ	ЖИВЕТЕ	ЗЪЛО
Количество статей	38	10	17	12	2	2	–	1
Буква	З	И	І	К	Л	М	Н	О
Название буквы	ЗЕМЛЯ	ИЖЕ	И	КАКО	ЛЮДИ	МЫСЛѢТЕ	НАШЪ	ОНЪ
Количество статей	–	9	–	–	1	4	–	–
Буква	П	Р	С	Т	ОУ	У	Ф	Х
Название буквы	ПО-КОИ	РЦЫ	СЛОВО	ТВЕРДО	УКЪ	У	ФЕРТЪ	ХЪРЪ
Количество статей	2	5	8	1	–	–	8	–
Буква	Ѣ	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ	Ы	Ь
Название буквы	ОТЪ	ЦЫ	ЧЕРВЪ	ША	ЩА	ЕРЪ	ЕРЫ	ЕРЬ
Количество статей	–	–	2	1	–	–	–	–
Буква	Ѣ	Ю	Ж	Ѧ	Ѧ	Ѣ	Ѣ	Ѣ
Название буквы	ЯТЬ	Ю	ЮСЪ	Я	Я	О	О	КСИ
Количество статей	–	–	11	–	–	–	–	–
Буква	Ѣ	Ѣ	Ѣ					
Название буквы	ПСИ	ѢИТА	ИЖИЦА					
Количество статей	–	9	1					

В обоих случаях наибольшей «востребованностью» (не менее пяти случаев) пользуются названия начальных букв алфавита АЗЪ, БУКИ, ВЪДИ, ГЛАГОЛЬ, а также буквы ѢИТА, составляющие 60 % от общего числа употреблений (фразеологизмы: 56 случаев из 93;

⁸ Используется список букв и их названий из учебной книги К.Д. Ушинского «Родное слово для детей младшего возраста» (см. [Ушинский, 1864: 110]).

псевдонимы: 86 случаев из 144). При этом только во фразеологизмах часто используется слово ИЖИЦА, а в псевдонимах — слова ИЖЕ, РЦЫ, СЛОВО, ФЕРТЪ и ЮСЪ.

Примечательно, что полученные данные соотносятся с установленным в исследовании К.С. Мочалкиной фактом: «Больше всего русских псевдонимов начинается с буквы А (10 % — В.С.). Псевдонимы, начинающиеся с букв А (10 % — В.С.), К (7,6 % — В.С.), С (8,7 % — В.С.), составляют примерно 25 % от общего числа. Достаточно много псевдонимов приходится на начальные буквы алфавита: Б (7,4 % — В.С.), В (6,8 % — В.С.), Г (5,9 % — В.С.), Д (4,2 % — В.С.)...» [Мочалкина 2004: 135].

* * *

Анализ псевдонимов, включающих церковнославянские названия кириллических букв, позволил установить следующие особенности их образования.

1. Все рассматриваемые псевдонимы можно разделить на **простые** и **комплексные**: первые состоят исключительно из названия одной буквы, вторые включают какой-либо дополнительный элемент, в том числе и названия других букв. Отметим, что «Словарь» И.Ф. Масанова фиксирует более частое использование комплексных псевдонимов (комплексные псевдонимы: 81 случай из 144 — 56 %; простые псевдонимы: 63 случая из 144 — 44 %).

2. Псевдонимы могут быть **мотивированы** или **не мотивированы онимом**⁹ носителя псевдонима (далее — автора). Примечательно, что в «Словаре» И.Ф. Масанова обнаруживается значительно большее количество мотивированных псевдонимов, чем немотивированных¹⁰ (мотивированные псевдонимы: 112 из 142¹¹ — 79 %; немо-

⁹ Здесь и далее термин *оним* используется для обозначения настоящего имени, отчества и фамилии носителя псевдонима, используемых по отдельности или в сочетании друг с другом.

¹⁰ Здесь и далее термины *мотивированные* vs. *немотивированные псевдонимы* используются для обозначения **псевдонимов**, **мотивированных** или **не мотивированных онимом автора**. Иначе говоря, определение псевдонима как немотивированного в данной статье не означает того, что его использование является случайным, неосознанным: имеется в виду, что выбор такого псевдонима мотивирован не онимом автора, а имеет какое-либо иное основание (например, Н.А. Потехин использует не мотивированный онимом псевдоним *Рцы Слово Твердо*, включающий церковнославянские названия трех букв, идущих в алфавите подряд и образующих при этом законченное предложение; см. [Масанов 1958: 42]).

¹¹ В двух случаях — для псевдонимов *Аз. М.* (*А. Маштаков* — имя автора неизвестно) и *Аз* (*Александр Исаакович Зеленский* — объяснение см. в п. 3) — установить наличие или отсутствия мотивации не представляется возможным. Данные примеры при подсчете частотности использования мотивированных и немотивированных псевдонимов не учитываются.

тивированные псевдонимы: 30 из 142 — 21 %), при этом данная особенность свойственна псевдонимам любой структуры (простые псевдонимы: мотивированные — 46 из 62 (74 %); немотивированные — 16 из 62 (26 %); комплексные псевдонимы: мотивированные — 66 из 80 (82,5 %); немотивированные — 14 из 80 (17,5 %)).

3. Производящей базой (далее — ПЩ) мотивированных простых псевдонимов могут служить **имя** (Аз — Александр Максимович Герсон (1879) [Масанов 1956: 89]¹², *Веди* — Владимир Александрович Соколов (1887) [Масанов 1956: 232], *Иже* — Игнатий Павлович Житецкий (1906) [Масанов 1956: 430], *Мыслете* — Михаил Григорьевич Гребенщиков (1883) [Масанов 1957: 205], *Рцы* — Родион Абрамович Менделевич (1906) [Масанов 1958: 42], *Слово* — Сергей Семенович Пчелин (1891) [Масанов 1958: 120], *Ферт* — Филипп Степанович Шкулев (1908) [Масанов 1958: 203], *Юс* — Юрий Дмитриевич Беляев (1908) [Масанов 1958: 284]¹³, *Фита* — Федор Ильич Булгаков (не позднее 1908 г.) [Масанов 1958: 205]) или **фамилия** (Аз — Яков Владимирович Апушкин (1926) [Масанов 1956: 89], *Буки* — Петр Васильевич Быков (1878) [Масанов 1956: 172], *Веди* — Евгений Антонович Вернер (1883) [Масанов 1956: 231], *Глаголь* — Василий Петрович Горленко (1893) [Масанов 1956: 293], *Мыслете* — Родион Абрамович Менделевич (1906) [Масанов 1957: 205], *Рцы* — Натан Соломонович Рашковский [Масанов 1958: 42], *Слово* — Владимир Александрович Соколов (1887) [Масанов 1958: 120], *Твердо* — В.С. Тетерский (1905) [Масанов 1958: 164], *Ферт* — Флавинский (1870) [Масанов 1958: 203], *Червь* — Евгений Николаевич Чириков (1906) [Масанов 1958: 233], *Ша* — Филипп Степанович Шкулев (1907) [Масанов 1958: 249], *Фита* — Евстафий Савельевич Федоров-Чмыхов (1885) [Масанов 1958: 205]) **автора**, причем **во всех случаях речь идет об использовании названия первой буквы онима**. Интересно, что один и тот же автор в качестве альтернативных может использовать псевдонимы, мотивированные как именем, так и фамилией (Игнатий Максимович Герсон — *Иже* (1888) и *Глаголь* (1888) [Масанов 1960: 126], Родион Абрамович Менделевич — *Рцы* и *Мыслете*, Владимир Александрович Соколов — *Веди* и *Слово*, Филипп Степанович Шкулев — *Ферт* и *Ша* [Масанов 1960: 126]).

Также обнаруживаются псевдонимы, соотносимые с начальной буквой **отчества** (Аз — Осип Андреевич Мончаловский [Масанов 1956: 89], *Юс* — Александр Юрьевич Александровский [Маса-

¹² Здесь и далее примеры приводятся в следующем порядке: псевдоним, ФИО автора (в ряде случаев имя и отчество у И.Ф. Масанова не указываются), год первого использования псевдонима (при наличии информации у И.Ф. Масанова), ссылка на «Словарь» И.Ф. Масанова.

¹³ Об особенностях мотивации псевдонима *Юс* см. п. 8.

нов 1958: 284] и под.), однако то, что в этом случае отчество используется в качестве ПШ, кажется нам маловероятным¹⁴.

В ряде случаев ПШ в равной степени могут быть признаны начинающиеся с одной буквы имя и фамилия (Аз — Арсений Михайлович Авраамов [Масанов 1956: 89]) и даже отчество (*Веди* — Всеволод Васильевич Власов (1895) [Масанов 1956: 232]). При этом в одном случае ПШ может быть уточнена: одним из псевдонимов Аркадия Тимофеевича Аверченко является простой псевдоним Аз (1906) [Масанов 1956: 89], который мог быть мотивирован как именем, так и фамилией автора. Однако наличие комплексного псевдонима Аз, *Аркадий* (1906) [Масанов 1956: 89] позволяет предположить, что в обоих случаях для А.Т. Аверченко Аз ассоциируется именно с фамилией.

Особо следует отметить случай, когда соотнесение псевдонима с разными ПШ может внести коррективы в оценку структуры самого псевдонима: псевдоним Александра Исааковича Зеленского Аз (1910), с одной стороны, может отсылать к названию первой буквы его имени, но с другой — представлять собой сочетание первых букв имени и фамилии, о чем косвенно свидетельствует использование автором еще одного псевдонима — А.З. (1910) [Масанов 1960: 195].

4. **Простой псевдоним** может быть **не мотивирован** онимом автора (например, Аз — Иван Семенович Симонов (1901) [Масанов 1956: 89], *Буки* — Николай Васильевич Обухов (1916) [Масанов 1956: 172], *Зело* — Павел Иванович Вехов (1912) [Масанов 1956: 392], *Покой* — Агапов [Масанов 1957: 368], *Ферт* — Николай Афанасьевич Литвинов [Масанов 1958: 203], *Фита* — Иван Андрианович Волков (1900) [Масанов 1958: 205], *Ижица* — Павел Владимирович Безобразов (1909) [Масанов 1956: 431]). Обращает на себя внимание то, что относительно регулярно в качестве немотивированных псевдонимов используются названия только двух букв — Аз (шесть случаев) и *Буки* (три раза); все остальные названия букв встречаются по одному разу, и при этом выбор их, сравнительно с использованием мотивированных псевдонимов, крайне ограничен.

Установить причину выбора немотивированного простого псевдонима затруднительно. Мало того, такие псевдонимы, как Аз, *Зело*, *Покой*, *Ферт*, не могут быть однозначно определены как названия букв: вполне вероятно их использование авторами как существительных, выражающих определенные лексические значения и обладающих определенными коннотациями.

¹⁴ По той же причине мы соотносим приведенный выше псевдоним Сергея Семеновича Пчелина *Слово* с именем этого журналиста, а не с его отчеством.

В то же время в некоторых случаях имеются косвенные свидетельства того, что авторы выбирали в качестве немотивированных псевдонимов слова, ориентируясь на их использование именно как названий букв. Так, немотивированным является псевдоним Василия Николаевича Кораблева Аз (1913) [Масанов 1956: 89], однако этот же автор использует и мотивированный комплексный псевдоним *Веди-Како* (1900) [Масанов 1956: 232]; наряду с немотивированным *Буки* (1895) Всеволод Васильевич Власов использует мотивированный псевдоним *Веди* (1895) [Масанов 1956: 172, 232] — продуктивность использования модели свидетельствует в пользу выбора авторами слов *Аз* и *Буки* в качестве названий букв, а не местоимения *азъ* «я» и формы множественного числа существительного *бука*¹⁵. Можно предположить, что псевдоним Ипполита Федоровича Василевского Аз (1878) также связан с алфавитом — наиболее известным из множества его «самоименований» является псевдоним *Буква* (1876) [Масанов 1960: 94].

5. Один и тот же простой псевдоним может быть использован разными авторами (*Аз* — 19 авторов, *Буки* — 5 авторов, *Веди* — 3 автора и т. д.), причем у двух авторов с совпадающими именами и фамилиями такое «пересечение» происходит дважды: Игнатий Максимович Герсон («писатель-юморист, 1880-е гг.» [Масанов 1960: 126]) и Игнатий Николаевич Герсон («сотр. юмористич. журн. 1900-х гг.» [Масанов 1960: 126]) используют псевдонимы *Глаголь* и *Иже*.

6. Примечательным выглядит использование мотивированных простых псевдонимов *Ферт* и *Фита*: выбирая один из них, авторы ориентируются на то, какая буква является начальной в их имени или фамилии. Так, Филипп Степанович Шкулев называет себя *Фертом* (1908) [Масанов 1958: 203], а Федор Ильич Булгаков, Федор Ефимович Мельников (1908) и Евстафий Савельевич Федоров-Чмыхов (1885) [Масанов 1958: 205] — *Фитой*. Данная особенность позволяет предположить, что Федор Федорович Филимонов использовал псевдоним *Фита* (1882), имея в виду первую букву своего имени, а не фамилии (ср. написание «Феодоръ. Народн. Фёдоръ» [Грот 1906: XLII] и «Филимонъ» [Грот 1906: XXXIX])¹⁶.

¹⁵ Иначе объясняется выбор псевдонима *Буки* еще в одном случае: не мотивирован псевдоним Паволакия Александровича Крушевана *Буки* [Масанов 1956: 172], однако он же использует схожие по звучанию *Бука* (1890) и *Дон-Букио* [Масанов 1960: 256]. Такое употребление может говорить о своеобразной языковой игре автора: используется название буквы, вызывающей ассоциации со словом, которое называет нелюдимого человека.

¹⁶ Впрочем, данное предположение может быть и неверным: среди псевдонимов Ф.Ф. Филимонова встречается также и *Три Фиты* (1882) [Масанов 1960: 490].

7. Обращают на себя внимание особенности в способе передачи мотивированных простых псевдонимов Александра Петровича Беницкого: «неправильные» написания *Бу-Ки* (1805) и *Бу. Ки* (1805) [Масанов 1956: 139], на наш взгляд, могут быть оценены как случаи языковой игры.

8. Особого упоминания заслуживает псевдоним *Юс*: в большинстве случаев его использование мотивировано тем, что первой буквой имени является буква Ю (*Юс* — Юрий Дмитриевич Беляев (1908) [Масанов 1958: 284], *Юс* — Юлий Давидович Бруцкус (1899) [Масанов 1958: 284], *Юс* — Юрий Николаевич Потехин (1925) [Масанов 1958: 284]), которая в XIX и XX веках имела название «ю», а не «юс»¹⁷.

* * *

Данная статья является первой из цикла статей, посвященных изучению псевдонимов, включающих церковнославянские названия букв кириллицы. Описание комплексных псевдонимов, а также подведение итогов исследования будут осуществлены во второй статье цикла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вахтеров В.П.* Русский букварь для обучения письму и чтению, русскому и церковнославянскому. М., 1910.
2. *Голомидова М.В.* Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1998.
3. *Грот Я.К.* Русское правописание. Семнадцатое издание. СПб., 1906.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Часть первая. А — З. М., 1863.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Часть четвертая. Р — V. М., 1866.
6. *Дмитриев В.Г.* Скрывшие свое имя (из истории анонимов и псевдонимов). Издание второе, дополненное. М., 1980.
7. *Золотов В.* Русская азбука с наставлением, как должно учить. СПб., 1875.
8. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 1. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. А—И. М., 1956.
9. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 2. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. К—П. М., 1957.
10. *Масанов И.Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. Р—Я. М., 1958.

¹⁷ Так, В.И. Даль посвящает этим буквам разные статьи своего словаря: «Ю, буква двугласная, iу, счетом 32-я (в црквн. 35-я)…» [Даль 1866: 610] и «ЮСЬ м. откинутая ныне 36-я буква црквн. азбуки Ж <...>; в произношении носовая, гнусливая, слышная еще в польском…» [Даль 1866: 613]. О том же говорят и данные азбук и букварей XIX века, в которых эти буквы указываются как разные.

11. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М., 1960.
12. Мочалкина К.С. Псевдонимы в системе современной русской антропонимии. Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
13. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
14. Тихомиров Д., Тихомирова Е. Букварь для совместного обучения письму, русскому и церковнославянскому чтению и счету для народных школ. М., 1904.
15. Толстой Л.Н. Новая азбука. М., 1875.
16. Ушинский К.Д. Родное слово для детей младшего возраста. СПб., 1864.

REFERENCES

1. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. CHast' pervaya. A–Z. M., V tipografii A. Semena, 1863. 627 p. (In Russ.)
2. Dal' V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. CHast' chetvertaya. R–V. M., Tipografiya T. Ris, 1866. 626 p. (In Russ.)
3. Dmitriev V.G. *Skryvshie svoe imya (iz istorii anonimov i psevdonimov)* [Those who have hidden their name (from the history of anonymous and pseudonyms)]. Izdanie vtoroje, dopolnennoe. M., Izdatel'stvo «Nauka», 1980. 313 p. (In Russ.)
4. Golomidova M.V. *Iskusstvennaya nominaciya v russkoj onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t, 1998. 232 p. (In Russ.)
5. Grot YA.K. *Russkoe pravopisanie* [Russian spelling]. Semnadcatoe izdanie. SPb., Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk, 1906. 178 p. (In Russ.)
6. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkich pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 1. Alfavitnyj ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy russkogo alfavita. A–I. M., Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1956. 444 p. (In Russ.)
7. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkich pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 2. Alfavitnyj ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy russkogo alfavita. K–P. M., Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1957. 387 p. (In Russ.)
8. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkich pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 3. Alfavitnyj ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy russkogo alfavita. R–YA. M., Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1958. 416 p. (In Russ.)
9. Masanov I.F. *Slovar' psevdonimov russkich pisatelej, uchenyh i obshchestvennyh deyatelej* [Dictionary of pseudonyms of Russian writers, scientists and public figures]. T. 4. Novye dopolneniya k alfavitnomu ukazatelyu psevdonimov. Alfavitnyj ukazatel' avtorov. M., Izdatel'stvo Vsesoyuznoj knizhnoj palaty, 1960. 558 p. (In Russ.)
10. Mochalkina K.S. *Psevdonimy v sisteme sovremennoj russkoj antroponomimii* [Pseudonyms in the system of modern Russian anthroponymy]. Diss. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004. (In Russ.)
11. Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2-e izd., pererab. i dop. M., «Nauka», 1988. 187 p. (In Russ.)
12. Tihomirov D., Tihomirova E. *Bukvar' dlya sovmestnogo obucheniya pis'mu, russkomu i cerkovnoslavyanskomu chteniyu i schetu dlya narodnyh shkol* [Primer for joint

- teaching of writing, Russian and Church Slavonic reading and counting for public schools]. M., Tipo-litografiya I.I. Pashkova, 1904. 104 p. (In Russ.)
13. Tolstoj L.N. *Novaya azbuka* [New alphabet]. M., Tipografiya i litografiya A. Torleckogo i M. Terihova, 1875. 94 p. (In Russ.)
 14. Ushinskij K.D. *Rodnoe slovo dlya detej mladshego vozrasta* [Native word for young children]. SPb., Tip. Rogal'skogo i K°, 1864. 110 p. (In Russ.)
 15. Vahterov V.P. *Russkij bukvar' dlya obucheniya pis'mu i chteniyu, russkomu i cerkovnoslavyanskomu* [Russian primer for teaching writing and reading, Russian and Church Slavonic]. M., Tipografiya T-va I.D. Sytina, 1910. 66 p. (In Russ.)
 16. Zolotov V. *Russkaya azbuka s nastavleniem, kak dolzhno učit'* [Russian alphabet with instructions on how to teach]. SPb., Izdanie tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1875. 44 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 22.11.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 18.02.2023

Received 22.11.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 18.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Виктор Сергеевич Савельев — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; alfertinbox@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Victor Savelyev — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; alfertinbox@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А.Г. Полянская

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов»,
Москва, Россия; polyanskaya_ag@pfur.ru*

Аннотация: В статье изложен сопоставительный анализ проведенных ранее исследований религиозного сознания, а также оценена эффективность применения психолингвистических методов исследования религиозной составляющей обыденного языкового сознания (а именно ассоциативного эксперимента) в сопоставлении с социологическими методами. Приведены результаты пилотного эксперимента, в котором в качестве испытуемых принимают участие представители двух национальностей: русские и китайцы — носители принципиально разной культурной и религиозной традиции. Сопоставляется узнаваемость и восприятие христианских образов представителями двух культур. Также анализируется влияние возрастного фактора на содержание религиозной составляющей языкового сознания русских.

В заключение статьи делаются выводы о большей вовлеченности людей старшего возраста в христианский религиозный контекст и о большей языковой составляющей религиозного сознания молодой аудитории и носителей китайской культуры. Также дается положительная оценка применимости ассоциативного эксперимента при исследовании возрастных и этнокультурных особенностей содержания языкового сознания.

Результаты эксперимента могут быть актуальны для исследователей, преподавателей иностранных языков, а также теологов, религиозных миссионеров-катехизаторов.

Ключевые слова: языковое сознание; психолингвистика; теология; ассоциативный эксперимент

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-6

Для цитирования: Полянская А.Г. Исследование религиозной составляющей языкового сознания: психолингвистический аспект // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 84–98.

STUDY OF THE RELIGIOUS COMPONENT OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS: THE PSYCHOLINGUISTIC ASPECT

Anastasia Polyanskaya

*The Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia;
polyanskaya_ag@pfur.ru*

Abstract: The article notes the previously used directions in the study of religious consciousness, and also evaluates the effectiveness of psycholinguistic methods for studying the religious component of everyday linguistic consciousness (namely, an associative experiment) in comparison with sociological methods. The results of a pilot experiment are presented, in which representatives of two nationalities take part as subjects: Russians and Chinese — carriers of fundamentally different cultural and religious traditions. The recognition and perception of Christian images by representatives of two cultures are compared. The influence of the age factor on the content of the religious component of the linguistic consciousness of Russians is also analyzed.

Finally, conclusions are drawn about the greater involvement of elder people in the Christian religious context and about the greater pagan affiliation of the young consciousness and the bearers of Chinese culture. The applicability of the associative experiment in the study of age and ethno-cultural characteristics of the content of linguistic consciousness is positively assessed. The results of the experiment may be relevant for researchers, translators, teachers of foreign languages, as well as theologians, specialists in religion studies and missionary catechists.

Key words: linguistic consciousness; psycholinguistics; theology; associative experiment

For citation: Polyanskaya A.G. (2023) Study of the Religious Component of Linguistic Consciousness: The Psycholinguistic Aspect. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 84–98.

Некоторые отечественные исследователи (В.Д. Кобецкий, Д.М. Угринович, Ю.Ф. Борунков, В.К. Танчер, Я.А. Рымкевич, С.А. Данилов, В.В. Павлюк, И.Н. Яблоков, А.А. Радугин) развивают идею структурности религиозного сознания [Гавриленков 2008]. Данные исследования скорее представляют теоретические философские модели функционирования сознания и могут быть дополнены содержательным анализом структурных элементов в синхронии и диахронии в рамках других междисциплинарных исследований. Подобный анализ может стать предметом изучения в том числе и психолингвистов, работающих над выявлением структуры и содержания обыденного сознания на основе языкового материала, полученного с помощью экспериментальных методов.

В последние годы изучение связи языка и мышления в теологическом аспекте находится на стыке нескольких научных направле-

ний — когнитивного религиоведения, теолингвистики и лингвотеокультурологии.

Теолингвистика, по утверждению В.И. Постоваловой, сформировалась совсем недавно [Постовалова 2019], и сейчас выделяются две основные задачи: 1) осмысление того, как язык функционирует в разных «религиозных контекстах» или «религиозных ситуациях» (И.-П. Ноппен, Д. Кристалл, А. Вагнер); 2) изучение так называемого «религиозного языка». В рамках теолингвистического подхода, как и любого лингвистического подхода, язык в большей степени рассматривается изолированно, вне связи с духовной активностью человека в представлении В. фон Гумбольдта, который отмечал, что изучение языка «ради себя самого... не заключает в себе конечной цели», но «служит высшей и общей цели совместных устремлений человеческого духа» — «цели познания человечеством самого себя и своего отношения ко всему видимому и скрытому вокруг себя» [Гумбольдт 1985]. В связи с этим В.И. Постовалова предлагает выделить лингвотеокультурологию как особый раздел теолингвистики, направленный на изучение взаимосвязи языка и конфессиональной культуры, а также лингвистическую теоконцептологию для исследования религиозных концептов в духовном мире человека [Постовалова 2019].

Несколько иным путем пошли зарубежные коллеги. В 1980–1990-х годах в западной традиции возникает когнитивное религиоведение как отдельная отрасль исследования, представленная работами Э. Томаса Лоусона, Р. Макколи, П. Буайе, Х. Уайтхауса, С. Гатри, С. Атрана и других исследователей. Дж. Килстром утверждает, что когнитивное религиоведение предлагает методы (включая экспериментальные) и концепции, позволяющие ответить на ряд вопросов, в том числе о знаниях и представлениях о Боге в сознании верующих и источнике этих знаний, отношении между индивидуальным представлением о Боге и коллективным верованием, а также о различиях религиозных представлений в разных культурах [Kihlstrom 2008].

Как отмечает Е.О. Калмыкова [Калмыкова 2011], пока представлено мало теологических работ, посвященных когнитивному подходу к религии. Стоит отметить и то, что далеко не все исследования западных когнитивистов связаны с христианством. Когнитивный подход с учетом конфессиональных различий заслуживает отдельного изучения и осмысления на междисциплинарном уровне, и для российских ученых больший интерес может и должно представлять исследование православного религиозного сознания.

Кроме нейропсихологических методов, используемых когнитивистами, также проводятся корпусные исследования (П.М. Шитиков и др.), применяется концептуальный подход (В.И. Постовалова и

др.), а также используются социологические методы исследования религиозных и этнических ценностей, в том числе в сопоставительном ключе (Р. Нугаев).

Отделом психолингвистики Института языкознания РАН более тридцати лет велись исследования содержания языкового сознания носителей русской культуры с применением ассоциативного эксперимента (Н.В. Уфимцева, О.В. Балясникова и др.). Материалы массового ассоциативного эксперимента позволяют увидеть и проанализировать содержание обыденного языкового сознания. Анализ имеющегося массива экспериментального материала в контексте исследования религиозной составляющей обыденного языкового сознания может стать предметом дальнейших исследований.

В данной работе мы используем метод ассоциативного эксперимента в сочетании с прямыми вопросами, позволяющими оценить религиозные взгляды участников эксперимента и их вовлеченность в религиозный контекст.

В пилотном эксперименте, проведенном осенью 2021 года в электронном формате, приняли участие три группы испытуемых: молодые русские (опрос проводился среди старшеклассников и студентов нескольких столичных вузов), русские старшей возрастной группы (от 45 лет и старше — люди, получившие воспитание и образование в советский период) и китайцы (студенты и магистранты), владеющие русским языком, — представители страны, в которой, согласно статистике, лишь около 5 % жителей исповедуют христианство, а сама религия подвергается гонениям. В связи с тем, что для многих граждан Китая религиозная тема является табуированной, анкета не включала прямых вопросов о принадлежности к определенной религии и в большей степени отсылала к знанию мировых религий. Для представителей Китая знакомство с христианством во многом сопряжено со знакомством с изучаемой русской культурой, пропитанной религиозными реминисценциями, и анализ ответов позволяет сделать некоторые выводы о восприятии религиозного контекста.

В группе молодых русских проанализировано 50 анкет. 2 % испытуемых в возрасте до 17 лет и 98 % — от 17 до 21 года, русский язык назвали родным 96 % респондентов, якутский и русский — 2 %, осетинский — 2 %. В группе русских старшей возрастной группы проанализировано 52 анкеты. 65 % испытуемых в возрасте от 45 до 54 лет, 35 % — от 55 лет и старше. Родным языком для всех респондентов является русский. В группе китайцев проанализировано 15 анкет. 6 % испытуемых в возрасте от 17 до 21 года, 93 % — 22–35 лет, родной язык для всех испытуемых — китайский, срок обучения русскому языку — от 3 до 6 лет (средний срок — 5,7 лет), 53 % ис-

пытуемых никогда не были в России, 47 % проживали или проживают в России от полугода до двух лет.

Первая часть анкеты содержала свободный ассоциативный эксперимент с привлечением стимулов, обладающих многозначностью и/или омонимичностью и не имеющих однозначной привязки только к христианству: *воскресенье, книга, закон, свеча, слово, записка, раб, кровь, младенец, вино, тело, сад, хлеб, служба, спасение, таинство, крест*.

В таблице 1 представлены реакции, связанные с религиозными воззрениями. В скобках указан процент от общего числа ассоциативных реакций в каждой группе для каждого слова-стимула. В таблице представлены только реакции, связанные с религией, мистикой и духовной жизнью, выделенные из общего массива экспериментального материала. Как мы видим, в группе испытуемых от 45 лет и старше прослеживается большая детализация реакций, связанных с православием и включающих отражение догматов и богослужебных особенностей, что может свидетельствовать о большей вовлеченности в религиозный контекст и более частом участии в православных таинствах: *Литургия*, (свеча) *икона*, (хлеб) *...насущенный даждь нам днесь*, (записка) *о здравии, поминальная*, (служба) *рождественская, утренняя/вечерняя*, (спасение) *Христос, покаяние* и др. В возрастной группе до 21 года мы встречаем более отвлеченные реакции. Так, в данной группе 54 % от общего числа «религиозно-мистических» реакций составляют реакции *церковь, храм, церковная, РПЦ, религия, оскорбление чувств верующих* (против 19 % подобных реакций во второй группе). Важно отметить, что реакция *РПЦ* в более старшей возрастной группе отсутствует. Также среди относящихся к тематике исследования ответов молодой аудитории 14 % составляют реакции, не связанные с православием (*Ника — богиня победы, Фемиды, вампир, Хеллоуин*), а во второй группе подобные реакции отсутствуют. Представленные результаты соотносятся с данными, отраженными в таблицах 2, 5 и 6. В третьей группе испытуемых было выявлено лишь две реакции, связанные с религией — это реакции на стимулы *свеча* и *спасение*.

В таблице 2 отдельно рассмотрим результаты эксперимента для стимулов *таинство* и *крест*, наиболее ярко отражающих различия религиозного сознания разных групп испытуемых. Так, в группе молодых испытуемых таинство в большей степени представляет собой некий магический обряд (*магия, оккультизм*), связанный с определенными предметами (*картина, магический шар, свечи, сундук*), условиями совершения ритуальных действий (*круг, купание, лес, мрак, темнота, тишина, огонь*) и вымышленными/мистическими персонажами или артефактами (*ведьма, Гарри Поттер, Эн-*

Результаты ассоциативного эксперимента (часть 1)

Стимул / группа	Р 21-	Р 45+	К
Воскресенье	Церковь (2 %)	Библия, вечная жизнь, Литургия, Пасха, Христово, церковь (2 %)	0 %
Книга	0 %	0 %	0 %
Закон	Ника — богиня победы, оскорбление чувств верующих, Фемида (2 %)	Божий (4 %)	0 %
Свеча	Церковь (6 %), РПЦ, таинство, храм (2 %)	Церковь (4 %) икона, храм (2 %)	Православие (7 %)
Слово	Бытие (2 %)	Божье (6 %), Библия, таинство (2 %)	0 %
Записка	Церковь (2 %)	О здравии, поминальная (2 %)	0 %
Раб	Божий (2 %)	Божий (6 %)	0 %
Кровь	Вампир, Хеллоуин (2 %)	Христова (2 %)	0 %
Младенец	0 %	Ангел (2 %)	0 %
Вино	Чаша (2 %)	0 %	0 %
Тело	Дух, душа (2 %)	Душа, Христово, оболочка души (2 %)	0 %
Сад	0 %	Райский (6 %), Рай (2 %)	0 %
Хлеб	Насущный (4 %)	Насущный (4 %), ...насущный даждь нам днесь (2 %)	0 %
Служба	Церковь (6 %), церковная (4 %) РПЦ (2 %)	Церковная (6 %), в церкви (4 %), в храме, церковь, православие, рождественская, утренняя/вечерняя (2 %)	0 %
Спасение	Вера, искупление, религия (2 %)	души (8 %), воскресение, Христос (4 %), вера, душа, покаяние (2 %)	Церковь (7 %)

дер-жемчуг). Подобные реакции являются отражением языческого мышления молодой аудитории. Из числа православных таинств в рамках ассоциативного эксперимента представители молодой аудитории выделили только одно — *крещение*, в то время как представители старшей возрастной группы указали реакции, связанные с четырьмя из семи церковных таинств: *крещение*, *крещение ребенка* (таинство Крещения), *бракосочетание*, *венчание* (таинство Брака), *причастие* (таинство Причащения, или Евхаристии), *исповедь* (та-

Результаты ассоциативного эксперимента (часть 2)

Стимул / группа	Р 21-	Р 45+	К
Таинство	Магия (10 %), загадка (6 %), крещение (6 %), ведьма (4 %), секрет (4 %), скрытность (4 %), церковь (4 %), Гарри Поттер, картина, круг, купание, лес, магический шар, молитва, мрак, ритуалы, Рождество, сакральность, сбор, свечи, священное действие, скелет, сок, сокровища, сообщество, сплетни, сундук, темнота, тишина, обряд, огонь, оккультизм, фиолетовый, ценность, Эндер-жемчуг	Обряд (15 %), секрет (10 %), крещения (8 %), волшебство, загадка, церковь (6 %), магия, причастие, ритуал (4 %), бракосочетание, венчания, вера, единое, исповедь, крещение ребенка, молитва, мужчина, незнание, чудо, православие, религиозное, сверхъяснение, священное, тайна, туман, церемония, черный цвет, чудо, это что-то неизученное	Тайна (27 %), секрет (20 %), дело было скрыто, миф, не знаю, религия, скрытый, тайный, хлеб, что никто не знает, чудес
Крест	Церковь (14 %), кладбище (8 %), Иисус (6 %), могила, храм (6 %), религия, цепочка, христианство (4 %), Бог, Вера, дерево, дьявол, гот, запрет, золото, Князь Владимир, крест верующих, крестик, крещение, памятник, поход, прочерк, распятие, святых, умножить, нательный, нашли в пыли немецкий крестик, священник, ход, черный, Эверест	Церковь (13 %), кладбище (8 %), Иисус, нательный, православный, храм, Христос (6 %), вера, нести, могила, религия (4 %), дерево, Иисус Христос, крест можно поставить на чем угодно, крестовый поход, молитва, мой крест, моя судьба, муки, несу, обращение к Богу, обречение, погост, распятие, символ, спасение, судьба, тепло, у каждого свой, Христов	Христос (27 %), православие (13 %), воскресенье, западная еда, ислам, религия, солнце, стул

инство Покаяния). Остались не отражены в результатах ассоциативного эксперимента таинства Миропомазания, таинство Священства (максимально близкие реакции — *священное* и *черный цвет*) и таинство Елеосвящения (соборования). Среди реакций китайских реципиентов есть только одна реакция, имеющая возможную связь с таинством Евхаристии — *хлеб* (см. также табл. 4), однако в связи с тем, что хлеб имеет довольно широкое применение, однозначные выводы сделать невозможно.

Реакции на стимул *крест* имеют меньшие различия в разных возрастных группах, однако в старшей возрастной группе отражен больший догматизм: если среди ответов молодежи встречается только *Иисус*, то среди ответов испытуемых второй группы — *Иисус, Христос, Иисус Христос, Христов* (в переводе с древнегреческого «Христос» означает «помазанник»; само слово — перевод древнееврейского слова, означающего «Мессия»). Также только в ответах второй группы мы находим восприятие креста как символа личных страданий: *нести, мой крест, моя судьба, муки, несу, у каждого свой*. В ответах китайских испытуемых реакция *Христос* является самой частотной, однако можно предположить, что она обусловлена знанием о распятии Иисуса Христа — заученной категорией, не отражающей личного исповедания. Любопытно также отметить, что отражена именно связь с православием, а не с христианством вообще, что подчеркивает влияние изучаемой русской культуры, относящейся к восточнохристианской традиции.

В таблице 3 отражены ответы представителей двух возрастных групп о связи с христианством представленных в ассоциативном эксперименте понятий и более специфических понятий, имеющих отношение к христианской традиции. Любопытно отметить, что для старшей возрастной группы более узнаваемым, чем для молодых участников эксперимента, стали понятия, связанные с богослужением (*таинство, Причастие, Литургия, записка, служба, престол*), а для молодой аудитории — с ветхозаветной историей (*ребро, яблоко*).

Понятия, связанные с Евхаристией (*тело, хлеб, кровь, чаша*), неожиданно чаще встречаются у представителей молодой аудитории. Поскольку связь *Литургии* (службы, во время которой совершается таинство Евхаристии) с христианством отметили лишь 36,7 % испытуемых, а *причастия* — 65,3 %, можно выдвинуть несколько предположений: 1) неузнаваемость термина *Литургия* при общем знании о таинстве Причастия; 2) отсутствие у ряда испытуемых связи между выбранными понятиями и непосредственно таинством Причастия.

Перечень наиболее узнаваемых христианских понятий для молодой аудитории выглядит так: *крест, воскресенье, Пасха, грех*,

Отношение понятий к христианской религии

Варианты	Р 21-	Р 45+
Воскресенье	87,80 %	86,50 %
Таинство	55,10 %	82,70 %
Крест	93,90 %	92,30 %
Сад	16,30 %	19,20 %
Причастие	65,30 %	84,60 %
Закон	22,40 %	21,20 %
Свеча	73,50 %	80,80 %
Литургия	36,70 %	78,80 %
Троица	85,70 %	86,50 %
Записка	22,40 %	40,40 %
Пустыня	20,40 %	15,40 %
Служба	63,30 %	75,00 %
Притча	40,80 %	48,10 %
Ребро	49,00 %	26,90 %
Лестница	12,20 %	15,40 %
Грех	87,80 %	76,90 %
Тело	42,90 %	28,80 %
Раб	53,10 %	40,40 %
Яблоко	40,80 %	30,80 %
Хлеб	55,10 %	38,50 %
Спасение	67,30 %	69,20 %
Гора	14,30 %	25,00 %
Пасха	89,80 %	80,80 %
Камень	8,20 %	21,20 %
Кровь	53,10 %	42,30 %
Слово	28,60 %	46,20 %
Вино	53,10 %	50,00 %
Премудрость	30,60 %	19,20 %
Чаша	63,30 %	57,70 %
Престол	24,50 %	42,30 %

Троица; для старшей аудитории — *крест, воскресенье, Троица, таинство, причастие, Пасха*. Наименее узнаваемые — *камень, лестница, гора, сад, пустыня, закон, записка* (для молодой аудитории), *лестница, пустыня, премудрость, сад, закон, камень* (для старшей аудитории). *Камень* является ветхозаветным образом, встречаю-

щимся в Псалтири, у пророков Исаии и Даниила. Это один из прообразов Иисуса Христа, а в новозаветной традиции *камень* связан не только с личностью Спасителя (*Иисус говорит им: неужели вы никогда не читали в Писании: камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла? Это от Господа, и есть дивно в очах наших — Мф. 21:42*), но и с личностью апостола Петра (...и Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее... — Мф. 16:18). *Лестница* (лествица Иакова) является прообразом Богородицы — образ, отраженный не только в Ветхом Завете, но и в современной гимнографии, *гора* — один из прообразов церкви, встречающийся в книгах пророков Осии, Исаии, Михея, Аввакума и Даниила (например, *гора дома Господня* — Ис. 2:2), *сад* — райский сад, *пустыня* — отсылка к ветхозаветному исходу из Египта и новозаветному сорокадневному пребыванию в пустыне Иисуса Христа, а также к менее известным сюжетам, например длительной аскезе Марии Египетской в пустыне. *Закон* — синайское законодательство, *Премудрость* — премудрость Божия, пророческое имя Иисуса Христа (*Премудрость построила себе дом* — Притч. 9:1), также слово встречается во время богослужения, например в возгласе диакона перед чтением Священного Писания: *Премудрость, прости! Вонмем!* Так, ожидаемо наименее узнаваемыми являются понятия, связанные с библейскими текстами и ветхозаветными прообразами.

Для испытуемых из Китая было предложено альтернативное задание — указать возможную связь стимулов из ассоциативного эксперимента с известными мировыми религиями. Результаты отражены в таблице 4.

Таблица 4

Связь понятий с мировыми религиями

	Христианство	Ислам	Буддизм	Индуизм	Иудаизм	Другое
Воскресенье	93 %	7 %	-	-	-	-
Книга	60 %	13 %	7 %	-	7 %	-
Закон	60 %	27 %	13 %	13 %	13 %	7 %
Свеча	67 %	7 %	7 %	7 %	-	-
Слово	40 %	13 %	27 %	7 %	7 %	-
Записка	40 %	-	20 %	-	-	13 %
Раб	33 %	33 %	-	27 %	13 %	-
Кровь	40 %	47 %	-	7 %	13 %	-
Младенец	67 %	7 %	-	7 %	-	-

	Христианство	Ислам	Буддизм	Индуизм	Иудаизм	Другое
Вино	53 %	7 %	-	-	-	13 %
Тело	40 %	-	13 %	-	-	7 %
Сад	33 %	13 %	20 %	7 %		7 %
Хлеб	67 %	-	-	-	-	-
Служба	53 %	7 %	20 %	7 %	7 %	13 %
Спасение	67 %	-	27 %	7 %	7 %	-
Таинство	40 %	20 %	20 %	33 %	7 %	-
Крест	93 %	-	-	-	-	-

Как мы видим в таблице 4, наиболее узнаваемыми христианскими понятиями являются *воскресенье* и *крест* (93 %), *свеча*, *младенец*, *хлеб*, *спасение* (67 %), *книга*, *закон* (60 %). Как и в ассоциативном эксперименте, где была отражена связь хлеба с таинством (см. табл. 2), мы видим связь между хлебом и христианством, отсутствующую, по мнению испытуемых, в других религиях. Довольно неожиданно, что понятия *хлеб* (38,5–55,1 %) и *закон* (21,2–22,4 %) имеют намного меньшую связь с христианством по результатам опроса русской аудитории. Наименее узнаваемыми для испытуемых из Китая являются понятия *сад* и *раб* (33 %), а также понятия, имеющие догматическое значение (*Слово* как одно из имен Иисуса Христа, *тело* как образ Церкви и Тела Христова), отношение к богослужению (*записки*), таинству Евхаристии (*кровь*, *таинство*, *тело*) и другим таинствам церкви (*таинство*). В рамках проведенного эксперимента невозможно установить, почему понятие *хлеб* у испытуемых из Китая имеет связь с *таинством* и *христианством*, но при этом *Тело* (Христово), в которое претворяется Хлеб во время литургии, показывает очевидно меньшую связь с христианством. Возможно, некоторые участники эксперимента подчеркнули благоговейное отношение к хлебу в России, предположив связь с религией, или вспомнили о других формах участия хлеба в богослужении и освящении (пасхальные куличи, просфоры, артос).

В таблице 5 отражены ответы на вопросы о верованиях участников исследования. Варианты *в капитализм* и *в социализм* были по большей части включены ради испытуемых из Китая, для которых религиозная тема порой является табуированной. Вполне предсказуемо большее количество реакций в этих пунктах среди участников третьей группы, а также то, что ответы *в свои силы*, *в науку* и *технологии* являются для них наиболее частотными. При общей табуированности религиозной темы опрос позволяет выявить религиозные взгляды участников из Китая, преимущественно языческие:

в духов (26 %), в приметы (20 %), в знаки вселенной, в существование души, в перерождение душ, в карму (13,3 %), в Бога, в астрологию (6,7 %). Под «язычеством» вслед за современными теологами мы подразумеваем в широком смысле любые неавраамические (поли-теистические) религии, в рамках которых в том числе возможны верования в духов, приметы, знаки вселенной, перерождение души и карму, а не в единого Бога (так, реакция *в Бога* для испытуемых из Китая является низкочастотной). Более глубокое изучение религиозной составляющей языкового сознания жителей Китая может стать предметом отдельного исследования.

Таблица 5

Верования участников эксперимента

Варианты	Р 21 -	Р 45+	К
В свои силы	87,80 %	62,70 %	93,30 %
В капитализм	6,10 %	0,00 %	20,00 %
В социализм	6,10 %	2,00 %	60,00 %
В Бога	26,50 %	58,80 %	6,70 %
В знаки вселенной	51,00 %	23,50 %	13,30 %
В жизнь на других планетах	38,80 %	11,80 %	20,00 %
В существование души	40,80 %	37,30 %	13,30 %
В астрологию	18,40 %	5,90 %	6,70 %
В приметы	12,20 %	5,90 %	20,00 %
В науку и технологии	55,10 %	25,50 %	86,70 %
В перерождение душ	30,60 %	15,70 %	13,30 %
В ангелов	10,20 %	19,60 %	0,00 %
В духов	18,40 %	5,90 %	26,70 %
В карму	49,00 %	17,60 %	13,30 %
Ни во что из перечисленного выше	0,00 %	2,00 %	0,00 %

Участники из России старшего возраста в большей степени, чем молодые участники, верят *в Бога и ангелов* и в меньшей — *в свои силы, науку и технологии, капитализм, социализм, знаки вселенной, жизнь на других планетах, астрологию, приметы, перерождение душ, в духов и карму*. Эти данные позволяют подтвердить более языческое мышление молодежи и более осознанно-религиозное — среди представителей старшей возрастной группы. Также, согласно данным таблицы 5, среди представителей старшей возрастной группы меньше атеистов и агностиков, а также представителей нехристианских религий. Однако есть и интересное наблюдение: при 75 % участников

эксперимента в возрасте 45+, относящих себя к православию, лишь 58,8 % верит в Бога и 37,3 % — в существование души, притом что среди молодой аудитории при высоком общем проценте агностиков и атеистов (38,7 %) и меньшем проценте христиан (28,6 %), а также вообще всех относящих себя к какой-либо религии (38,8 %) 40,8 % испытуемых ответили, что верят в существование души, что даже больше, чем в группе старшего возраста.

Таблица 6

Религиозные взгляды

Варианты	Р 21-	Р 45+	Варианты	Р 21-	Р 45+
Христианство	28,60 %	75,00 %	Индуизм	0,00 %	1,90 %
Ислам	0,00 %	0,00 %	Атеизм	26,50 %	9,60 %
Иудаизм	0,00 %	0,00 %	Агностицизм	12,20 %	3,80 %
Буддизм	6,10 %	1,90 %	Другое	4,10 %	1,90 %
Затрудняюсь ответить	22,40 %	5,80 %			

Результаты эксперимента частично пересекаются со статистическими данными, согласно которым к религии чаще приходят люди более старшего возраста. Так, согласно последним данным ВЦИОМ, в России православными себя считают 63 %, в большей степени люди старше 35 лет, реже себя относят к сторонникам православия лица от 18 до 24 лет — 23 %, а по данным Европейского социального опроса (ESS), проводившегося в 2014–2016 гг., почти половина россиян в возрасте от 16 до 29 лет не верит в Бога.

Полученный в рамках исследования материал позволяет сделать несколько наблюдений и предположений. Во-первых, можно отметить более активную вовлеченность лиц старшего возраста в религиозный контекст, что подтверждается не только большим догматизмом ассоциативных реакций, но и отражением в них элементов участия в церковной жизни (указание наименований записок, служб, таинств и пр.). Во-вторых, для представителей старшей возрастной группы сравнительно более узнаваемыми христианскими понятиями являются понятия, связанные с богослужением (*таинство, Причастие, Литургия, записка, служба, престол*), а наименее узнаваемыми для обеих групп являются понятия, связанные с библейскими текстами и ветхозаветными прообразами (*лестница, камень*). Также стимул *сад* в контексте его связи с христианством неожиданно является одним из наименее узнаваемых как для обеих групп русских испытуемых, так и для испытуемых из Китая. В-третьих, эксперимент позволяет предположить некоторую симпатию и тяготение к языческим религиям молодой части русской аудитории и

представителей китайской культуры, что может являться отдельным предметом дальнейших исследований. В-четвертых, результаты эксперимента показывают, что для китайцев исследованные понятия в большей степени связаны с православием, а не христианством вообще, что подчеркивает влияние изучаемой русской культуры, а полученный материал позволяет судить о личном исповедании скорее отрицательно. Также повторяющиеся реакции позволяют установить однозначную связь между хлебом и христианством в языковом сознании китайцев. Содержание образа «хлеба» у представителей разных культур может также стать предметом отдельного изучения и осмысления в рамках межкультурных и междисциплинарных исследований.

Можно сделать вывод, что ассоциативный эксперимент как психолингвистический метод позволяет получить материал, не противоречащий статистическим данным и дополняющий их, позволяющий судить об ассоциативном значении слов, глубине и качестве восприятия религиозных образов и понятий. Наиболее полные данные можно получить при анализе реакций на стимулы, для которых религиозная семантика находится в центре, а не на периферии значения. Анализ реакции на стимулы, обладающие широтой использования и многозначностью, может представлять трудность для толкователя, однако все равно позволяет делать выводы о функционировании понятия в языковом сознании. Полученные результаты пилотного эксперимента позволяют дать положительную оценку применимости ассоциативного эксперимента при исследовании возрастных и этнокультурных особенностей содержания языкового сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавриленков А.Ф. Структура религиозного сознания и его трансформации // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, 2008. № 6.
2. Гумбольдт, фон В. Язык и философия культуры. М., 1985.
3. Калмыкова Е.О. Когнитивный подход в изучении религии: перспективы для теологии, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://religious.life/2011/12/kalmyikova-kognitivnyiuy-podhod-v-izuchenii-religii-perspektivy-dlya-teologii/> (дата обращения: 01.03.2021)
4. Постовалова В.И. Религиозные концепты в теолингвистическом представлении // Хрестоматия теолингвистики. Т. 2 / Под ред. А. К. Гадомского и К. Кончаревич. Белград (Сербия), 2012.
5. Постовалова В.И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки направления // Хрестоматия теолингвистики, Ульяновск, 2019.
6. Kihlstrom J.F. What is Cognitive Science? And What Does it Have to Do with Religion? // Religion and Cognitive Science: From Conflict to Connection GTU/UCB Conference, held at Church Divinity School of the Pacific, Berkeley, CA January, 2008, p. 16–18.

REFERENCES

1. Gavrilencov A.F. *Struktura religioznogo soznaniya i ego transformacii* [The structure of religious consciousness and its transformation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2008. № 6. (In Russ.)
2. Humboldt, von V. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Moscow, Progress, 1985. 452 p. (In Russ.)
3. Kalmykova E.O. *Kognitivnyj podhod v izuchenii religii: perspektivy dlya teologii* [Cognitive approach in the study of religion: perspectives for theology], 2011. <https://religious.life/2011/12/kalmykova-kognitivnyy-podhod-v-izuchenii-religii-perspektivy-dlya-teologii/> (In Russ.)
4. Postovalova V.I. *Religioznye koncepty v teolingvističeskom predstavljenii* [Religious concepts in the theolinguistic presentation]. *Hrestomatiya teolingvistiki*. T. 2 pod red. A. K. Gadoskogo i K. Koncharevich. Belgrad, 2012. (In Russ.)
5. Postovalova V.I. *Teolingvistika v sovremennom gumanitarnom poznanii: istoki napravleniya* [Theolinguistics in modern humanitarian knowledge: the origins of the direction]. *Hrestomatiya teolingvistiki*. Ul'yanovsk, 2019. (In Russ.)
6. Kihlstrom J.F. *What is Cognitive Science? And What Does it Have to Do with Religion?* // Religion and Cognitive Science: From Conflict to Connection GTU/UCB Conference, held at Church Divinity School of the Pacific, Berkeley, CA January, p. 16–18.

Поступила в редакцию 26.10.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 25.02.2023

Received 26.10.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 25.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Анастасия Геннадьевна Полянская — ассистент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка РУДН; nayzze@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Polyanskaya — Assistant, Department of the Russian Language and Intercultural Communication, Institute of the Russian Language, The Peoples' Friendship University of Russia; nayzze@yandex.com

ЯПОНСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЧЕШСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ

А.И. Изотов, О.И. Черчук

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; a.i.izotov@mail.ru; cherchuk-olga@yandex.ru*

Аннотация: В настоящей статье на материале Чешского национального корпуса рассматриваются некоторые аспекты функционирования в современном чешском дискурсе существительных японского происхождения — как тех из них, которые были перечислены в соответствующей статье «Нового энциклопедического словаря чешского языка» (2016), так и тех, которые были нами идентифицированы в качестве японизмов среди 10 061 существительного, добавленного за последние три полных года (2019, 2020, 2021) сотрудниками отделения современной лексикологии и лексикографии Института чешского языка Академии наук Чешской республики в электронную базу данных Neomat. С помощью входящего в проект Чешского национального корпуса 4,9-миллиардного корпуса современных письменных чешских текстов SYNv9 определялась абсолютная и относительная частота употреблений той или иной лексемы, а также ее ARF (= Average Reduced Frequency), вычисляемая по особой формуле и призванная нивелировать ситуации употребления данной лексемы в отдельных текстах активнее, чем в текстах иных. Интегрированная в Национальный корпус чешского языка и учитывающая, в частности, корпуса устной чешской речи программа WaG (= Word at a Glance) помогала определять региональные, гендерные, возрастные и образовательные характеристики употребляющих ту или иную лексему носителей чешского языка. Русские соответствия рассматриваемым чешским словам японского происхождения приводились в чисто вспомогательных целях, так что принципы их графического оформления не обсуждались.

Ключевые слова: лексический японизм; чешский дискурс; Чешский национальный корпус; средняя уменьшенная частота; кандзи; кана

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-7

Для цитирования: Изотов А.И., Черчук О.И. Японские заимствования в чешском национальном корпусе // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 99–110.

JAPANESE LOANWORDS IN THE CZECH NATIONAL CORPUS

Andrey I. Izotov; Olga I. Cherchuk

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
a.i.izotov@mail.ru; cherchuk-olga@yandex.ru*

Abstract: The article discusses some aspects of the functioning of Czech nouns of Japanese origin. Both lexical Japanisms named in the *New Encyclopedic Dictionary of the Czech Language* (2016) and nouns included in the Neomat electronic database in 2019, 2020 and 2021 are considered. The data of the Czech written and spoken corpora, which are constituents of the Czech National Corpus project, are used. The absolute and relative frequency of use of a particular lexeme, as well as its ARF (= Average Reduced Frequency) was determined with the help of the 4.9 billion-strong corpus of modern written Czech texts SYNv9. The WaG (= Word at a Glance) program developed within the framework of the Czech National Corpus project to determine the regional, gender, age and educational characteristics of Czech speakers using a particular lexeme was used. Russian correspondences to the Czech words of Japanese origin under consideration were given for purely auxiliary purposes, so that the principles of their graphic design were not discussed.

Key words: lexical japanism; Czech discourse; Czech National Corpus; average reduced frequency; kanji; kana

For citation: Izotov A.I., Cherchuk O.I. (2023) Japanese Loanwords in the Czech National Corpus. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 99–110.

1. Массив лексических единиц, проникающих и уже проникших в чешский язык из языка японского, закономерно уступает массиву заимствований из популярного сейчас английского, однако игнорировать его вряд ли рационально, что мы и попытаемся показать на последующих страницах, на которых на базе письменных и устных текстов Чешского национального корпуса¹ мы рассмотрим чешские существительные японского происхождения — как те из них, которые были исчислены в [Karlík, Karlíková 2016], так и те, которые были нами идентифицированы в качестве японизмов среди 10 061 существительного, включенного за последние три полных года (2019, 2020, 2021) сотрудниками отделения современной лексикологии и лексикографии Института чешского языка Академии наук Чешской республики в электронную базу данных Neomat, см. [Databáze... 2015].

¹ О принципах формирования Чешского национального корпуса см. [Изотов 2022].

2. Из названных в [Karlík, Karlíková 2016] японизмов самыми употребительными в современном чешском письменном дискурсе, по данным входящего в проект «Чешский национальный корпус» 4,9-миллиардного корпуса современных чешских письменных текстов SYNv9, являются слова *karate* ‘карате’² (31 559 — 5,54 — 9 444,84) и *tsunami* ‘цунами’ (23 368 — 4,1 — 7 374,98). Первое число в скобках обозначает общее количество обнаруженных в SYNv9 примеров употребления данной лексемы, то есть абсолютную частоту ее употреблений, второе число — частоту относительную, то есть отношение количества обнаруженных примеров к одному миллиону представленных в данном корпусе примеров иных (i.p.m.), третье число — то, что авторы Национального корпуса назвали ARF = Average Reduced Frequency, переведенную в [Ляшевская, Шаров 2008] как «средняя уменьшенная частота» и вычисляемую по формуле

$$ARF = \frac{1}{v} \sum_{i=1}^f \min(d_i, v),$$

в которой f — количество примеров употребления данной единицы в корпусе размером N , d_i — расстояния (количество слов) между примерами употребления данных единиц, а v — среднее расстояние между подобными примерами, вычисляемое по формуле $v = N/f$.

В современной чешской лингвистике именно ARF, способная нивелировать ситуации, когда то или иное грамматическое средство употребляется в отдельных текстах намного активнее, чем в текстах иных, используется в качестве основного критерия при составлении частотных словарей чешского языка, см., например, [Frekvenční 2004].

2.1. В соответствии с определяемой по данным SYNv9 относительной частотностью (i.p.m.), названные в [Karlík, Karlíková 2016] японизмы³ можно разделить на три группы: в первую группу входят

² В абсолютном большинстве случаев чешские японизмы легко опознаются носителями русского языка, поскольку в языке русском присутствуют, как правило, сходно звучащие лексемы, также заимствованные из японского. В рамках настоящей статьи мы не пытались исследовать возможные трансформации смысла при заимствовании той или иной лексики в чешский или русский язык, которые иногда происходят. Например, иероглиф 酒, читающийся по-японски как *sake*, а по-китайски как *jǐu* (транскрипция пиньинь), в обоих названных языках обозначает любой алкогольный напиток, а то, что чехи/русские называют *saké/saké*, обозначается как 日本酒, буквально ‘японский алкогольный напиток’. Аналогично 刀 *katana* / *dào* — не только *katana*/катана, но и просто *меч*, *нож* и т. п.

³ Употребительность названных в [Karlík, Karlíková 2016] японизмов *dan* ‘дан = разряд в японских боевых искусствах’, *jen* ‘иена = японская денежная единица’, *go* ‘го = вид настольной игры’ по данным SYNv9 нам установить не удалось в связи с огромным, несмотря на наши попытки использовать различные фильтры, количеством омографов, делающим визуальный контроль контекстов затруднительным.

слова, относительная частота употреблений которых выше одного употребления на миллион ($i.p.m. > 1$), во вторую — слова, относительная частота употреблений которых ниже, чем одно употребление на миллион, но не ниже, чем одно употребление на десять миллионов ($1 > i.p.m. \geq 0,1$), в третью группу — слова, относительная частота которых ниже одного употребления на десять миллионов ($i.p.m. < 0,1$).

В первую группу ($i.p.m. > 1$), помимо *karate* ‘карате’ и *tsunami* ‘цунами’, входят также лексемы *sója* ‘сой’ (13 255 — 2,33 — 3 461,63), *sika* ‘пятнистый олень, лат. *Cervus nippon*’ (6 759 — 1,19 — 2 475,42), *tatami* ‘татами’ (5 770 — 1,01 — 2 181,6), *bonsaj* ‘бонсай’ (12 975 — 2,28 — 3 814,05), *samuraj* ‘самурай’ (8 653 — 1,52 — 2 769,66). Сюда можно добавить также *judo* ‘дзюдо’ (22 164 — 3,89 — 7 727,92) и *sushi* ‘суси’ (10 967 — 1,93 — 3 518,29), приводимые в [Karlík, Karlíková 2016] в графически более освоенной чешским языком, однако существенно менее употребительной огласовке *džudo* и *suši*⁴.

Во второй группе ($1 > i.p.m. \geq 0,1$) оказались лексемы *mikádo* ‘микадо’ (3 487 — 0,61 — 1 210,05), *sumó/sumo* ‘сумо’ (4 781 — 0,84 — 1 539,58), *ikebana* ‘икебана’ (1 002 — 0,18 — 409,36), *origami* ‘оригами’ (3 804 — 0,67 — 1 375,82), *šógun* ‘сёгун’ (545 — 0,1 — 142,49), *nindža*⁵ ‘ниндзя’ (869 — 0,15 — 263,36), *gejša* ‘гейша’ (3 186 — 0,56 — 1 064,06), *rikša* ‘рикша’ (2 636 — 0,46 — 970,24), *kimono* ‘кимоно’ (4 229 — 0,74 — 1 720,43), *harakiri* ‘харакири’ (2 440 — 0,43 — 1 252,02), *jakuza* ‘якудза’ (648 — 0,11 — 205,59), *karaoke* ‘караоке’ (4 524 — 0,79 — 2 121,17), *tamagoči* ‘тамагочи’ (549 — 0,1 — 167,19), *šinkansen* ‘синкансэн’ (761 — 0,13 — 197,76), *sakura* ‘сакура’ (4 684 — 0,82 — 1 746,3), *saké* (1 377 — 0,24 — 510,42) ‘сакэ’, *fugu* (855 — 0,15 — 377,96) ‘фугу’, *wasabi* ‘васаби’ (1 838 — 0,32 — 496,52). Сюда же можно добавить также лексему *jiu-jitsu* ‘джиу-джитсу’ (981 — 0,17 — 363,66), приводимые в [Karlík, Karlíková 2016] в огласовке *džiu-džitsu*⁶.

Наконец, в третью группу ($i.p.m. < 0,1$) можно отнести из названных в [Karlík, Karlíková 2016] японизмов лексемы *kanimūra*⁷ ‘нелюдим,

⁴ Используемые в [Karlík, Karlíková 2016] огласовки данных лексем характеризуются, по данным SYNv9, следующей существенно меньшей частотой употребления: *džudo* ‘дзюдо’ (258 — 0,05 — 117,03), *suši* ‘суси’ (3 671 — 0,64 — 1 229,19).

⁵ Данная лексема представлена в SYNv9 также и в огласовке *ninja* ‘ниндзя’ (2 872 — 0,5 — 1 184,41), отсутствующей в [Karlík, Karlíková 2016].

⁶ Используемая в [Karlík, Karlíková 2016] огласовка данной лексемы характеризуется, по данным SYNv9, меньшей частотой употребления: *džiu-džitsu* ‘джиу-джитсу’ (6 — 0 — 2,3).

⁷ Принято считать, что это слово, явно сконтаминированное с чешским словом *můra* ‘страшный сон’, образовано от имени участника русско-японской войны адмирала Хиконодзё Камимурэ (上村彦之丞), ср. чешскую детскую дразнилку *Jede fůra z Port-Arthura, na ní jede kanimůra* ‘Едет телега из Порт-Артура, на ней едет канимура’.

бука' (158 — 0,03 — 69,7), *kendo* 'кэндо' (445 — 0,08 — 200,54), *katana* 'катана' (491 — 0,09 — 213,71), *rónin* 'ронин' (64 — 0,01 — 21,29), *futon* 'футон' (154 — 0,03 — 37,78), *šintoismus* 'синтоизм' (358 — 0,06 — 142,44), *hanami* 'ханами = японская национальная традиция любования цветами' (154 — 0,03 — 49,54), *surimi* 'сурими' (348 — 0,06 — 90,55), *kaizen* 'кайдзен — японское мировосприятие, основанное на стремлении к совершенствованию' (508 — 0,09 — 125,14), *muda* 'неоправданные расходы' (100 — 0,02 — 37,48), *jidoka/džidóka* 'дзидока — принцип работы производственного оборудования, способного самостоятельно обнаруживать проблемы' (16 — 0 — 2,88).

2.2. О том, что в данном случае речь идет о своего рода лингвистической проекции в чешское языковое пространство квинтэссенции японской лингвокультуры, косвенно может свидетельствовать, на наш взгляд, то обстоятельство, что в абсолютном большинстве случаев для обозначения соответствующего названным чешским японизмам исходного японского слова в Википедии используется не кана, а кандзи (от яп. 漢字 'ханьский, то есть китайский иероглиф'), имеющие сходное значение в китайском языке, ср. *karate* 'карате' от яп. 空手, *tsunami* от яп. 津波, *sója* 'соя' от яп. 醤油, *sika* 'пятнистый олень, лат. *Cervus nippon*' от яп. 鹿, *tatami* от яп. 畳, *bonsaj* 'бонсай' от яп. 盆栽, *samuraj* 'самурай' от яп. 侍, *judo* 'дзюдо' от яп. 柔道, *sushi* 'суси' от яп. 寿司, *mikádo* 'микадо' от яп. 帝, *sumó/sumo* 'сумо' от яп. 相撲, *sógun* 'сэгун' 將軍, *nindža* 'ниндзя' от яп. 忍者, *gejša* 'гейша' от яп. 芸者, *rikša* 'рикша' от яп. 力車, *kimono* 'кимоно' от яп. 着物, *harakiri* 'харакири' от яп. 切腹, *šinkansen* 'синкансэн' от яп. 新幹線, *sakura* 'сакура' от яп. 桜, *suši* 'суси' от яп. 寿司, *saké* 'саке' от яп. 酒, *ninja* 'ниндзя' от яп. 忍者, *jiu-jitsu* 'джиу-джитсу' от яп. 柔術, *kendo* 'кэндо' от яп. 剣道, *katana* 'катана' от яп. 刀, *rónin* 'ронин' от яп. 浪人, *futon* 'футон' от яп. 布団, *šintoismus* 'синтоизм' от яп. 神道, *hanami* 'ханами' от яп. 花見, *dan* 'дан' от яп. 段, *jen* 'иена' от яп. 円, *go* 'го' от яп. 囲碁, *kaizen* 'кайдзен' от яп. 改善, *muda* 'неоправданные расходы' от яп. 無駄. Записанные каной (*jakuza* 'якудза' от яп. ヤクザ, *karaoke* 'караоке' от яп. カラオケ, *tamagoči* 'тамагочи' от яп. たまごっち) или комбинацией кандзи и каны (*ikebana* 'икебана' от яп. 生け花, *origami* 'оригами' от яп. 折り紙, *surimi* 'сурими' от яп. 搗り身) слова в данном списке единичны. Также единичны случаи с отсылками и на кандзи, и на кану, см. *fugu* 'фугу' от яп. 河豚; フグ, *wasabi* 'васаби' от яп. ワサビ, わさび, 山葵. *jidoka* 'дзидока' от яп. 自動化, じどうか.

2.3. Общее представление о функционировании того или иного слова из названных выше в современном чешском письменном и устном дискурсе можно получить, обратившись к интегрированному в Национальный корпус чешского языка проекту WaG (= Word at a Glance / Slovo v kostce), в котором используется в основном ма-

териал корпуса письменных чешских текстов SYN2015 и корпуса устных чешских текстов ORAL verze 1, для обработки некоторых параметров использовались и иные корпуса, входящие в состав проекта «Чешский национальный корпус».

SYN2015 — корпус референтный, то есть его состав уже не редактируется, что позволяет проводить верификацию полученных с его помощью данных, и репрезентативный, то есть образован текстами, в равных пропорциях относящимися к трем традиционно выделяемым со времен Б. Гавранека основным функциональным стилям чешского литературного языка⁸, а именно текстами художественными, публицистическими и специальными (профессиональными). Количество содержащихся в SYN2015 токенов, включая знаки пунктуации — 120 748 715, количество токенов без знаков пунктуации — 100 838 568, количество несовпадающих словоформ — 1 751 599, количество несовпадающих исходных форм слов — 777 011, количество предложений — 8 004 732, количество текстов — 114 492.

ORAL verze 1 образован транскрибированными и размеченными записями устных спонтанных разговоров носителей чешского языка в различных регионах Чешской республики общей длительностью 582 часа. Количество содержащихся в ORAL verze 1 токенов, включая знаки пунктуации — 6 361 707, количество токенов без знаков пунктуации — 5 368 392, количество несовпадающих словоформ — 193 497, количество записей разговоров — 1 546, количество реплик — 696 918, количество говорящих — 1 297.

Рассмотрим на примере лексем *karate* ‘карате’, *tsunami* ‘цунами’ и *samuraj* ‘самурай’, входящих в первую по частотности группу японизмов в современном чешском дискурсе, какую полезную информацию об употреблении той или иной лексической единицы из WaG можно извлечь.

2.3.1. Лексема *karate*, по данным WaG, не имеет склоняемых форм, употребляется в публицистике (i.p.m. = 2,2), в художественной литературе (i.p.m. = 0,7), в специальной литературе (i.p.m. = 0,4), а также в устной речи (i.p.m. = 1,4).

В письменном дискурсе данная лексема употребляется, по данным WaG, аналогично словам *judo* ‘джудо’, *kickbox* ‘кикбоксинг’, *badminton* ‘бадминтон’, *taekwondo/taekwon-do*⁹ ‘тхэквондо’, *Shotokan/shotokan* ‘Сётокан’, *vzpírání* ‘тяжелая атлетика’, *karate-do* ‘карате-до’, *karatista* ‘каратист’.

⁸ Динамику взглядов чешских лингвистов на число функциональных стилей в современном чешском языке см. [Изотов 2020: 27–34].

⁹ В случаях, когда WaG приводит в качестве не совпадающих различные огласовки явно одного и того же слова, мы даем эти огласовки через слеш.

В устном дискурсе данная лексема употребляется одинаково регулярно в речи мужчин (i.p.m. = 1,4) и женщин (i.p.m. = 1,4), однако у людей с высшим образованием она употребляется чаще (i.p.m. = 1,8), чем у людей со средним образованием (i.p.m. = 1,2), а у людей до 35 лет — намного чаще (i.p.m. = 2,3), чем у людей старше 35 лет (i.p.m. = 0,4).

На территориях, соответствующих традиционно выделяемым в чешской диалектологии десяти диалектным зонам, употребление данной лексемы отмечено в [северо-западном] чешском пограничье (*pohraničí české*, i.p.m. = 1,4), в центрально-чешском регионе (*středočeská oblast*, i.p.m. = 1,7), в южно-чешском регионе (*jihovýchodní česká oblast*, i.p.m. = 2,3), в чешско-моравском пограничье (*česko-moravská oblast*, i.p.m. = 6,1), в центрально-моравском регионе (*středomoravská oblast*, i.p.m. = 1,5) и в силезском регионе (*slezská oblast*, i.p.m. = 4,9). Употребление данной лексемы не было WaG зафиксировано в западно-чешском регионе (*západocheská oblast*), северо-восточно-чешском регионе (*severovýchodní česká oblast*), [северном] моравском пограничье (*pohraničí moravské*) и восточно-моравском регионе (*východomoravská oblast*).

2.3.2. Лексема *tsunami* ‘цунами’, по данным WaG, не имеет склоняемых форм, употребляется в публицистике (i.p.m. = 8,2), в художественной литературе (i.p.m. = 0,9), в специальной литературе (i.p.m. = 2,4), а также в устной речи (i.p.m. = 1,6).

В письменном дискурсе данная лексема употребляется, по данным WaG, аналогично словам *cyklón* ‘циклон’, *hurikán* ‘ураган’, *záplava* ‘наводнение’, *zemětřesení* ‘землетрясение’, *přílivový* ‘приливный’, *Haiyan* ‘Хайян’, *Katrina* ‘Катрина’, *tajfun* ‘тайфун’ и способна образовывать коллокации со словами *ničivý* ‘разрушительный’, *následný* ‘последующий’, *oranžový* ‘оранжевый’, *zasáhnout* ‘затронуть’, *zemětřesení* ‘землетрясение’, *Japonsko* ‘Япония’, *vlna* ‘волна’, *smést* ‘смести’.

В устном дискурсе данная лексема употребляется прежде всего в речи мужчин (i.p.m. = 3,2), реже — в речи женщин (i.p.m. = 0,3), у людей с начальным образованием чаще (i.p.m. = 5,4), чем у людей с образованием средним (i.p.m. = 1,2) или высшим (i.p.m. = 1,2), у людей до 35 лет — немного реже (i.p.m. = 1,4), чем у людей старше 35 лет (i.p.m. = 1,8).

На территориях, соответствующих традиционно выделяемым в чешской диалектологии десяти диалектным зонам, употребление данной лексемы отмечено в центрально-чешском регионе (*středočeská oblast*, i.p.m. = 3,5), в северо-восточно-чешском регионе (*severovýchodní česká oblast*, i.p.m. = 2,4) и в центрально-моравском регионе (*středomoravská oblast*, i.p.m. = 1,5).

2.3.3. Лексема *samuraj*, по данным WaG, употребляется в формах *samuraj* (48 % общего количества употреблений данной лексемы), *samuraje* (19 %), *samurajů* (17,3 %), *samurajové* (8,6 %), *samuraji* (2,6 %), *samurajem* (1,6 %), *samurajům* (1,2 %), *samurajích* (0,9 %), *samurajovi* (0,8 %); она употребляется в публицистике (i.p.m. = 1), в художественной литературе (i.p.m. = 3,4), в специальной литературе (i.p.m. = 1), а также в устной речи (i.p.m. = 0,3).

В письменном дискурсе данная лексема употребляется, по данным WaG, аналогично словам *horor* 'фильм ужасов', *Godzilla* 'Годзилла', *nindža* 'ниндзя', *Beowulf* 'Беовульф', *gladiátor* 'гладиатор', *zaklínač* 'маг', *Hellboy* 'Хеллбой', *Tarzan* 'Тарзан', *sci-fi* 'научная фантастика', *Jedi* 'джедаи' и способна образовывать коллокации со словами *sedm* 'семь', *starý* 'старый'.

В устном дискурсе употребление данной лексемы зафиксировано в речи мужчин (i.p.m. = 0,7) с высшим образованием (i.p.m. = 0,6) до 35 лет (i.p.m. = 0,6).

На территориях, соответствующих традиционно выделяемым в чешской диалектологии десяти диалектным зонам, употребление данной лексемы отмечено в северо-восточно-чешском регионе (*severovýchodočeská oblast*, i.p.m. = 1,6).

2.4. К сожалению, весьма интересные предусмотренные программой WaG графики частоты употребления той или иной лексемы по годам издания соответствующих письменных текстов от 1998 до 2017 в нашем случае мы использовать не могли, так как в соответствии с замыслом разработчиков данной программы имеющиеся лакуны (а в случае с японизмами этих лакун было предостаточно), автоматически заполняются экстраполированными на основе стохастического анализа данными и полученный красивый график весьма условно соответствует действительному положению вещей.

3. В то время как список уже задокументированных для чешского языка существительных японского происхождения мы взяли из [Karlík, Karlíková 2016], аналогичный список для неологизмов последних лет нам пришлось составлять самим.

Обратившись к базе данных Neomat, поддерживаемой сотрудниками отделения современной лексикологии и лексикографии Института чешского языка Академии наук Чешской республики, мы просмотрели контексты употребления 10 061 новой лексемы, добавленной в данную базу в 2019, 2020 и 2021 годах и маркированной как «существительное»¹⁰, отобрали лексемы, которые были нами идентифицированы как предположительно заимствованные из

¹⁰ Мы решили в данном случае ограничиться существительными, поскольку и в [Karlík, Karlíková 2016] речь шла о существительных.

японского языка, и постарались подобрать к ним, пользуясь данными Интернета, исходные японские лексические единицы, а также их соответствия в современном русском языке.

Полученные в результате лексемы мы искали в SYNv9 с помощью запроса `lemma|sublemma|word` и визуально контролировали полученные контексты¹¹.

3.1. Отметим, что не все эти лексемы нам удалось в SYNv9 найти. В частности, нами не было обнаружено ни одного употребления таких японизмов, как *tora-inu* (от яп. 甲斐犬) ‘каи, или кай-ину, или кай-кэн, или тора, или тигровая собака’, *wabi-sabi* (от яп. 侘寂) ‘ваби-саби — «скромная простота» как компонент японского эстетического мировоззрения’, *taidzin kjófušó* (от яп. 対人恐怖症) ‘тайдзин кёфусё — распространенный в Японии психический синдром боязни потерять расположение окружающих из-за своего внешнего вида или запаха’, *shio koji* (от яп. 塩麴, 塩糀) ‘шио-кодзи, приправа из ферментированного риса и соли’.

3.2. С другой стороны, контексты употребления большей части из рассматриваемых лексем в SYNv9 представлены были, причем многих из них — в текстах, напечатанных за годы и даже десятилетия до их регистрации в базе Neomat.

Вот эти 26 лексем в порядке убывания абсолютной частотности их употребления (поскольку речь идет о неологизмах, мы не указываем в данном случае *i.p.m.* и *ARF*, зато указываем год первого зафиксированного употребления данной лексемы в чешских текстах): *miso* (от яп. 味噌 ‘мисо — продукт японской кухни, получаемый в результате брожения соевых бобов, риса, пшеницы’; 980 визуально подтвержденных контекстов употребления в SYNv9; первое употребление в тексте 2002 года), *wazari* (от яп. 技あり ‘ваза-ари — балл в японских единоборствах (больше, чем юко, но меньше, чем иппон)’; 642; 1991), *kanban* (от яп. 看板 ‘канбан — особая система организации

¹¹ Например, запрос `[(lemma="(?)yakisugi" | sublemma="(?)yakisugi" | word="(?)yakisugi")]` дал 20 контекстов, однако в 16 из них речь шла о названии японской фирмы и лишь в четырех контекстах — о ‘традиционной японской технологии обработки поверхности дерева с помощью огня’.

Запрос `[(lemma="(?)tsubaki" | sublemma="(?)tsubaki" | word="(?)tsubaki")]` дал 46 контекстов употребления, однако в 42 контекстах речь шла о названии клуба или фирмы, об имени или о прозвище человека и лишь в 14 случаях — о японском названии цвета камелии, отмеченном в Neomat в 2019 году.

Запрос `[(lemma="(?)soba" | sublemma="(?)soba" | word="(?)soba")]` дал 1 631 контекст, то есть слишком много для визуального контроля, поэтому нами был использован позитивный фильтр `-6 6 1 [(lemma="(?)nudle" | sublemma="(?)nudle" | word="(?)nudle")]`, редуцировавший число контекстов до 171 (чешск. *nudle* ‘лапша’). Конечно, при таком подходе некоторые контексты могут оказаться потерянными, однако и без того данное слово оказывается в числе наиболее употребительных в данной группе японизмов (седьмое из двадцати шести).

производства и снабжения'; 484; 1995), *wagyu* (от яп. 和牛 'вагю — общее название мясных пород коров, отличающихся генетической предрасположенностью к высокому содержанию ненасыщенных жиров'; 278; 1999), *soba* (от яп. そば, 蕎麦 'соба — национальное японское блюдо в виде длинной коричнево-серой лапши из гречневой муки'; 171; 1995), *ikigai* (от яп. 生き甲斐 'икигай — японское понятие, означающее ощущение собственного предназначения в жизни'; 139; 2013), *daikon* (от яп. 大根 'дайкон, или японская редька, или китайская редька'; 102; 1994), *kawaii* (от яп. かわいい, 可愛い 'кавай — эстетическая концепция, подчеркивающая невинность, детскость и ребячество и распространяющаяся на все сферы японского общества'; 92; 1999), *daši* (от яп. 出汁 'даси — традиционный японский бульон'; 56; 1996), *karōshi* (от яп. 過労死 'кароси — смерть от переутомления на работе'; 44; 2005), *mochi* (от яп. 餅, もち 'моти — японский вид рисового теста и десерты из него'; 41; 1998), *ponzu* (от яп. ポン酢 'пондзу — соус японской кухни из сока цитрусовых, мирина и даси'; 35; 2003), *tataki* (от яп. たたき 'татаки, букв. «истолченный» — метод приготовления рыбы или мяса в японской кухне'; 40; 2009), *unagi* (от яп. ウナギ, 日本鰻 'унаги — речной угорь'; 35; 1997), *shiba-inu* (от яп. 柴犬 'сиба-ину, или сиба-кэн — порода охотничьих собак'; 25; 1995), *mačša* (от яп. 抹茶 'маття, или матча — японский порошок зеленого чая'; 20; 2000), *irezumi* (от яп. 入墨, 刺青 'ирэдзуми букв. 'инъекция туши' — искусство японской татуировки с особым стилем нанесения'; 18; 1996), *tsubaki* (от яп. 椿 'цубаки — японское название цветка камелии'; 14; 2015), *wagaši* (от яп. 和菓子 'вагаси — традиционные японские десерты'; 10; 2007), *kamado* (от яп. 竈, 竈, 灶 'камадо — традиционная японская кухонная плита на дровах или древесном угле'; 6; 2001), *kaiken/kai ken* (от яп. 甲斐犬 'каи, или каи-ину, или каи-кэн, или тора, или тигровая собака'; 5; 2008), *yakisugi* (от яп. 焼杉 'якисуги — традиционная японская технология обработки поверхности дерева с помощью огня'; 4; 2018), *tebori* (от яп. 手彫り 'тебори — традиционный японский способ создания татуировок с помощью простых инструментов'; 4; 2010), *ikizukuri* (от яп. 生き作り 'икизукури — приготовление и сервировка блюда из живых морепродуктов'; 4; 2011), *kamiza* (от яп. 上座 'камиза — наиболее удобное сиденье или положение в самолете, автомобиле, поезде, комнате и др.'; 1; 2018), *masago* (от яп. 真砂子 'масаго — полностью созревшая икра мойвы для приготовления суси и роллов'; 1; 2010).

3.3. Рассмотрим на примере наиболее частотных среди рассмотренной группы неологизмов существительных *miso* 'мисо', *wazari* 'ваза-ари' и *kanban* 'канбан', какую информацию об употреблении в чешском письменном и устном дискурсе из WaG можно извлечь.

3.1. Лексема *miso*, по данным WaG, употребляется в устной речи (i.p.m. = 0,8), в специальной литературе (i.p.m. = 0,3), в художественной литературе (i.p.m. = 0,2), а также в публицистике (i.p.m. = 0,1).

В письменном дискурсе данная лексема способна образовывать коллокации, по данным WaG, со словом *polévka* 'суп'.

В устном дискурсе данная лексема употребляется в речи женщин (i.p.m. = 1,4) с высшим (i.p.m. = 0,9) или средним специальным образованием (i.p.m. = 0,8), младше 35 лет (i.p.m. = 0,9) или старше 35 лет (i.p.m. = 0,7).

На территориях, соответствующих традиционно выделяемым в чешской диалектологии десяти диалектным зонам, употребление данной лексемы зафиксировано в восточно-моравском регионе (*východomoravská oblast*, i.p.m. = 6,5) и в северо-восточно-чешском регионе (*severovýchodočeská oblast*, i.p.m. = 1,6).

Для характеристики лексемы *miso* по прочим предусмотренным программой WaG параметрам недостаточно данных.

3.2. Лексема *wazari*, по данным WaG, употребляется в публицистике ($0,0195 < \text{i.p.m.} < 0,026$).

Для характеристики лексемы *wazari* по прочим предусмотренным программой WaG параметрам недостаточно данных.

3.3. Лексема *kanban*, по данным WaG, употребляется в специальной литературе (i.p.m. = 0,5).

Для характеристики лексемы *kanban* по прочим предусмотренным программой WaG параметрам недостаточно данных.

4. Подводя итог, следует констатировать, что существительные японского происхождения занимают достаточно важное место в современной чешской лексике, а обращение к Чешскому национальному корпусу для анализа лингвистических и отчасти социолингвистических аспектов их употребления в современном чешском устном и прежде всего письменном дискурсе представляется продуктивным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изотов А.И. Чешская стилистика. М., 2020.
2. Изотов А.И. Чешский национальный корпус как основной итог развития традиций Пражского лингвистического кружка в чешской лингвистике в XX веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Лингвистика. 2022. №3. Т. 2. С. 80–86.
3. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь национального корпуса русского языка: концепция и технология создания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М., 2008. С. 345–351.
4. *Databáze excerpčního materiálu Neomat* (2015) [online]. Verze 3.0. Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. URL: <https://neologismy.cz/> (дата обращения: 01.08.2022).

5. Frekvenční slovník češtiny / Blatná R., Čermák Fr., Hlaváčová J., Hnátková M., Kocek J., Kopřivová M., Křen M., Kučera K., Petkevič, Schmidtová M., Stluka M., Šulc M. Praha, 2004.
6. Karlík P., Karlíková H. Japanismy v českém lexiku // Nový encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha, 2016. S. 727–728.

REFERENCES

1. Izotov A.I. *Cheshskaia stilistika* [Czech stylistics]. Moscow: MAKSPress Publ., 2020. 164 p. (In Russ.).
2. Izotov A. I. Cheshskij nacional'nyj korpus kak osnovnoj itog razvitiya tradicij Prazhskogo lingvisticheskogo kruzhka v cheshskoj lingvistike v XX veke [The Czech national corpus as the main result of the development of the traditions of the Prague linguistic circle in Czech linguistics in the XX century]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no 3, vol 2, pp. 80–86. (In Russ.).
3. Liashevskaja O.N., Sharov S.A. *Chastotnyi slovar' natsional'nogo korpusa russkogo iazyka: kontseptsii i tekhnologii sozdaniia* [Frequency dictionary of the national corpus of the Russian language: concept and technology of creation]. In: *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nyje tekhnologii* [Computational linguistics and intelligent technologies]. Moscow: RGGU Publ., 2008, pp. 345–351. (In Russ.).
4. *Databáze excerptního materiálu Neomat* (2015) [online]. Verze 3.0. Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. URL: <https://neologismy.cz/> (Accessed: 01.08.2022)
5. Frekvenční slovník češtiny / Blatná R., Čermák Fr., Hlaváčová J., Hnátková M., Kocek J., Kopřivová M., Křen M., Kučera K., Petkevič, Schmidtová M., Stluka M., Šulc M. Praha: NLN, 2004. 596 s. (In Czech).
6. Karlík P., Karlíková H. Japanismy v českém lexiku // Nový encyklopedický slovník češtiny / Eds. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny, 2016. S. 727–728. (In Czech).

Поступила в редакцию 12.01.2022

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2023

Received 12.01.2022

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2023

ОБ АВТОРАХ

Андрей Иванович Изотов — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.i.izotov@mail.ru

Ольга Игоревна Черчук — преподаватель кафедры русского языка Института русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; cherchuk-olga@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Izotov — DSc in Philology, Professor, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; a.i.izotov@mail.ru

Olga I. Cherchuk — Teaching Fellow, Department of Russian Language, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University; cherchuk-olga@yandex.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ ПРОЗЕ ФИНЛЯНДИИ (ЧАСТЬ 1)

Н.С. Братчикова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; n.bratchikova@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности транскультурного письма на примере произведения Раньи эль-Рамли «Положение солнца» (2002). Произведение написано на финском языке, который наравне с арабским является родным для писателя, поскольку эль-Рамли — выходец из бикультурной семьи. Цель исследования — описать звукопись как средство художественной выразительности. Методологической основой статьи является транснациональный подход к культурным явлениям, который уделяет внимание движениям и социокультурному существованию за пределами национальных, культурных и языковых границ в литературной жизни. Основной метод исследования — метод лингвистического описания конкретных языковых фактов.

В статье раскрывается содержание термина «транскультурная литература» и ее место в литературном пространстве Финляндии. Жанр произведения «Положение солнца» можно определить как лирический роман, который является сравнительно новым для финской литературы. В произведении репрезентируется поток впечатлений, составляющих содержание образа рассказчика.

Автор статьи приходит к выводу, что особая звуковая организация слов в предложении, например повторение одинаковых гласных звуков на уровне словосочетания и даже предложения, направлена на эмоциональную передачу душевного мира персонажа.

Ключевые слова: транскультурная литература; поэтический роман; повторы; звукопись; финский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-8

Для цитирования: Братчикова Н.С. Языковые средства художественной выразительности в транскультурной прозе Финляндии (часть 1) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 111–122.

LINGUISTIC MEANS OF ARTISTIC EXPRESSION IN TRANSCULTURAL PROSE OF FINLAND (PART 1)

N. Bratchikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; n.bratchikova@mail.ru

Abstract: The article discusses the features of transcultural writing on the material of the work by Ranja El-Ramly *The Position of the Sun* (2002). The work is written in Finnish, which, along with Arabic, is native to the writer, since El-Ramly comes from a bicultural family. The purpose of the study is to describe alliteration as a means of artistic expression. The methodological basis of the article is a transnational approach to cultural phenomena, which pays attention to movements and sociocultural existence beyond national, cultural, and linguistic boundaries in literary life. The main research method is the method of linguistic description of specific linguistic facts.

The article reveals the content of the term 'transcultural literature' and its place in the literary space of Finland. The genre of the work *The Position of the Sun* can be defined as a lyrical novel, which is relatively new for Finnish literature. The work represents the flow of impressions that make up the content of the narrator's image.

The author of the article concludes that the special sound organization of words in a sentence, for example, the repetition of identical vowel sounds at the level of a phrase and even a sentence, is aimed at the emotional transmission of the mental world of the character.

Keywords: transcultural literature; poetic novel; repetitions; sound recording; Finnish language

For citation: Bratchikova N. (2023) Linguistic Means of Artistic Expression in Transcultural Prose of Finland (Part 1). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 111–122.

Введение

В современной Финляндии наравне с национальной литературой, столетиями существовавшей в финско-шведском языковом формате, возникла как отдельное направление транскультурная литература, представленная произведениями писателей албанского, бирманского, египетского, немецкого, румынского, русского, сербского, сомалийского и др. происхождения. Последние десятилетия отмечены подрывом узкого восприятия национальной литературы и осмыслением национально-этнических составляющих общего литературного процесса.

Транскультурная литература создается на официальном языке страны пребывания и представляет собой феномен самостоятельной этнической литературы, которая живет и развивается по своим законам внутри главенствующей национальной литературы. Транс-

культурная литература отражает двойную этническую идентичность автора, которая проявляется в сдвоенном самосознании. Такое сознание формируется в этнически смешанной среде и иммигрантских диаспорах, когда человек старается балансировать между двумя культурами, пытается освоить нормы и ценности каждой из культур и стремится стать проводником их обеих.

Транскультурная литература обновляет имеющийся репертуар литературных жанров, добавляя к ним гибридную форму автобиографического очерка, воспоминания, этнографического описания и психологического анализа.

В данном исследовании мы рассмотрим **особенности** транскультурного письма на примере произведения Раньи эль-Рамли «Положение солнца» (2002). **Цель** исследования — описать звукопись как средство художественной выразительности.

Методологической основой статьи является транснациональный подход к культурным явлениям, который уделяет внимание движениям и социокультурному существованию за пределами национальных, культурных и языковых границ в литературной жизни. Основной **метод** исследования — метод лингвистического описания конкретных языковых фактов.

Основная часть

К вопросу о термине «транскультурная литература»

С 90-х годов мультикультурная ситуация в Финляндии характеризуется большим разнообразием. В страну стали переезжать люди из разных частей мира. Одни мигрировали на север Европы в поисках лучшей жизни, другие спасаясь от экологических катастроф, национальных бедствий и военных действий. Некоторые мигранты обратились к литературным занятиям с целью освоения «чужого» пространства. Литературное творчество явилось для них своего рода «посредником» в социализации и становлении личности. Международный успех и высокий читательский интерес к иммигрантской прозе и поэзии способствовал ее закреплению на литературном поле Финляндии.

Литература писателей иностранного происхождения относится к «иммигрантской литературе» [Heith, Gröndahl, Rantonen 2018: 16]. В XXI веке на литературное поле вышли писатели, в чьей автобиографии уже больше нет записи о миграционном происхождении: это второе поколение мигрантов, а также дети, рожденные в смешанных браках, когда один из родителей является гражданином Финляндии.

Для описания нового литературного феномена в культурном пространстве Финляндии предлагалось несколько терминов, а именно «новофинская литература» (*uussuomalainen kirjallisuus*), «трансграничная литература» (*ylirajainen kirjallisuus*), «диаспорная литература» (*diasporinen kirjallisuus*). Ни один из предложенных вариантов не является бесспорным: критики усматривают в них то скрытый негативный оттенок, то отчуждение от финской письменной традиции, то «насильственное привязывание» (*pakkovyöttäminen*) к национальной литературе [Rantonen 2009]. Х.-Л. Ниссилä считает, что термин 'транскультурная литература' точнее всего соответствует сложившейся в Финляндии начала 2000-х годов ситуации [Nissilä 2016 a, b], так как он отражает идеи культурного обмена.

Транскультурная литература создается в результате взаимодействия разных нарративных традиций, разных повествовательных стилей, столкновения мифологий, религий, представлений об искусстве и типов речи. Она позволяет не только наглядно увидеть культурные и поведенческие различия, но и понять образ мысли неевропейских народов. Среди тем финноязычной транскультурной литературы отметим следующие: этнокультурная идентичность человека; социализация и процесс формирования личности в условиях аккультурации; различия между «своим» и «чужим»; противоречия между требованиями новой культуры и собственным опытом, а также личными интересами.

Транскультурные произведения полны психологизма, драматизма, порой даже трагизма. Психотип «человек тоскующий» пополняется новым характером — «человеком непоправимо травмированным» утратой дома, безвозвратным изгнанием и глубоким отчаянием [Султанов 2022].

Обзор литературы

Изучение транскультурной литературы является весьма перспективным научным направлением, что обеспечивается ее быстро растущим объемом¹ и усиливающейся значимостью в общелитературном процессе. Ее влиянию на литературный истеблишмент и постмодернистское общество в скандинавском регионе посвящены публикации литературоведов, лингвистов и социологов [Heith, Gröndahl, Rantonen 2018; Nissilä 2016 a, b; Ahola 2015]. Транскультурная литература стала занимать значительное место в построении национальной идентичности в Финляндии [Heith, Gröndahl, Rantonen 2018: 11].

¹ На рубеже тысячелетий и в начале XXI века Финляндия стала прибежищем для более чем 90 писателей и поэтов, имеющих иммигрантское происхождение или эмигрировавших из других стран [Nissilä 2016a: 67].

Рассматривая творчество иностранных писателей, проживающих и работающих в Финляндии, Э. Рантонен приходит к заключению, что транснациональная литература помогает финнам формировать толерантность к другим культурам и национальным меньшинствам, а авторам-мигрантам — излить душу, определить свое место в новом для них мире [Rantonen 2009].

Авторы коллективной монографии «Переосмысление национальных литератур и литературного канона в Скандинавии» (*Rethinking National Literatures and Literary Canon in Scandinavia*, 2015) рассматривают культурные явления, формирующиеся вокруг новых взглядов на язык, этническую, социальную и гендерную принадлежность и объединяющиеся в понятии «транснациональная литература». В исследовании Х.-Л. Ниссиля «Слово “мигрант” имеет горьковатый привкус. Транснационализация литературной жизни Финляндии в начале 2000-х годов» (*'Sanassa maahanmuuttaja on vähän kitkerä jälkimaku'. Kirjallisen elämän ylitäyttyminen 2000-luvun alun Suomessa*) изучаются границы национальных литератур с учетом того факта, что они могут быть частью виртуального медиапространства и охватывать весь земной шар, а не создаваться в географическом пространстве конкретного государства. Исследователь приходит к выводу, что ранее считавшаяся очевидной связь между языком, национальностью и литературой теперь перестала быть бесспорной [Nissilä 2016b: 28].

Коллективная монография «Мигранты и литература в Финляндии и Швеции» (*Migrants and Literature in Finland and Sweden*) [Gröndahl, Rantonen 2018] раскрывает новые взгляды на культурные трансформации и изображение миграции в финской и шведской литературе, описывает нарративы, сформировавшиеся в течение последних десятилетий в обеих национальных литературах, и рассматривает трансграничную литературу с точки зрения ее влияния на формирование межнациональной идентичности.

Публикации Х. Гренстранд (H. Grönstrand) посвящены литературному многоязычию, заключающемуся в сочетании нескольких языков в одном художественном тексте, языковым идеологиям и истории литературы. Например, в статье Х. Гренстранд, опубликованной в коллективной монографии «Эстетика и политика языковых границ. Многоязычие в литературе Северной Европы» (*The Aesthetics and Politics of Linguistic Borders. Multilingualism in Northern European Literature*) [Grönstrand, Huss, Kauranen 2020] рассматривается многоязычие в современной скандинавской литературе, вызванное усилением глобализации и транснационального взаимодействия.

В другой статье, «“Откуда ты... родом?” “Мийра” Эйи Хетекиви Олссон как поле битвы языковых идеологий» (*"Var kommer du ifrån...*

ursprungligen?» Eija Hetekivi Olssonin Miira kieli-ideologioiden taistelutantereena, 2018), Х. Гренстранд анализирует произведение «Мийра» шведской писательницы Э. Хетекиви-Олссон. В книге описывается положение финнов и финского языка в Швеции через восприятие девушки-подростка. Роман написан на шведском языке, но в нем есть сцены и реплики на финском языке, а также на арго, который изобрела героиня произведения. Новаторский язык позволяет Мийре изменить соотношение между шведским и финским в пользу «своего» языка. Он — не финский и не шведский, он язык-протест, вызов консервативным языковым и культурным нормам, языковой политике и идеологии. Девушка активно пытается порвать с финской культурой, которая ассоциируется с миграцией и маргинальным положением в шведском обществе. Она выступает против существующего мнения, согласно которому носители финского языка считаются в Швеции маргиналами с низким социальным статусом и мрачными перспективами на будущее. Хотя Мийра родилась в Швеции, в школе ее все равно считают мигранткой. Мийра хочет определить собственное место в языковом атласе шведского общества, которое десятилетиями формировалось миграцией, но в котором ничтожно мало места для языков мигрантов [Grönstrand 2018: 28].

Современные тенденции развития мигрантской прозы писателей из бывшего СССР в Германии обозначены в исследовании А.А. Антохиной [Антохина 2019].

С.П. Толкачев отмечает, что пространство произведений мигрантов представляет собой «пограничную культурную зону, всегда находящуюся в движении, в становлении, неизменно открытую для интроспекции. В этом формате отличные друг от друга культуры в споре между собой обмениваются “инаковостью”, приспосабливаются друг к другу» [Толкачев 2019].

Языковые средства, использованные в эмигрантском романе, описаны в статье В.М. Шаклеина и С.С. Миковой «Языковые средства создания образа “чужого” в романе В.П. Аксенова “В поисках грустного бэби”». В статье классифицируются смысловые компоненты образа «чужого», охарактеризован ряд лингвокультурных универсалий, например «Человек», «Общество», оценивается значимость отдельных групп языковых средств в создании образа, определена специфика реализации образа «чужого» в романе как тексте русской эмигрантской лингвокультуры третьей волны [Шаклеин, Микова 2020].

В публикации А.Э. Левицкого и А.Р. Купцовой рассматриваются особенности представления образа персонажа-эмигранта из Азии

в творчестве писателей — выходцев из Китая, Индии и Кореи [Левицкий, Купцова 2019].

Результаты исследования и их обсуждение

Роман Р. эль-Рамли «Положение солнца» (2002) стал дебютным по нескольким позициям. Во-первых, он был первым романом писательницы Раньи эль-Рамли. На книжном рынке Финляндии имя автора произведения сразу обратило на себя внимание своей экзотичностью. Идентичность автора можно назвать смешанной в этнокультурном смысле. Эль-Рамли родилась в Индии, детство провела в африканском регионе — Египте и Ливии. Интерес читательской аудитории подогревался особой симпатией и высокой востребованностью Египта в туристическом бизнесе Финляндии. Тема любви представителя другой расы и цвета кожи и европейской женщины вызывала интерес со времен шекспировской трагедии «Отелло». В произведении героиней была уроженка Финляндии, что добавляло интригу в рассказ о чувствах между столь разными людьми. Во-вторых, это был один из первых романов, описывающих мир мигранта. Произведение опубликовано в то время, когда в Финляндию устремляется миграционный поток из северной части Африки и страна превращается в многонациональное государство. В-третьих, стиль произведения непривычен для финской художественной литературы. Жанр романа можно определить как лирическую прозу, в которой фабула ослаблена, зато повышен эмоциональный строй речи и преобладает авторское «я». Текст изложения напоминает исповедь лирического героя. Акценты делаются на переживаниях, чувствах персонажа.

Художественная выразительность текста усиливается благодаря звуковой организации слов в предложении, например повторению на уровне словосочетания и даже предложения одинаковых гласных звуков. Явление ассонанса усиливает выразительность следующего отрывка: *Minun äitini kipu oli valkoista, se rätisi ja rapisi, se kahisi ja katosi jälkeäkään jättämättä* [El-Ramly 2002: 26]. «Боль моей матери была белой, потрескивающей и хрустящей, шелестящей и исчезающей без следа».

Повторение открытых гласных звуков *a, i* в словах *valkoista, rapisi, kahisi, katosi; oli* способствует созданию ощущения длительности протекания болезни; звук *ä* в *rätisi, jälkeäkään, jättämättä* позволяет сформировать эффект отторжения, так как по своему звучанию напоминает звук выплевывания. В русском языке мы воспользовались звукописью для передачи данного эффекта, например, звук *о* (боль, белой) позволяет передать долготу явления, связан с чем-то сильным и огромным; глухие согласные звуки (*п, т, х, ц, ч*) пере-

дают практически беззвучное страдание, и вместе с тем характер проявления боли (потрескивающая, хрустящая, шелестящая, исчезающая). Обращает на себя внимание использование оноματοпоэтических глаголов *rapista* 'шуршать', *kahista* 'хрустеть', *rätistä* 'шелестеть', которые составляют важную часть звукового рисунка отрывка и представляют звукопоэтическую традицию финской поэзии со времен создания эпоса «Калевала».

Аллитерация является характерной чертой финской фонетической системы и относится к ярким выразительным художественным средствам в романе: [...] *vain katukauppiaiden huutoja, kulkukoiria, kulkukissoja ja rukoukseenkutsu jostakin kaukaa* [El-Ramly 2002: 21]. «[...] только крики уличных торговцев, бездомные собаки, бездомные кошки и призыв к молитве издалека». В переводе на русский язык сложно передать последовательную музыкальность строки, ощущение монотонности и тягучести, предаваемые слогами *ka-, ku-, ru-*, поэтому мы решили усилить звуковую составляющую описываемой ночи повторением глухих согласных (*к, m*).

В предложении *Yöllä se pudotteli puisia eläimiä pianon päältä* [El-Ramly 2002: 17]: «По ночам она (кошка — прим. Н.Б.) сбрасывала статуэтки деревянных зверушек с крышки пианино», — повторение слогов *pu-pi-pä* передает шум падающих предметов. В переводе эффект толчка и падения достигается подбором слов, в которых присутствуют парные согласные *m-d, n-b* или согласные *p, ш*.

Повторение слогов *tu — tu — tie* с гласными *и* и *е* в синтагме *tupakkaa sormissa, tuhkaa lattialla tietenkin* «сигарета в пальцах, пепел, понятно, что на полу» передает неторопливо-монотонное течение времени. Употребление местных падежей (инессива с окончанием *-ssa* и адессива *-lla*), передающих значение статики, и отсутствие глагольных форм фиксируют момент времени в одной точке, подобно стоп-кадру в кинематографе.

Фонетической выразительности художественной речи способствует повтор отдельных звуков или звуковых комплексов, связывающих окончания, например, частей сложносочиненных предложений: *Minun äitini muuttui kuumuudessa punaiseksi, hänen kasvonsa ja hänen kaulansa, ja me sanoimme häntä kalkkunaksi* [El-Ramly 2002: 34]. «Моя мать от жары стала красной, ее лицо и ее шея, и мы называли ее индюшкой». Обе части сложносочиненного предложения заканчиваются словами в транзитивном падеже с окончанием *-ksi*, что придает ритм и симметрию фразе. Для этого автор подбирает глаголы, требующие управления именем существительного только в транзитиве: в первой части сложносочиненного предложения глагол *muuttua* 'становиться' и во второй *sanoa* 'называть'. В русском языке окончание творительного падежа *-ой* (красной, индюшкой)

позволяет передать симметричность и придать ритмичность высказыванию.

Фонетические средства выразительности финской речи позволяют автору романа передать мелодичность, плавность течения времени, неторопливость действий, зафиксировать красоту или ужас момента. Размеренный, неторопливый темп развития событий делает возможным осмыслить жизнь, предаться размышлениям о человеческой судьбе. В переводе красоту звучания финского текста удалось сохранить посредством подбора аналогичных приемов звукописи русской речи. Фонетические средства обоих языков помогают создать звуковые и зрительные ассоциации, лучше понять мир персонажей и почувствовать отношение писателя к слову и к читателю.

Заключение

Роман эль-Рамли «Положение солнца» относится к лирической прозе. Текст представляет собой воспоминания главного персонажа, оказавшегося на перекрестке двух культур — арабской и европейской.

Художественная выразительность текста усиливается благодаря звуковой организации слов в предложении, например повторению на уровне словосочетания и даже предложения одинаковых гласных звуков, использованию оноματοпоэтических слов. Звукопись, в частности, аллитерация, является одним из центральных художественных приемов в финской литературе начиная с «Калевалы». Литературное произведение представляет собой мир слов и звуков, которые не всегда можно соотнести с принятыми звуковыми средствами. Поэтому мы, анализируя текст, обращаемся к звукам финского и русского языков, которые в сочетании с другими звуками влияют на восприятие произведения с точки зрения звучания и смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антохина А.А. Поиск идентичности в немецкой прозе мигрантов из бывшего СССР (рубеж XX–XXI веков). Автореф. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Калининград, 2019. URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/poisk-identichnosti-v-nemeckoj-proze-migrantov-byvshego-sssr.html> (дата обращения: 11.08.2022).
2. Левицкий А.Э., Купцова А.Р. Языковые средства репрезентации персонажа-эмигранта из Азии в современной американской художественной литературе // Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Ученые записки Ульяновского государственного университета. Сер. «Лингвистика». Том 1 (23). Ульяновск, 2019. С. 14–18.
3. Султанов К.К. Между зловещим и трансцендентным. Гайто Газданов: от автобиографизма к метанарративности // Вопросы литературы, 2022. № 2. С. 13–39.

4. Толкачев С.П. Мультикультурная литература: ответ на новые вызовы XXI века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2019. № 2 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/multikulturnaya-literatura-otvet-na-novye-vyzovy-xxi-veka> (дата обращения: 11.08.2022).
5. Шаклеин В.М., Микова С.С. Языковые средства создания образа «чужого» в романе В.П. Аксенова «В поисках грустного бэби» // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25–2. С. 116–121.
6. Ahola S. Hassan Blasim sätö suomalaisia: “Vasta kun olen saanut kansainvälistä menestystä, minut on huomattu”. Helsingin Sanomat 23.5.2015 URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000002826398.html> (дата обращения: 09.07.2022).
7. Heith A., Gröndahl S., Rantonen E. Introduction: ‘The Minoritarian condition’: studies in Finnish and Swedish literatures after World War II // Gröndahl S., Rantonen E. (ed.). Migrants and literature in Finland and Sweden. Helsingfors: Finska litteratursällskapet / The Finnish Literature Society. Studia Fennica Litteraria, 2018, pp. 11–33. URL: <https://doi.org/10.21435/sflit.11> (дата обращения: 06.10.2022).
8. Gröndahl S., Rantonen E. Migrants and Literature in Finland and Sweden. Studia fennica litteraria 11. Finnish Literature Society. SKS. Helsinki, 2018.
9. Grönstrand H. ”Var kommer du ifrån... ursprungligen?” Eija Hetekivi Olssonin Miira kieli-ideologioiden taistelutantereena // Avain. 2018, № 3, pp. 26–43. URL: <https://journal.fi/avain/article/view/75227/36694> (дата обращения: 06.10.2022).
10. Grönstrand H., Huss M., Kauranen R. The Aesthetics and Politics of Linguistic Borders Multilingualism in Northern European Literature. New York, 2020.
11. Lönngren A.-S., Grönstrand H., Heede D., Heith A. Rethinking National Literatures and the Literary Canon in Scandinavia. Cambridge Scholars Publishing, 2015.
12. Nissilä H.-L. Ylirajainen kirjallisuus ja yksikielinen kirjallinen elämä Suomessa // Kulttuuripolitiikan tutkimuksen vuosikirja. 2016 (a), pp. 67–79.
13. Nissilä H.-L. ‘Sanassa maahanmuuttaja on vähän kitkerä jälkimaku’. Kirjallisen elämän ylirajaistuminen 2000-luvun alun Suomessa, UNIVERSITATIS OULUENSIS B 136, 2016 (b). URL: <https://docplayer.fi/17689177-Acta-sanassa-maahanmuuttaja-on-vahan-kitkera-jalkimaku-kirjallisen-elaman-ylirajaistuminen-2000-luvun-alun-suomessa-universitatis-ouluensis-b-136.html> (дата обращения: 05.06.2022).
14. Rantonen E. Muuttavatko maahanmuuttajat suomalaisen kirjallisuuden? // 6.11.2009. URL: <https://kiiltomato.net/muuttavatko-maahanmuuttajat-suomalaisen-kirjallisuuden/> (дата обращения: 07.05.2022).

ИСТОЧНИК ПРИМЕРОВ

El-Ramly R. Auringon asema // Helsinki, 2002. 192 p.

REFERENCES

1. Antokhina A. A. *Poisk identichnosti v nemetskoj proze migrantov iz byvshego SSSR (rubezh XX–XXI vekov)* [The search for identity in the German prose of migrants from the former USSR (the turn of the XX–XXI centuries)]. Avtoref. diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Kaliningrad, FGAOU VO «Baltiiskii federal’nyi universitet im. Immanuila Kanta», 2019. — 24 p. (accessed: 11.08.2022). (In Russ.)
2. Levitskii A.E., Kuptsova A.R. *Yazykovye sredstva reprezentatsii personazha-ehmigranta iz Azii v sovremennoi amerikanskoi khudozhestvennoi literature* [Linguistic means of representation of an Asian emigrant character in Modern American Fiction] // Aktual’nye problemy teorii yazyka i lingvodidaktiki. Uchenye zapiski

- Ul'yanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Lingvistika" Tom 1 (23). Ul'yanovsk, Ul'janovskij gosudarstvennyj universitet, 2019, p. 14–18. (In Russ.)
3. Sultanov K.K. *Mezhdru zlobodnevnyim i transtsendentnym. Gaito Gazdanov: ot avtobiografizma k metanarrativnosti* [Between the topical and the transcendent. Gaito Gazdanov: from autobiography to metanarrativity] // *Voprosy literatury*, № 2, 2022, p. 13–39. (In Russ.)
 4. Tolkachev S.P. *Mul'tikul'turnaya literatura: otvet na novye vyzovy XXI veka* [Multicultural literature: a response to the new challenges of the XXI century] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. 2019. №2 (63). (accessed: 11.08.2022). (In Russ.)
 5. Shaklein V.M., Mikova S.S.. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza "chuzhogo" v romane V. P. Aksenova "V poiskakh grustnogo behbi"* [Linguistic means of creating the image of a "stranger" in V. P. Aksenov's novel "In Search of a Sad Baby"] // *Lingvoritoricheskaya paradigma: teoreticheskie i prikladnye aspekty*. № 25–2, FGBOU VO «Sochinskij gosudarstvennyj universitet», 2020, p. 116–121. (accessed: 09.07.2022). (In Russ.)
 6. Ahola S. (2015). *Hassan Blasim säatti suomalaisia: "Vasta kun olen saanut kansainvälistä menestystä, minut on huomattu"*. Helsingin Sanomat 23.5.2015 URL: <https://www.hs.fi/kulttuuri/art-2000002826398.html> (accessed: 09.07.2022). (In Finn.)
 7. Heith A., Gröndahl S., Rantonen E. *Introduction: 'The Minoritarian condition': studies in Finnish and Swedish literatures after World War II* // Gröndahl S., E. Rantonen (ed.). *Migrants and literature in Finland and Sweden*. Helsingfors: Finska litteratursällskapet / The Finnish Literature Society. *Studia Fennica Litteraria*, 2018, pp. 11–33. URL: <https://doi.org/10.21435/sflit.11> (accessed: 06.10.2022).
 8. Gröndahl S., Rantonen E. *Migrants and Literature in Finland and Sweden*. *Studia fennica litteraria* 11. Finnish Literature Society. SKS. Helsinki, 2018. 239 s.
 9. Grönstrand H. "Var kommer du ifrån... ursprungligen?" Eija Hetekivi Olssonin *Miira kieli-ideologioiden taistelutantereena* // *Avain*. 2018, № 3, pp. 26–43. URL: <https://journal.fi/avain/article/view/75227/36694> (accessed: 6.10.2022) (In Finn.)
 10. Grönstrand H., Huss M., Kauranen R. *The Aesthetics and Politics of Linguistic Borders Multilingualism in Northern European Literature*. New York, 2020. 344 p.
 11. Lönngren A.-S., Grönstrand H., Heede D., Heith A. *Rethinking National Literatures and the Literary Canon in Scandinavia*. Cambridge Scholars Publishing, 2015. 237 p.
 12. Nissilä H.-L. *Ylirajainen kirjallisuus ja yksikielinen kirjallinen elämä Suomessa* // *Kulttuuripolitiikan tutkimuksen vuosikirja 2016 (a)*, pp. 67–79.
 13. Nissilä H.-L. 'Sanassa maahanmuuttaja on vähän kitkerä jälkimaku'. *Kirjallisen elämän ylirajaistuminen 2000-luvun alun Suomessa*, UNIVERSITATIS OULUENSIS B 136, 2016 (b). — 120 c. URL: <https://docplayer.fi/17689177-Acta-sanassa-maahanmuuttaja-on-vahan-kitkera-jalkimaku-kirjallisen-elaman-ylirajaistuminen-2000-luvun-alun-suomessa-universitatis-ouluensis-b-136.html> (accessed: 05.06.2022). (In Finn.)
 14. Rantonen E. *Muuttavatko maahanmuuttajat suomalaisen kirjallisuuden?* // 6.11.2009 URL: <https://kiiltomato.net/muuttavatko-maahanmuuttajat-suomalaisen-kirjallisuuden/> (accessed: 07.05 2022). (In Finn.)

Поступила в редакцию 27.11.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 15.02.2023

Received 27.11.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 15.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Надежда Станиславовна Братчикова — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; n.bratchikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Bratchikova — Prof. D, Head of the Department of Finno-Ugric Philology of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University; n.bratchikova@mail.ru

ШЕВАЛЬЕ ДЕ МЕНВИЛЬЕ И ЕГО ЭПОС «ПЕТРЕАДА» **Из истории поэтических заказов русского правительства** **в XVIII в.**

А.И. Любжин

*Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет Дмитрия Пожарского»; федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего образования
«Московский физико-технический институт (национальный
исследовательский университет)», Москва, Россия; vultur@mail.ru*

Аннотация: И.И. Шувалов, ознакомившись с поэмой Женю-Соала де Менвилье «Человек-Бог», принял решение поручить ее автору создание эпической поэмы о Петре Великом; он приглашает потенциального автора в Москву, дав ему должность преподавателя в гимназии при Императорском Московском университете, которую тот занимает в течение весьма непродолжительного времени. Он исполняет поручение до конца; но эпос устаревает в момент публикации, вызвав (как содержанием, так и одной из гравюр в издании) гнев императрицы Екатерины II. Это поэтическое произведение встречает недоброжелательный прием. Оно отличается по характеру от большинства эпических поэм, будучи менее «поэтичным» и более приземленным, нежели остальные представители жанра, и содержит не так много элементов, относящихся к числу обязательных или почти обязательных признаков жанра или свойственных эпической поэме топосов. Там мало трогательных или ужасных сцен; только один поединок. Эпос состоит из десяти книг. Его рассматривают как подражание «Генриаде» Вольтера. Это справедливо лишь отчасти. Такое число среди авторитетных представителей жанра, кроме Вольтера, содержится в «Фарсалии» Лукана и в «Лузиадах» Камюэнса. Структурообразующая «пророческая» часть у Менвилье содержится в VI книге (у Вольтера — в VIII, у Лукана — в VI, у Камюэнса — в конце). Если предположить, что первоначальный замысел предполагал двенадцать книг (на что намекает неравномерность в распределении материала: пять книг до «пророческой» содержат предысторию, а почти на всю Северную войну отводится четыре), можно ожидать, что структура должна была воспроизводить «Энеиду». Было бы интересно рассмотреть его идеологическую концепцию в контексте использования фигуры Петра в русской пропаганде, адресованной западноевропейским странам.

Ключевые слова: Петр I; Женю-Соала де Менвилье; «Петреада»; эпическая поэма; И.И. Шувалов; XVIII век

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-9

Для цитирования: Любжин А.И. Шевалье де Менвилье и его эпос «Петре-ада»: Из истории поэтических заказов русского правительства в XVIII веке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 123–140.

CHEVALIER DE MAINVILLIERS AND HIS EPIC POEM *PÉTRÉADE*: FROM THE HISTORY OF POETIC ORDERS OF THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE 18TH CENTURY

Alexey I. Lyubzhin

Dmitry Pozharsky University; Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Moscow, Russia; vultur@mail.ru

Abstract: I.I. Shuvalov, after reading the poem *Man-God* by Genu-Soalhat de Mainvilliers, decided to commission its author to write an epic poem about Peter the Great; he invited the potential author to Moscow and gave him the post of a teacher in the gymnasium of the Imperial Moscow University, which he fulfilled for a very short time. He carries out the commission to completion; but the epic becomes obsolete at the time of publication, incurring (both the content and one of the engravings in the edition) the wrath of Empress Catherine II. This poetic work meets with an unkind reception. It differs in character from most epic poems, being less 'poetic' and more down-to-earth than other representatives of the genre, and containing few elements of the genre's obligatory or nearly obligatory features or the epic poem's characteristic topoi. There are few touching or horrific scenes; there is only one duel. The epic consists of ten books. It has been seen as a subjugation to Voltaire's *Henriade*. This is only partly true. Such a number among the authoritative representatives of the genre, apart from Voltaire, is contained in Lucan's *Farsalia* and Camoens' *Lusiades*. Menvillier's structuring 'prophetic' part is contained in Book VI (Voltaire's in Book VIII, Lucan's in Book VI, Camoens' at the end). Assuming that the original idea envisaged 12 books (which is hinted at by the uneven distribution of material: five books before the 'prophetic' contain the prehistory, while four are devoted to almost the entire Northern War), one would expect the structure to reproduce the *Aeneid*. It would be interesting to consider its ideological conception in the context of the use of the figure of Peter in Russian propaganda addressed to Western European countries.

Key words: Peter the Great; Genu-Soalhat de Mainvilliers; *Pétréade*; epic poem; I.I. Shuvalov; 18th century

For citation: Lyubzhin Alexey I. (2023) Chevalier de Mainvilliers and His Epic Poem *Pétréade*: From the History of Poetic Orders of the Russian Government in the 18th Century. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 123–140.

История литератора и авантюриста Женю-Соала де Менвилье (Genu-Soal(h)at de Mainvilliers), автора посвященного Петру Великому эпоса «Петреада, или Петр Создатель», некоторое время преподававшего в Императорском Московском Университете, мало при-

влекла внимание исследователей, хотя его нельзя считать совершенно забытым автором. Его имя отсутствует в шевыревском биографическом словаре¹. П.Р. Заборов в докладе 1996 г. совершенно справедливо сопоставил его поэму с более поздним произведением — «Царем Петром I» Антуана-Леонара Тома [Шашкова 1997: 212]. Из сравнительно недавних упоминаний следует отметить доклад В. Ржеуцкого «Образ России в Европе: Иван Шувалов и его французские связи»², а также некоторые другие работы того же автора, которые мы приведем ниже. Обращает внимание на эту книгу и несравненный знаток ранней истории Императорского Московского Университета Д.Н. Костышин в пространном примечании, посвященном нашему герою [История 2014: 580–582] (это самый подробный биографический очерк на русском языке, и мы к нему еще обратимся)³. Связь «Петреады» с деятельностью И.И. Шувалова, как будет видно, — строго установленный факт; наша задача заключается в том, чтобы прояснить некоторые подробности создания эпопеи.

В той части библиотеки И.И. Шувалова, которая хранится в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ, содержится эпическая поэма нашего героя «Человек-Бог, или Вселенная — единая семья»⁴. Экземпляр содержит отчеркивания: простым карандашом на с. 33 и чернилами на с. 164. Мистическая поэма, которая, на наш взгляд, не является поэтическим шедевром, очевидно привлекла внимание Шувалова. Это могло произойти незадолго до того, как он начал заниматься делами, связанными с основанием университета, или

¹ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета, за истекающее столетие... составленный трудами профессоров и преподавателей... и расположенный по азбучному порядку. Ч. I–II. М.: В Университетской Типографии, 1855.

² [Миличина, 2008]. Тезисы В. Ржеуцкого заключаются в следующем: среди приглашенных Шуваловым французов был «шевалье де Менвилье, автор опубликованной в Гааге поэмы „Петриада, или Петр-Творец“ (поэма эта, писанная по образцу вольтеровской „Генриады“, была безжалостно обругана большинством французских критиков, а между тем то была первая французская поэма о Петре, заложившая влиятельную традицию его изображения как творца, создавшего Россию „из ничего“)».

³ Очень информативен следующий псепс: Soalhat de Mainvillers [Dictionnaire 2011]. <https://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journaliste/751-genu-soalhat-de-mainvillers>. Очерки прекрасно дополняют друг друга. См. также: [Mézin, Rjéoutski 2011: 561–563].

⁴ Mainvillers, Genu-Soalhat de. L'Homme-Dieu ou l'Univers seule famille. Poème épique. Par Genu Soalhat, Chevalier de Mainvillers. Imprimé à Londres [i.e. Hamburg]: MDCCCLIV. Шифр: III 140. Инвентарный номер: 140. Датский рецензент оценивает автора этого произведения афористически: «странствующий рыцарь», написавший эту поэму, — «пример человека с избыточной силой воображения и тем меньшей силой суждения» [Fortgesetzte Nachrichten 1760: 66].

непосредственно параллельно с ними. Таким образом, если Т.-А. Чуди и дал ему совет, этот совет лег на подготовленную почву: шевалье де Менвилье рассматривался фаворитом как фигура, способная на создание масштабного эпического полотна. Отметим переключку между заголовком первой поэмы и подзаголовком второй: *l'Homme-Dieu* и *Pierre le créateur*.

В. Ржеуцкий пишет в главе, посвященной барону Теодору-Анри де Чуди (к сожалению, без указания источника информации): «Мы можем быть уверены по крайней мере в одном рекрутировании, за которое Чуди несет прямую ответственность: речь идет о шевалье Шарле-Луи-Филиппе де Менвилье, которого на самом деле звали Женю-Соала (1714–1776?). Менвилье получает должность преподавателя политики и геральдики в университетской гимназии. Самое значимое произведение шевалье в это время — большая эпическая поэма... Шувалов, вероятно, не чужд этому проекту» [Rjeoutski 2016: 236]. Д.Н. Костышин в упомянутом биографическом очерке приводит интересный документ — шуваловский ордер от 27 ноября 1757 г. (сочиненный уже после того, как Менвилье поучаствовал в одном университетском скандале): «Менвильерову должность дать так, как и протчим учителям, чтоб определенно[е] ему жалованье производимо было ненапрасным, а чтоб за одне ево сочинении оное жалованье оставить ему вместо пенсии, отдав ево класс другому, тово много; буде же он за своими болезнями, как представлено репортом, учить не может, то ево от университета уволить» [Костышин 2014: 581–582]. Под именем Шарля-Луи Филиппа Менвилье фигурирует в латинском каталоге публичных лекций зимнего триместра 1757 г. [Ibid.: 356]. Таким образом, резюмируем начальную стадию написания эпоса: И.И. Шувалов отметил для себя кандидата на создание эпоса о Петре I и — по совету барона Чуди или без него, но если совет и был, он лег на готовую почву — пригласил литератора в Москву, дав ему двойное поручение с единым жалованием: преподавание и литературное творчество. Сохранять прежнюю оплату после завершения педагогической карьеры (в 1758 г., по сведениям Костышина, в университетских документах имя его уже не упоминается) куратору показалось нецелесообразным. Но — в том же или меньшем размере — пенсион, по-видимому, продолжал выплачиваться, как будет видно в дальнейшем. Теперь перенесемся в то время, когда «Петреада» стала литературным фактом.

Отметим печатные отклики на поэму. Один, очень свежий, появился в журнале Иоганна Кристофа Готтшеда «Последние новости изящных наук» [Das Neueste 1762: 830; 837]. Отзыв отличается благосклонной интонацией, но далек от восторженного: «Не только французские историографы с недавнего времени отважились об-

ратиться к северным царствам, героям и героиням; их поэты также начали поиск материала для своих трудов в этих холодных местностях. Шевалье де Менвилье — один из первых, благодаря которым воздается справедливость императору России Петру Великому. Его перо уже сделалось известным иными трудами, но в таких крупных поэтических произведениях оно еще себя не показывало. Мы знаем, что он сам совершил путешествие в Петербург, Россию и Персию и даже побывал в песках Великого Могола. Как при отъезде, так и по возвращении из этих северных и восточных местностей он лично нанес нам визит и многое рассказал устно. <...> Можно видеть, что эта поэма весьма заслуживает быть прочитанной, при том, что она далеко не достигает красот вольтеровского поэтического искусства как по силе выражения, так и по благозвучию»⁵.

Обратим внимание на две детали. Во-первых, Персия и Великий Могол, на наш взгляд, резко подчеркивают авантюристическую жилку нашего героя и его склонность к вымыслу. Во-вторых, в ноябрьском номере 1762 года появляется отзыв на книгу, которая вышла, судя по заголовку рецензии, в 1763-м. Если бы издания с такими выходными данными не существовало, это можно было бы принять за опечатку; но, по-видимому, оно представляет собой библиографический фантом, и в действительности существует только одно издание — 1762 г., с разными титульными листами (какова бы ни была причина, о которой мы судить не можем).

Более резкий отзыв принадлежит перу Пьера Руссо (он вышел анонимно, но из дальнейшего изложения будет ясно авторство). Сразу отметим, что он вышел месяцем позже, т. е. еще в 1762 г., и имеет ту же проблему с датировкой. «Если бы все дурные поэты представили себе, что на них смотрит Буало, они не имели бы странного намерения обессмертить себя, ни еще более нелепого плана прославлять подвиги героев. Шедевр гения, возвышенная эпопея должна быть достоянием только любимцев Аполлона. И нет ничего более возмутительного или, если угодно, забавного, чем звуки, которые извлекает из эпической трубы шевалье де Менвилье. Его не упрекнул в том, что он дурно выбрал героя; но непростительно, что он вздумал, будто способен достойно воспеть царя Петра Великого <...> так называемая эпическая поэма, самая скудная изобретением и самая вычурная в способе выражения из всех, какие являлись на свет. „Дева“ Шаплена, по сравнению с „Петреадой“, — „Энеида“...»

⁵ Менвилье был знаком с Готтшедом. Он нанес ему визит в июне 1746 г. и непосредственно вслед за тем написал письмо с просьбой о деньгах, поскольку, проигравшись, оказался в чрезвычайно затруднительном положении; он обещал вернуть 100 экю за 15 [Gottsched 2017: 436 ff. № 159].

[Rousseau 1762: 02–103; 120]⁶. Мы не знаем, является ли характеристика, данная нашему герою Фридрихом II, откликом на поэму, или же она принадлежит его личности в целом: «Бесплодный век, в котором мы живем, производит только Шуазелей, Бьютов, Менвилье...» [Frédéric 1851: 369]. Иоганн Готтхельф Линднер оценивает обе эпические поэмы Менвилье следующим образом: «„Петреада“ и „Человек-Бог“ то полны огня, то тусклы и вздорны» [Lindner 1772: 336]. Позднее Карло Денина, который также сочинит эпопею о Петре Великом, но в прозе и на итальянском языке, так резюмирует свои сведения о Менвилье и его творчестве: Менвилье «сыграл довольно комичную роль в прусской литературе... Он несколько раз вновь появлялся в Берлине, иногда одетый весьма изящно, иногда — в

⁶ Эта рецензия очень задела поэта. «Нам следовало бы скорее сообщить о приключении, которое случилось с г. П.Р. ... Шевалье де Менвилье... разоренный изрядным числом широко известных сумасбродств, пересек всю Германию и Россию с намерением найти какое-нибудь видное лицо, которое содержало бы его как литератора. То так, то эдак, то в карете, то пешком, будучи в Германии по возвращении из России, он узнал, что „Энциклопедический журнал“ опубликовал очень неблагоприятную оценку его Поэмы, при чтении которой он лишился чувств. Он искал Буйон на географической карте и, с трудом найдя его, уселся в почтовый экипаж, чтобы явиться лично и поспорить, как это делал дон Кишот с Дульсинеей, за честь и достоинство своего труда. Прибыв в Ганау, он поспешно вышел из экипажа; с ним случилось то несчастье, что колесо проехало по пяткам и раздавило их. С почты его доставили в больницу, где его вылечили, но с тех пор ему было трудно ходить. Этот несчастный случай не отвлек его от задуманного плана отомстить за нанесенное его труду оскорбление, что, как он утверждал, сделал буйонский журналист. Он отправился пешком из Ганау, держа в одном кармане свою библиотеку, а в другом вешалку для пальто, и — от кура к викарию — прибыл в Буйон в самом ветхом облачении. Его первой заботой было спросить, где остановился Журналист, и высказаться как можно красивее на его счет. Это высокий, худощавый человек, которого удовольствия начали изнурять, а самая ужасная нищета завершила это дело. У него были какие-то туфли без пряжек и без каблучков, очень плохие чулки, одежда, впрочем, сносная, двухнедельная черная борода, такого же цвета парик, который не закрывал половины головы, наконец, в высшей степени пугающее лицо. Будучи в таком виде, он обратился к г. П.Р., который утешился этого и чья жена также была ужасно напугана, чтобы спросить его, какие недостатки он нашел в его труде, что он так дурно к нему отнесся. Г. П.Р., принявший его за сбежавшего из сумасшедшего дома, сказал ему, что он там ничего подобного не нашел и что если в его газете говорится о нем что-нибудь плохое, то это, несомненно, один из его сотрудников, который воспользовался его отсутствием; это был самый мудрый способ, ибо Шевалье стал бы сражаться насмерть, защищая свою Поэму. Однако он успокоился на том, что сказал ему г. П.Р. в свое извинение, и, чтобы извинение было совершенным, заплатил за него в гостинице до следующего дня, когда попрощался с ним, моля Бога никогда его больше не видеть. Мы видим из этого, что г-н П.Р., всегда добрый, всегда милосердный, всегда приверженный принципам христианства, делает добро не только своим друзьям, но и своим врагам, потому что шевалье де Менвилье очень дурно обошелся с ним на словах, прежде чем идти к нему домой» [Malebranche 1771: 88–90].

рубище, кишасший паразитами, и просил милостыню. Он путешествовал от Парижа до Петербурга, а оттуда — до Константинополя или Лиссабона, непременно пешком, и просил гостеприимства у дворян в их владениях и у клира в их приходах. Не раз его обворовывали по пути... Это, так сказать, эпическая поэма, где нет, может быть, и десяти сносных стихов. Это единственное его произведение, которое было у нас перед глазами и которое всегда упоминают, когда речь идет о шевалье де Менвилье» [Denina 1790: 449–451]⁷.

Весьма любопытны подробности смерти нашего героя и связанных с ней событий. Немецкий издатель и литератор Христиан Август фон Бертрам пишет: «Через несколько часов после моего прибытия при хозяине доложили о незнакомце, совершенно сходном с авантюристом. Он вошел и представился несчастным шевалье де Менвилье, которого судьба забросила теперь в эти края. Мы были поражены, увидев в таком печальном состоянии человека, который раньше был закадычным другом маркиза д'Аржанса и когда-то играл такую заметную роль в Берлине. Наше удивление исчезло, когда он рассказал нам свою судьбу. Ранее он был призван в Россию и получил приличный пенсион за то, что писал эпическую поэму о Петре Великом. Его непрестанно преследовала неумолимая злоба Вольтера. Устав от ругани в адрес бедного рыцаря в утрехтских газетах, тот возымел намерение подорвать его положение в России. Менвилье отправил свою „Петреаду“ амстердамскому издателю. Вольтер сговорился с ним, и героическая поэма появилась с очень причудливой медной гравюрой⁸. — — — Эта гравюра, которая, несомнен-

⁷ В другом сочинении он свидетельствует о том, что на эпос Менвилье обратили внимание и его помнили. «Приглашенный в Берлин Фридрихом II, я занимал место в его академии по классу изящной словесности. Одна из первых прочтенных мною записок затрагивала причины крайней редкости эпических поэм, которые достигли бы успеха. Приводя и рассматривая с некоторыми подробностями сюжеты, которые история, как древняя, так и новая, могла бы предложить для этого жанра, я говорил о Петре Великом. Князь Долгорукий, посланник петербургского двора при берлинском, почтил меня присутствием в собрании, чтобы выслушать чтение моей записки, и говорил со мной о русском поэте Ломоносове, разрабатывавшем этот предмет; а мои академические собратья, Формей, Мериан и Беглен, рассказали мне по этому случаю о французском беглеце, который за несколько лет до того выпустил в свет поэму под заглавием „Петреада“» [Denina: 5–6].

⁸ О гравюре см. [Зименко, Любжин 2014]. В нижней части гравюры, там, где обычно размещается надпись, «был срочно помещен необычный графический отклик на животрепещущее событие... Использованы образы, внятные людям любой культурной традиции, но тем, кто знаком с французским „Романом о Лисе“ или немецким „Рейнике-Лисом“ особенно: в них есть сцена суда зверей над виновным барашком и затем его злодейское умерщвление хищниками якобы по приговору суда» (с. 59). Когда писалась эта статья, некоторые из приведенных здесь фактов не были мне известны.

но, не делала чести чувству юмора своего изобретателя, по всей видимости, по наущению самого Вольтера, была истолкована так, как он того хотел. Менвилье был обвинен в преступлении оскорбления величества, и только благодаря человеколюбию императрицы он избежал смерти и всего лишь был изгнан навсегда из Российской империи с потерей пенсионера. В своем путешествии недалеко от Данцига он опрокинулся с почтовым экипажем и, так как издержал на лечение все свои деньги, попал в ужасную нужду, в которой теперь пребывает. Таков был рассказ шеваляе, изложенный с такой энергией, что мы верили всему, что он говорил, и отнеслись к нему со всей симпатией. В своем несчастье он проявил очень живой дух. Он скитался по всей Европе, выказал выдающееся знание света, и искусство изображения характеров казалось его неотъемлемым свойством. Его экипировка была довольно забавной, и дорожную библиотеку он носил в подкладке» [Bertram 1778: 328–330]. Старые (т. е. отделенные от излагаемых событий наименьшим промежутком времени) биографические словари указывают, что Менвилье умер в Штольценберге недалеко от Данцига 12 июня 1776 г. [Les siècles littéraires 1801: 225–226; Fortsetzung 1813: 417–418].

Эти два эпизода связаны предместьем Данцига — в одном случае он указан как место смерти, в другом — как место дорожно-транспортного происшествия с серьезными последствиями. Кажется, есть способ воспринимать эти два сюжета как непротиворечивые, если допустить, что авантюрист Менвилье перед смертью сообщил некоторые подробности своей жизни какому-нибудь другому авантюристу, и тот решил выдать себя за странствующего шеваляе, чтобы поправить свое материальное положение. Понятно, что его рассказ (который мог быть приукрашен соединенными усилиями) не вполне соответствует действительности; но какое-то ядро истины в нем содержится. Не делая пока окончательного вывода по Вольтеру (обстоятельства ссоры с ним — отдельный вопрос, который мы здесь не рассматриваем), полагаем, что смертный приговор — вымысел, а опала с лишением пенсионера — правда. Газета начала выходить незадолго до появления процитированной нами публикации; однако же вряд ли дистанция между событием и его описанием настолько велика, чтобы описанная встреча могла состояться при жизни Менвилье, исходя из наших данных.

Обратимся к самому произведению и дадим его краткую характеристику. Для удобства читателя начнем с беглого очерка содержания.

Песнь I. Обращение к гениям-благодетелям России. Слабость царя Ивана; преобладание Швеции; коварство Софии; победа Петра над ней; он «сделал свою нацию счастливой навсегда, преобразуя

нравы и воздвигая твердыни, где разом зарождаются добродетели и искусства» (4). Священник обрекает вечному огню тех, кто отправляется в чужие края. «Гений русских, паря над миром, сам в себе чувствовал глубокую боль, видя сотню наций, которые своими разнообразными талантами обогащают природу, прославляют вселенную, в то время как Россия, погруженная в самое себя, видела, что о ней ничего не знает остальной мир, и что этот народ, увы! ловкий, но невежественный, презирает вселенную, которая смеется над его небытием» (5–6). Первое, что нужно, — общение между нациями. Но где наши гавани? Ангел-хранитель, гений России, является к Петру во сне. Без способности к творчеству то, что кажется великим, ничтожно. Петр избирает Лефорта. Речь Лефорта к Петру: любая война между европейскими народами — война гражданская и мимолетная, после чего все возвращается к прежнему взаимному обогащению. Русским нужно путешествовать, чтобы «утихомирить у себя ложное честолюбие, которое стыдится подражать другим нациям» (13). Нужен собственный пример. Петр, отвечая, хочет «сделаться творцом малой вселенной». Речь Петра о путешествиях в Думе. Дух гордыни, «дух независимости» подхватывает его слова и распространяет среди черни. Петра хотят погубить пожаром. Этот дух действовал против Цезаря, превратил апостола в верховного епископа, желал служить церкви, убивая королей. Петр восхищается Голландией; Витцен советует ему напасть на Швецию. Характеристика русских: «Много ума, но мало честолюбия, чтобы наконец выйти из тягостного невежества» (28).

Песнь II. Рассказ Петра Вильгельму Оранскому. Отношения с Софьей. Хованский и Голицын при Петре имели бы другую судьбу. Хитрость Софьи заключается в том, чтобы выдать бояр, верных Петру, за заговорщиков против Петра, и натравить на них стрельцов Хованского. Менвилье нарушает законы жанра: у него подробно описываются интриги, но почти нет трогательных или ужасных страниц.

Песнь III. Продолжение рассказа. Регентство Софьи; поход Голицына на Крым. Честолюбивые планы Голицына овладеть царской властью. Заговор стрельцов; бегство Петра с близкими в Троицкую лавру. Для взятия Азова не было кораблей. Азов взят; но уже тогда зарождаются планы войны со Швецией. Петр просит у Вильгельма корабли. Вильгельм отказывается, ссылаясь на необходимость помогать союзникам, и подбадривает Петра, рекомендуя вступить в союз с Данией и Польшей.

Песнь IV. В России гражданская война, и Петр возвращается из Германии. Характеристика партий в гражданской войне — «невежественная чернь», «едва заслуживающие включения в число лю-

дей», и желающие, чтобы их имя «было для всех бессмертным примером добродетели, мудрости и верности» (88). Первая партия поднимает стрельцов. Вернувшийся Петр их истребляет. Ангел-хранитель России стонет, но одобряет его действия. О Петре: «Его деспотическая власть — божественный луч для обоих союзников и для русского» (92). «Он чувствует, что люди, рожденные под различным небом, не могут смотреть на все одними и теми же глазами» (93). Лишь незначительное меньшинство мыслит и делает себя счастливыми, в то время как большинство ввергает себя в несчастья. Русским не хватало общества. Роль, которую должны были бы играть женщины. Прежний брак и новый. «Предательское благочестие» (104) монахов, мешающее росту населения. Петр, готовясь к войне, сам становится солдатом.

Песнь V. Союзники Петра и их намерения. Нападение на Нарву. Ангел-хранитель Швеции сообщает Карлу XII о тайных планах врагов. Характеристика шведского короля: «пламенный фанатизм» (113). По совету ангела-хранителя Петр отправляется к Шереметеву; его солдаты видят в шведских колдунов. Нарвская битва. Гений Швеции обращает против русских метель. Эпическое сравнение: битва тигров и львов. Победитель Карл отпускает солдат и удерживает офицеров. Высшие силы испытывают царя, достоин ли он сам себя. Петр спешит на помощь к Нарве; ему является лучезарный дух, который останавливает его: Петр стремится к славе или к гибели, но небеса решили предупредить его бесполезную смерть. Петр должен быть обязан своими победами только себе. «Честь самого достойного героя ослабляют, когда его успех приписывают божественным заговорам» (129).

Песнь VI. «Он пытается создать себе что-то из ничего» (131). Успокоительная ночь. Громада мира в сновидении Петра. Петр ищет, где расположен ад, и не находит такого места. «Наш Царь повсюду видит ад для порока, который летит по всей вселенной со своей карой» (135). Он ищет места небесных наград; перед ним разворачивается небо. Он чувствует повсюду Бога, повсюду видит небеса. Герои покрыты славой и светом не в силу военных доблестей, которые скорее стали бы причиной их несчастья, а в силу добродетелей. Здесь не блистает Александр Великий. Возможно, настанет время, когда человечество просветит система Пифагора. На римлян на небесах смотрят как на тиранов. Но там славен Митридат. Петр спрашивает: Митридата обвиняли в чрезмерной жестокости, и небо позволяет ли ему суровость? «Нет, нет, отвечает тот, — никогда суровость не будет жестокостью, когда она необходима. Как и ты, Митридат применял кары к друзьям-предателям, к неблагодарным детям» (143). Только таким образом можно преобразовать ужасные

обычаи народа, который считает их священными и мудрыми. Когда-нибудь потомки смогут править кротко. Величие Спартака и Аттилы. Картины русской истории, от Рюрика и его братьев-варягов до прихода к власти Романовых. Петр просит предков о наставлении; затем перед ним раскрывается будущее — вплоть до счастливой четы Петра III и Екатерины.

Приведем ключевой отрывок в стихотворном переводе:

«„Что вижу? Он страной моею овладеет,
И гордого врага племянник моего
В России для него готовит торжество?“
„Меняет, — дух речет, — сей ход судьба благая,
Губительной вражде исчезнуть помогая;
И ваших кровь семейств сей отпрыск съединит;
Для счастья общего навеки породнит,
И будут царствовать, могучей славой громки,
ПЕТРОВЫ внуки в ней и КАРЛОВЫ потомки“.
Царь рек: „Кого я зрю? Сей принц ко мне грядет,
И дочь его моя в величестве ведет.
Он славы — своего не видит достоянья;
Готовься же, перо, воспеть его деянья!
Как юноше к лицу воинственный наряд!
У трона сидя он подымлет к лаврам взгляд;
Но мудростью своей и кротостью совета
Стремится усмирить сей пыл Елизавета,
Хоть им от всей души любитесь она;
Ей помогает в том наследника жена,
Философ и герой. Науки оживляет
Сей ум, который в ней мир целый почитает“».

Песнь VII. Русские вновь в Ливонии. Вторая осада Нарвы. Перехват письма генерала Горна; Петр обманывает шведский гарнизон. Штурм города; Петр останавливает ярость собственной армии. Он «оказывается скорее отцом, чем победителем для побежденных» (178). Ливония в руках Петра. Карл желает видеть на польском престоле другого короля. На трон избран Станислав.

Песнь VIII. Слава Петра — быть творцом. Несчастная, лишенная даров природы Ингрия преобразается. Строительные работы в Петербурге. Попытки шведов им помешать тщетны. К полезному прибавляются искусства. Ангел-хранитель Швеции летит к Карлу через разоренную Польшу. Петр: «Если царь хочет быть вторым Александром и испепелить мою империю и трон, он не найдет во мне второго Дария» (198). Тактика Петра. Украина. Мазепа и его мечты о независимости. Нуждающаяся в провизии шведская армия по совету Мазепы отправляется к Полтаве. Царь расставляет шведам

ловушку. Обращение к гению с просьбой о помощи. Полтавское сражение⁹. Петр призывает стрелять в беглецов — и в него, если он побежит. Победа Петра и бегство Карла. Преследовать его отправлен Меншиков. Поединок Меншикова и Левенгаупта. Левенгаупт сдается, говоря, что он уже спас короля и делает это ради спасения своих солдат. Петр велит вернуть пленным оружие, желая, чтобы они населили его провинции.

Песнь IX. Благотворная сила любви. Екатерина. Ангел-хранитель Швеции отправляется к берегам Киферы. Он задумал использовать как орудие спасения Швеции нечистую любовь. Ангел-хранитель России желает свести Петра с его будущей супругой. Политика следит за Карлом в Турции. Агент Понятовский сумел склонить на его сторону султаншу-мать, обвинив перед ней визиря, что тот подкуплен Петром. Она вступает за Карла перед султаном. Против Петра выступает и крымский хан. Султан меняет визиря и собирает армию в Адрианополе. Терпимость царит в Турции; у христиан не так. Надежда на помощь христианских народов обманывает. Голод в русской армии. Царь желает битвы. Екатерина отговаривает его. Ее золото блестит в глазах турок, и они соглашаются на мир. Вознаграждение со стороны Петра.

Песнь X. Перенос войны на море. Кораблестроение (сравнение с бобрами). Петр обращается к русским: наука перешла из Египта, колыбели изящных искусств, к римлянам, наполнив Италию, приблизилась к Франции, ее любезным законам подчинились англичане и немцы, и враг — Швеция; Польша блистает ими; неужели же от них откажутся русские? Действия русского флота против шведского. Петр страдает побежденным врагам и оказывает им помощь. Карл возвращается в Швецию. Бой Карла с турками. Симпатии Петра к отважному шведскому королю. Подчинение Петру соединенного флота Англии, Голландии и Дании. Он проникает в замыслы этих стран, желающих разделить Швецию. Министр Карла Гёрц предлагает Петру мир и союз. Условия уже намечены, но Карл погибает. Союзники, прежде боявшиеся его, теперь опасаются и ненавидят Петра. Ангел-хранитель России убеждает ангела шведов не противиться определениям небес. Мир. Европа признает Петра Великим и императором. Мудрецы будут всегда восхвалять Петра как творческий дух.

⁹ «Русские не были уже той массой войск, которую Нарва видела под своими стенами рассеянной; Петр потрудился, чтобы привести на бой русского, достойного, чтобы его называли солдатом» (206). Отметим возможную перекличку со знаменитым пушкинским описанием в III песни «Полтавы». Как и у Пушкина, у Менвиля эти слова следуют непосредственно за репликой, посвященной Карлу XII.

Мы не можем согласиться с мнением, будто «Петреада» ориентируется на «Генриаду», в таком радикальном смысле. Среди эпических поэм первого ранга десять песней содержат три — «О гражданской войне» Лукана (по-видимому, незаконченная), «Лузиады» Камоэнса и, наконец, «Генриада». Рассмотрим расположение основополагающего структурного элемента — пророчества. У Лукана оно помещено в VI песни; у Камоэнса — в последней; у Вольтера — в седьмой. Совпадение с Луканом, в силу характера эпоса, может быть случайным; но если полагать, что по замыслу там должно было быть двенадцать книг, шестая фланкировала бы ось симметрии слева; шестая из десяти делает то же самое справа. Думаем, таким образом, что со структурной точки зрения Лукан ближе Менвилье, чем Вольтер. Кроме того, Вольтер излишне грешит ретардациями; Менвилье, который укладывает всю Северную войну, кроме первой Нарвы, с Прутским походом в четыре последних песни, в них несколько не нуждается. Складывается даже впечатление (проверить его невозможно), что изначальный замысел Менвилье был именно в двенадцати книгах; об этом говорит растянутость первой части и сжатость второй; возможно, срок исполнения заказа заставил автора перестроиться на ходу. Тогда основным структурным ориентиром стал бы Вергилий. Впрочем, это не более чем догадки.

«Петреада» — эпос во многом оригинальный; но вряд ли это идет ей на пользу. Практически полностью отсутствует традиционная эпическая топка (вплоть до того, что в эпосе только одно описание единоборства, и оно не имеет решительного исхода)¹⁰. Нет аллегорий (в отличие прежде всего от того же Вольтера); кроме людей, в действительности участвуют только гении-хранители России и Швеции. Очень мало трогательных и страшных страниц; и это — не только в исполнении, но и в замысле; остаются основополагающие структурные элементы — обращение небесного вестника к Петру, побуждающее его действовать, и пророчество о будущем величии (оно сопровождается у Менвилье ретроспективой; само по себе это не новшество — приведем пример пространного исторического нарратива у Камоэнса; но совмещение ретроспективы и перспективы в едином пророческом блоке, как представляется, является новшеством Мен-

¹⁰ Приведем одно исключение: «Герой не является великим человеком и не должен стяжать славу, кроме как в той мере, как он одерживает победу над собой» (с. 154). Этот топос выходит далеко за эпические рамки. Ср. «Генриада», IX, 329: «Me vaincre est désormais ma plus belle victoire», «Отныне победа над собой — прекраснейшая моя победа», ср. также Joh. Christoph Gottsched, *Sterbender Cato*, III, 3: «Und mache, daß dich einst das hohe Lob vergnügt, / Seht! Cäsar ist ein Held, der auch sich selbst besiegt», «И довольствуйся только возвышенной любовью. Смотрите! Цезарь — герой, который побеждает и сам себя». Ср. Сумароков, «Ярополк и Олег», I, 3): «Победа над собой славнейша из побед».

вилье. Прямая структурная параллель с «Генриадой» — любовная тематика IX песни (Екатерина I и Габриэль д'Эстре). Но смысл их не тождествен: у Вольтера этот эпизод — ретардация, очередное препятствие на пути Генриха к трону.

Подытоживая написанное, сформулируем выводы: выбор И.И. Шуваловым Женю-Соала де Менвилье на роль автора эпической поэмы о Петре Великом опирался на его собственные читательские впечатления, и здесь вкус изменил вельможе, причем не только в чисто поэтической области, но и в человеческой — избранный им исполнитель был авантюристом. Написание «Петреады» было оформлено как оплачиваемый заказ. Однако же воплощение в жизнь этого замысла осуществилось в неподходящую эпоху и привело автора к служебной катастрофе. Диапазон критических реакций — от умеренного одобрения до резкого неприятия. Фаворит императрицы Елизаветы в данном случае не достиг своих целей. Было бы интересно рассмотреть его идеологическую концепцию в контексте использования фигуры Петра в русской пропаганде, адресованной западноевропейским странам¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зименко Е.В., Любжин А.И. Две гравюры в «Петреаде» шевалье де Менвилье // Русские портреты XVIII–XX вв. Материалы по иконографии. Вып. III. 2014. С. 89–93.
2. История Московского Университета (Вторая половина XVIII — начало XIX века). Сборник документов. Т. III. 1757. Составитель, автор вступительных статей и примечаний Д.Н. Костышин. М., 2014.
3. Мильчина В. «Французские варвары, русские парижане и еврейские гаучо: Конференция „Образ иностранца: французы в России, русские во Франции“» (Париж, 10–12 апреля 2008 г.). [Электронный ресурс]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/milchina-francuzskie-varvary.htm> (дата обращения: 02.07.2022)
4. [Шашикова А.Е.]. Алексеевские чтения 17–20 сентября 1996 г. // Русская литература. Историко-литературный журнал. № 3. 1997. С. 209–212.
5. [Bertram, Christian August von]. Litteratur und Theater Zeitung. Des ersten Jahrganges erster Theil. Berlin, bey Arnold Wever. 1778. No. XXI. Berlin, den 23. May. 1778.
6. La Pétréade, ou Pierre le créateur, Poëme (sic! А. Л.) par M. G.-S. Chevalier de Mainvilliers. A Amst. chez J. H. Schneider. 1763. in 8. maj. // Das Neueste aus der anmuthi-

¹¹ Отдельный вопрос для пушкинистов: могла ли наша «Петреада» подразумеваться в 23-й строфе V главы «Евгения Онегина»? В комментарии В.В. Набокова [Nabokov 1964: 516–517] этот эпос не упоминается (вероятность, что имеется в виду именно он, уж во всяком случае ничуть не меньше, чем у упомянутой в комментарии трагедии Дора). Из названных Набоковым книг собственно «Петриадой» называется только эпос А.Н. Грузинцева.

- gen Gelehrsamkeit. Windtmond. 1762. Leipzig, Bey Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn. Num. XI. 1762. S. 830–837.
7. *Denina C.* Notice d'un ouvrage intitulé, dans la traduction française: Pierre le Grand, par Charles Denina. S. I. et a. De l'imprimerie de Mame frères. 1810?
 8. *Denina C.* La Prusse littéraire sous Frédéric II ou Histoire abrégée de la Plupart des auteurs, des académiciens et des artistes qui sont nés ou qui ont vécu dans les États prussiens depuis MDCCXL jusqu'à MDCCLXXXVI. Par ordre alphabétique. Précédée d'une Introduction ou d'un Tableau général des progrès qu ont faits les arts & les sciences dans les pays qui constituent la Monarchie prussienne. Par Mr. l'Abbé Denina. T. II. A Berlin: Chez H. A. Rottmann, Libraire du Roi. MDCCXC.
 9. Édition électronique revue, corrigée et augmentée du Dictionnaire des journalistes (1600-1789). <https://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journalistes>.
 10. Fortgesetzte Nachrichten von dem Zustande der Wissenschaften und Künste in den Königl. Dänischen Reichen und Ländern. Zweyter Band. Kopenhagen und Leipzig: Bey Friedrich Christian Pelt, 1760. S. 66–75.
 11. Fortsetzung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers worin die Schriftsteller aller Stände nach ihren vornehmsten Lebensumständen und Schriften beschrieben werden. Hg. von Johann Christoph Adelung und vom Buchstaben K fortgesetzt von Heinrich Wilhelm Rotermund... B. IV. Bremen: gedruckt bey Georg Jöntzen, und in Comission bei J. G. Heyse. 1813.
 12. Au Marquis d'Argens. Péterswaldau, 30 octobre 1762 // Œuvres de Frédéric le Grand. T. XVIII. Berlin MDCCCLI. Chez Rodolphe Decker, Imprimeur du Roi. P. 368–370.
 13. *Gottsched J.C.* Briefwechsel unter Einschluß des Briefwechsels von Luise Adelgunde Victorie Gottsched. Band 11: Oktober 1745 — September 1746. Herausgegeben und bearbeitet von Caroline Köhler, Franziska Menzel, Rüdiger Otto und Michael Schlott. De Gruyter. [Göttingen]: 2017.
 14. Les siècles littéraires de la France ou Nouveau Dictionnaire, historique, critique et bibliographique, De tous les Ecrivains français morts et vivans jusqu'à la fin du XVIIIe. siècle. Contenant: 1°. Les principaux traits de la vie des Auteurs morts avec des jugemens sur leurs ouvrages; 2°. Des Notices bibliographiques sur les Auteurs vivans; 3°. L'indication des différentes Editions qui ont paru de tous les Livres français, de l'année où ils ont été publiés, et du lieu où ils ont été imprimés. Par N.-L.-M. Desessarts, et plusieurs biographes. T. IV. A Paris: Chez l'Auteur, Imprimeur-Libraire, Place de l'Odéon. An IX. (1801.). S. v. Mainvilliers.
 15. *Lindner J.G.* Kurzer Inbegrif der Aesthetik, Redekunst und Dichtkunst: Zweiter Theil, der die Rhetorik und Poetik in sich faßt. Königsberg und Leipzig: bey J. D. Zeisens Wittwe und J. H. Hartungs Erben. 1772.
 16. *Mainvilliers G.-S. de.* La Pétréade, ou Pierre le créateur, par Mr. G.-S. chevalier de Mainvilliers. A Amsterdam: Chez J. H. Schneider. M DCC LXII & M DCC LXIII.
 17. Le Microscope bibliographique. Première et nouvelle édition, Revûë, corrigée & diminuée. A Amsterdam: M.DCC.LXXI.
 18. *Mézin A., Rjéoutski V.* Les Français en Russie au siècle des Lumières: dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier, Ferney-Voltaire, Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. V. 2.
 19. *Pushkin A.* Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by Vladimir Nabokov. V. II. Commentary on Preliminaries and Chapters One to Five. Bollingen Series LXXII. Copyrighted 1964 by Bollingen Foundation.

20. *Rjeoutski V.*, éd., *Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, 1750-1880*, Paris: L'Harmattan, 2016. Ch. 7. Un journaliste Français héraut de l'éducation publique en Russie: le baron Théodore-Henri de Tschudy. P. 233–246.
21. *La Pétréade, ou Pierre le créateur*. Par M. G. S. Chevalier de Mainvilliers. A Amsterdam, chez J. Schneider, 1763 // *Journal encyclopédique, Dédié à Son Altesse Sérénissime, Mgr. le Duc de Bouillon, &c. &c. &c. T. VIII. 2e partie. Décembre 1762*. A Bouillon: De l'Imprimerie du Journal, Avec Approbation & Privilège. [Ed. Pierre Rousseau]. P. 102–120.

REFERENCES

1. Alexandr Pushkin. Eugene Onegin. A Novel in Verse. Translated by Vladimir Nabokov. V. II. Commentary on Preliminaries and Chapters One to Five. Bollingen Series LXXII. Copyrighted 1964 by Bollingen Foundation.
2. Anne Mézin et Vladislav Rjéoutski. *Les Français en Russie au siècle des Lumières: dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier*, Ferney-Voltaire, Centre international d'étude du XVIIIe siècle, 2011. V. 2. (In French)
3. *Au Marquis d'Argens. Péterswaldau, 30 octobre 1762* // *Œuvres de Frédéric le Grand. T. XVIII. Berlin MDCCCLI. Chez Rodolphe Decker, Imprimeur du Roi. P. 368–370*. (In French)
4. [Bertram, Christian August von]. *Litteratur und Theater Zeitung. Des ersten Jahrganges erster Theil*. Berlin, bey Arnold Wever. 1778. No. XXI. Berlin, den 23. May. 1778. (In Germ.)
5. Denina, Carlo. *La Prusse littéraire sous Frédéric II ou Histoire abrégée de la Plupart des auteurs, des académiciens et des artistes qui sont nés ou qui ont vécu dans les États prussiens depuis MDCCXL jusqu'à MDCCLXXXVI*. Par ordre alphabétique. Précédée d'une Introduction ou d'un Tableau général des progrès qu ont faits les arts & les sciences dans les pays qui constituent la Monarchie prussienne. Par Mr. l'Abbé Denina. T. II. A Berlin: Chez H. A. Rottmann, Libraire du Roi. MDCCXC. (In French)
6. Denina, Carlo. Notice d'un ouvrage intitulé, dans la traduction française: *Pierre le Grand*, par Charles Denina. S. l. et a. De l'imprimerie de Mame frères. 1810? (In French)
7. Édition électronique revue, corrigée et augmentée du Dictionnaire des journalistes (1600-1789). <https://dictionnaire-journalistes.gazettes18e.fr/journalistes>. (In French)
8. *Fortgesetzte Nachrichten von dem Zustande der Wissenschaften und Künste in den Königl. Dänischen Reichen und Ländern. Zweyter Band*. Kopenhagen und Leipzig: Bey Friedrich Christian Pelt, 1760. S. 66–75. (In Germ.)
9. *Fortsetzung und Ergänzungen zu Christian Gottlieb Jöchers worin die Schriftsteller aller Stände nach ihren vornehmsten Lebensumständen und Schriften beschrieben werden*. Hg. von Johann Christoph Adelung und vom Buchstaben K fortgesetzt von Heinrich Wilhelm Rotermund... B. IV. Bremen: gedruckt bey Georg Jöntzen, und in Comission bei J. G. Heyse. 1813. (In Germ.)
10. Gottsched, Johann Christoph. *Briefwechsel unter Einschluß des Briefwechsels von Luise Adelgunde Victorie Gottsched. Band 11: Oktober 1745 — September 1746*. Herausgegeben und bearbeitet von Caroline Köhler, Franziska Menzel, Rüdiger Otto und Michael Schlott. De Gruyter. [Göttingen]: 2017.

11. Istoriia Moskovskogo Universiteta (Vtoraya polovina XVIII — nachalo XIX veka). Sbornik dokumentov. T. III. 1757. Sostavitel', avtor vstupitel'nykh statei i primechanii D.N. Kostyshin. M.: Academia, 2014. // History of Moscow University (second half of the 18th century — beginning of the 19th century). Collection of documents. VOL. III. 1757. Compiler, author of introductory articles and notes D.N. Kostyshin. Moscow: Academia, 2014. 813 p. (In Russ.)
12. La Pétréade, ou Pierre le créateur, Poème (sic! A.Л.) par M. G.-S. Chevalier de Mainvilliers. A Amst. chez J. H. Schneider. 1763. in 8. maj. // Das Neueste aus der anmuthigen Gelehrsamkeit. Windtmond. 1762. Leipzig, Bey Bernhard Christoph Breitkopf und Sohn. Num. XI. 1762. S. 830–837. (In Germ.)
13. La Pétréade, ou Pierre le créateur. Par M. G. S. Chevalier de Mainvilliers. A Amsterdam, chez J. Schneider, 1763 // Journal encyclopédique, Dédié à Son Altesse Sérénissime, Mgr. le Duc de Bouillon, &c. &c. &c. T. VIII. 2e partie. Décembre 1762. A Bouillon: De l'Imprimerie du Journal, Avec Approbation & Privilège. [Ed. Pierre Rousseau]. P. 102–120. (In French)
14. Le Microscope bibliographique. Première et nouvelle édition, Revûë, corrigée & diminuée. A Amsterdam: M.DCC.LXXI. (In French)
15. Les siècles littéraires de la France ou Nouveau Dictionnaire, historique, critique et bibliographique, De tous les Ecrivains français morts et vivans jusqu'à la fin du XVIIIe. siècle. Contenant: 1°. Les principaux traits de la vie des Auteurs morts avec des jugemens sur leurs ouvrages; 2°. Des Notices bibliographiques sur les Auteurs vivans; 3°. L'indication des différentes Editions qui ont paru de tous les Livres français, de l'année où ils ont été publiés, et du lieu où ils ont été imprimés. Par N.-L.-M. Desessarts, et plusieurs biographes. T. IV. A Paris: Chez l'Auteur, Imprimeur-Libraire, Place de l'Odéon. An IX. (1801.). S. v. Mainvilliers. (In French)
16. Lindner, Johann Gotthelf. Kurzer Inbegrif der Aesthetik, Redekunst und Dichtkunst: Zweiter Theil, der die Rhetorik und Poetik in sich faßt. Königsberg und Leipzig: bey J. D. Zeisens Wittwe und J. H. Hartungs Erben. 1772. (In Germ.)
17. Mainvilliers, Genu-Soalat de. La Pétréade, ou Pierre le créateur, par Mr. G.-S. chevalier de Mainvilliers. A Amsterdam: Chez J. H. Schneider. M DCC LXII & M DCC LXIII. (In French)
18. Mil'china V. «Frantsuzskii varvary, russkii parizhane i evreiskii gauchos: Konferentsia „Obraz inostrantsa: frantsuzy v Rossii, russkii vo Frantsii“» (Parizh, 10–12 aprelya 2008 g.) // Milchina V. “French barbarians, Russian Parisians and Jewish gauchos: The Image of the Foreigner: The French in Russia, the Russians in France” conference (Paris, 10-12 April 2008). URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/milchina-francuzskie-varvary.htm> (accessed: 2.07.2022). (In Russ.)
19. [Shashkova A.E.]. Alekseevskii chteniya 17–20 sentyabrya 1996 g. // Russkaya literatura. Istoriko-literaturnyi zhurnal. № 3. 1997. S. 209–212. // [Shashkova A.E.]. Alekseev Readings 17-20 September 1996 // Russian Literature. Journal of History and Literature. № 3. 1997. P. 209-212. (In Russ.)
20. Vladislav Rjeoutski, éd., Quand le français gouvernait la Russie. L'éducation de la noblesse russe, 1750-1880, Paris: L'Harmattan, 2016. Ch. 7. Un journaliste Français héraut de l'éducation publique en Russie: le baron Théodore-Henri de Tschudy. P. 233–246. (In French)
21. Zimenko E. V., Lyubzhin A. I. Dve gravyury v “Petreade” chevalie de Menvilie. // Russkii portrety XVIII–XX vv. Materialy po ikonografii. Vyp. III. 2014. S. 89–93. //

Zimenko E. V., Lyubzhin A. I. Two engravings in 'Petreade' by Chevalier de Menvilliers // Russian portraits of XVIII-XX centuries. Materials on iconography. Vol. III. 2014. P. 89-93. (In Germ.)

Поступила в редакцию 11.10.2023
Принята к публикации 20.12.2023
Отредактирована 18.02.2023

Received 11.10.2023
Accepted 20.12.2023
Revised 18.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Алексей Игоревич Любжин — доктор филологических наук, директор Департамента истории Университета Дмитрия Пожарского; эксперт Лаборатории междисциплинарного анализа социума, культуры и истории (МАСКИ) Национального исследовательского университета «Московский физико-технический институт»; vultur@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey I. Lyubzhin — Prof. Dr., Head of the Department of History, Dmitry Pozharsky University; Expert, Laboratory for Interdisciplinary Analysis of Society, Culture and History (IASCH), National Research University Moscow Institute of Physics and Technology; vultur@mail.ru.

Б.Ф. ЕГОРОВ — МЕМУАРИСТ

В.Ш. Кривонос

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Россия; vkrivonos@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются особенности мемуарного повествования в воспоминаниях Б.Ф. Егорова, которые отличает как особый интерес к личной истории, вписанной в общий исторический ход, так и потребность вновь возвращаться в памяти к посещенным ранее знаменательным местам. Увлеченность воспоминаниями соединилась в биографии автора, отмеченной неутолимой тягой к странствиям, с любовью к путешествиям. Воспоминания становятся странствием по местам личной памяти и предстают как путешествие вглубь личной истории. Будучи историком русской культуры, тем, кто профессионально занимается прошлым и интерпретирует события прошлого, автор воспоминаний ясно сознает, что события эти непременно оставляют след если не в документах, то в человеческой душе, так что прошлое продолжает жить в настоящем и оказывать на него воздействие. Воспоминания Б.Ф. Егорова служат способом не только воспроизведения, но и преобразования картин прошлого, высветившихся в памяти мемуариста: неповторимость личности и уникальность частной биографии позволяют по-новому увидеть и осмыслить все, что произошло в жизни общества и человека.

Ключевые слова: Б.Ф. Егоров; мемуары; история; память; личность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-10

Для цитирования: Кривонос В.Ш. Б.Ф. Егоров — мемуарист // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 141–151.

B.F. EGOROV AS MEMOIRIST

Vladislav Krivonos

*Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia;
vkrivonos@gmail.com*

Abstract: The article examines the features of memoir narration in the memoirs of Boris Egorov, distinguished by both a special interest in personal history, inscribed in the general historical course, and the need to return again in memory to previously visited significant places. A passionate love of memories is combined in the author's biography, marked by an unquenchable thirst for wandering, with a fondness for travel. Memories become a journey through the places of personal memory and appear as a journey into the depths of personal history. As a historian of Russian culture, one who professionally deals with the past and interprets the events of the

past, the author of the memoirs clearly understands that these events will certainly leave a mark, if not in documents, then in the human soul, so that the past continues to live in the present and to influence it. Memories of Boris Egorov are a way not only of reproducing, but also transforming pictures of the past, highlighted in the memory of the memoirist: the uniqueness of personality and the uniqueness of private biography allow us to see and comprehend everything that happened in the life of society and individuals in a new way.

Key words: B.F. Egorov; memoirs; history; memory; personality

For citation: Krivonos V. (2023) B.F. Egorov as Memoirist. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 141–151.

В первой книге «Воспоминаний» Б.Ф. Егоров, выделив «две противоположные крайности по отношению к личной истории», специально отметил свою осознанную принадлежность не к тем, кто «принципиально зачеркивает память», но к тем, кто «хочет вспоминать» и «посещать знаменательные места своей молодости» [Егоров 2004: 9]. А в книге «Воспоминания-2», описав колебания, охватившие его, когда он задумал написать о своей жене, Софье Александровне Николаевой, признается, что в результате «победила многолетняя и страстная любовь к воспоминаниям» [Егоров 2013: 241]. В этой же книге он существенно расширил список посещенных им *знаменательных мест*, подчеркнув тем самым свою тоже многолетнюю страсть к путешествиям, объединив воспоминания о них в особый раздел, куда включил наряду со *степенями детства* и Воронеж, где провел два дня в ранней молодости и куда вновь вернулся и вновь на два дня много лет спустя, чтобы показать понравившийся город дочери и зятю, и американский Гранд-Каньон, позволивший пережить наслаждение «фантастической силы» [Егоров 2013: 303], и поездку поездом во Владивосток и обратно, наконец-то осуществившуюся «мечту детства» [Егоров 2013: 310], и увиденные в последние десятилетия малые русские города, напомнившие о Старом Осколе, где прошло детство, и долго тревожившие воображение города итальянские, где удалось побывать лишь «в постсоветское время» [Егоров 2013: 323].

Свойственная Б.Ф. Егорову «неутолимая тяга к странствиям» свидетельствует «об одиссеевом архетипе» [Комуцци (Татару) 2016: 18] в его характере, который нашел выражение и в организации мемуарного повествования, когда воспоминания становятся странствием по местам личной памяти и предстают как путешествие вглубь личной истории. Называя себя создателем «собственного мемуарного жанра» [Фризман 2016: 114], он, можно предположить, имел в виду такое свойство написанных им воспоминаний, состоящих из очерков, внешне различающихся по жанровым приметам,

как стремление вписать «личную судьбу в общий исторический ход» и раскрыть «историчность», при всем индивидуальном своеобразии, своих личных качеств, «их связь с эпохой» [Егоров 2004: 11]. При-
сущая воспоминаниям Б.Ф. Егорова установка на достоверность, способствующая осознанному желанию объективно воспроизводить прошлое, сочетается с их автобиографичностью; отсюда устойчивое равновесие в мемуарном повествовании объективного и субъективного в описании и событий, и людей. И если ему важно, анализируя и характеризуя эстетические принципы и политические взгляды героев своих научных работ, показать вместе с тем, что это «живые люди с их живым словом, со всеми их заблуждениями» [Шукин 2016: 123], то в мемуарных очерках на первый план выходят именно оригинальные человеческие черты и качества тех, о ком Б.Ф. Егоров вспоминает, что позволяет увидеть их как *живых людей*.

Сознавая и всякий раз вновь открывая реальную сложность и многомерность жизни, он всюду в воспоминаниях, погружаясь в исторический контекст описываемых событий, пытается уйти от однозначных суждений и простых оценок. Такова важная особенность мемуарного мышления Б.Ф. Егорова, стремящегося избежать участи пленника прошлого и воссоздать образ времени во всей его конкретике.

Характерно в этом смысле описание им деятельности и личности Федора Дмитриевича Клемента, ректора Тартуского университета в 1950–1960-е годы, типичного, казалось бы, партийца, которого повышение в ранге не только, вопреки обыкновению, не испортило (вкус власти!), но, напротив, ускорило его нравственный рост. А дело в том, что он, как оказалось, «хорошо понимал, что такое настоящий вузовский преподаватель и что такое наука» [Егоров 2004: 234]. Именно благодаря помощи и поддержке эстонского ректора, его выдающимся человеческим качествам, Б.Ф. Егорову удалось сформировать замечательную кафедру, наладить вместе с коллегами выпуск кафедральных изданий и организовать регулярно проводимые конференции.

Рассказывая же о двоюродном дяде жены, А.А. Васильеве, которого он именует (в самом названии очерка) *циничным коммунистом* и *хорошим человеком*, не раз использовавшим партийные связи, чтобы помочь родственникам получить недоступные другим блага, Б.Ф. Егоров признается, что воспоминание о связывавших их *общих сюжетах* заставляет нравственно *ежиться* из-за причастности, пусть и вынужденной условиями жизни, «обману» и «цинизму» [Егоров 2013: 125]. В отличие от мемуаров, «где только самому автору удается сохранить крахмальную белизну одежд» [Бернштейн 2003: 344], Б.Ф. Егоров, выстраивая свою личную историю, не пытается утаить

правду ни о людях, окружавших его, ни о самом себе, не всегда лестную для самолюбия и самооценки, и не перекладывает ответственность с личности на время и обстоятельства.

Желание оставаться «максимально объективным» и в самохарактеристиках, и в характеристиках других людей, хотя, как понимает Б.Ф. Егоров, бывают моменты, когда «не избежать субъективных пристрастий» [Егоров 2004: 330], проявляется в мемуарных зарисовках как близких ему людей, с которыми он был связан многолетними дружескими отношениями, так и тех, с кем разделяла его психологическая и нравственная несовместимость. При этом он старается следовать (допуская лишь отдельные исключения, если считает их оправданными) избранному им методу: стремлению говорить только правду и избегать даже культурного лицемерия, когда в силу определенных обстоятельств приходится говорить о человеке не то, что на самом деле о нем думаешь.

Так, рисуя человечески привлекательный для него образ Я.С. Билинкиса, замечательного историка литературы и педагога, Б.Ф. Егоров осложняет его описанием обычно спрятанных в глубине, но иногда все же раскрывавшихся душевных качеств, не слишком приятных в общении, таких, например, как «сальерианство», ощущаемое в «постоянно негативном отношении к Ю.М. Лотману» [Егоров 2004: 334]. Но уникальный и драматичный путь ученого невозможно было, как полагает мемуарист, осмыслить, не учитывая присущего его личности «сложного комплекса черт» [Егоров 2004: 335].

Иного рода ситуация описана в заметке о Ф.Я. Прийме, не отличавшемся, по мнению Б.Ф. Егорова, «творческими умственными способностями» [Егоров 2004: 385], но занимавшем разные административные посты и своими действиями многим закрывшем «путь в науку» [Егоров 2004: 387]. Вместе с тем не остались без внимания автора, не склонного к односторонним и прямолинейным суждениям, и «достоинства ученого мужа», обнаруженные в ряде его статей, и «некоторые его человеческие свойства», демонстрирующие, что он «в личной жизни мог быть совсем другим» [Егоров 2004: 387–388].

Создаваемые Б.Ф. Егоровым портреты людей, героев его воспоминаний, могут быть объемными и детализированными, а могут — профильными и эскизными, но везде он счастливо избегает черноты тонов и пытается уловить особые оттенки личностных проявлений, куда более точно и конкретно характеризующие его модели. Конечно, личные отношения с тем или иным человеком так или иначе определяют конкретные оценки, в той или иной степени субъективные (кажутся ли они таковыми или на самом деле являются), но никоим образом не влияют на правдивость портретных описаний. Показательно при этом, что свидетельствует о нравствен-

ных приоритетах мемуариста, стремление выделить и подчеркнуть особо ценимые им человеческие качества коллег.

Если А.М. Астахова, крупный фольклорист, ставшая волею обстоятельств руководителем Б.Ф. Егорова в аспирантуре, «приятно удивила» его «своей добросовестностью» [Егоров 2013: 1140], внимательно прочитывая приносимые ей черновики и тщательно вникая в проблематику диссертации на историко-литературную тему, то в С.А. Рейсере, его старшем и близком друге, отмечает он такое «характерное человеческое свойство», как «надежность», проявляющееся и в научных работах, и в личных отношениях: «На него можно было положиться» [Егоров 2013: 192]. Рассказывая о психологических и житейских качествах З.Г. Минц, которую он знал не одно десятилетие, Б.Ф. Егоров особо подчеркивает ее органичную и широкую «доброту», обнаруживаемую «в самых различных сферах: человеческая отзывчивость, материальная помощь, обильные научные консультации, щедрая раздача идей и фактов» [Егоров 2004: 292]. А в Д.С. Лихачеве, выдающемся ученом и человеке, особенно привлекает (наряду с другими чертами его личности) способность открыто признавать, если в этом мог убедиться, свою неправоту; узнав, что коллега, вызвавшая было его резкое недовольство, не виновата в досадной оплошности, он сразу «пошел извиняться. Это важно и хорошо» [Егоров 2013: 178].

Б.Ф. Егоров, что надо специально подчеркнуть, предстает в своих воспоминаниях портретистом, владеющим главным секретом, без которого портреты превращаются в холодные (пусть даже и мастерски сделанные) копии: умением за внешними чертами увидеть и понять сущность человека. И показать, как она раскрывалась в конкретных жизненных обстоятельствах.

Иногда он идет от общего к частному, как в очерке о Е.А. Маймине, когда сначала излагает свое понимание интеллигентности и понятия «русский интеллигент», называя такие его признаки, как «превосходство духовных интересов над материальными и служение людям», а затем рисует по-человечески очень привлекательный портрет псковского профессора, с которым его связывали долгие годы научного общения, «образцового, типического представителя русской интеллигенции» [Егоров 2004: 405].

А в «Слове о Б.О. Кормане» мысль мемуариста движется иным путем. Проследившая научный и жизненный путь создателя теории автора и исторической теории многоголосия, которому, к сожалению, «не встретился второй Клемент», так что ему, при всей его стойкости, не так просто было отстаивать, работая в провинции и постоянно сталкиваясь с самодурством «местных сатрапов» [Егоров 2004: 401], свои научные и человеческие принципы, Б.Ф. Егоров при-

ходит к обобщающим выводам о драматических судьбах провинциальных ученых-интеллигентов, которых отторгала или преследовала «люмпенско-мещанская власть» [Егоров 2004: 404].

Вообще мемуарные очерки Б.Ф. Егорова отличает особый интерес именно к судьбам его коллег, ученых-филологов, как они складывались в описываемую историческую эпоху, к трагическим поворотам той или иной личной судьбы, к борьбе человека с судьбой и к способам противостояния неблагоприятной судьбе. Что же касается его собственной позиции, нравственной и человеческой, то он неизменно, как свидетельствуют приводимые им факты, принимал горячее участие в судьбе коллег, попавших в трудную жизненную ситуацию, и стремился не просто морально поддержать, но и помочь делом.

Так, ему практически удалась попытка перетянуть в Тарту опального Ю.Г. Оксмана, оказавшегося после возвращения из лагеря профессором в Саратове, где он «чувствовал себя очень неуютно» [Егоров 2004: 305]. Хотя она и «неудачно закончилась» (Ю.Г. Оксман по ряду причин не решился покинуть Саратов), но «творческие связи» не прерывались и «в дальнейшем еще более укрепились» [Егоров 2004: 307]. А вот Ю.Н. Чумакову, тоже человеку «очень тяжелой судьбы» [Егоров 2013: 245], но сумевшему, несмотря на многочисленные препятствия, реализовать себя в науке и добиться признания коллег (достаточно сказать, что первым оппонентом на защите его диссертации выступил Ю.М. Лотман), Б.Ф. Егоров с друзьями помогли после «остепенения» [Егоров 2013: 245] выбраться из глухомани и включиться в активную научную жизнь.

Особое место в биографии Б.Ф. Егорова, отмеченной знакомством и встречами с крупнейшими учеными-гуманитариями минувшего века, в которой органично соединились такие центры отечественной филологии, как Тарту и Ленинград-Петербург, занимает особенно близкий его сердцу Ю.М. Лотман. Истории их отношений, связанных с историей тартуской кафедры, и полувековой дружбы с ним, прочной и «ничем не омраченной» [Егоров 2004: 257], посвящены несколько развернутых очерков, в которых характеризуются как научные открытия Ю.М. Лотмана, так и будничные стороны его тартуской жизни, с огромной преподавательской нагрузкой и бытовыми тяготами, вынуждавшими заниматься научной работой по ночам (другого времени на нее попросту не оставалось), «с ущербом для здоровья» [Егоров 2004: 206].

Величие Ю.М. Лотмана как ученого неотделимо, как доказывает Б.Ф. Егоров, от свойственного ему гуманизма, побуждавшего постоянно помогать окружающим (причем не только друзьям и знакомым, но также, что требовало мужества, «политическим заклю-

ченным или выгнанным с работы»), в том числе и материально, то и дело открывая «кошелек для разных вспомоществований» [Егоров 2004: 264]. Толерантный к коллегам и снисходительно относившийся «к нерадивым студентам и аспирантам» [Егоров 2004: 264], Ю.М. Лотман, что по-человечески особенно сближало его с Б.Ф. Егоровым, был «совершенно органически неспособным к командованию», не умел «приказывать, давить на человека» [Егоров 2004: 267]. Более того, по-настоящему добрый и совестливый, он отличался «повышенной скромностью», проявлявшейся «в постоянной оглядке на ближних: не помешал ли? не обидел ли?» [Егоров 2004: 276]. Выдающиеся личные качества ученого, несомненно, не могли не отразиться «в его научном творчестве», но эта тема вышла, к сожалению, за границы мемуарного очерка, так как требовала «отдельной работы» [Егоров 2004: 278].

А вот о чем Б.Ф. Егоров по-настоящему грустит, так это о неудавшейся попытке побудить Ю.М. Лотмана, обладателя «уникальной памяти» [Егоров 2004: 261], оставить воспоминания, написать которые он его «безуспешно агитировал» [Егоров 2004: 262]. Не удалось ему убедить и другого своего близкого друга, Ю.Н. Чумакова, поражавшего «потрясающей свежестью и емкостью памяти», приняться «за мемуары о своей интересной и трудной жизни» [Егоров 2013: 241]. Эти попытки, пусть и неудавшиеся, куда больше говорят о самом Б.Ф. Егорове: его, постоянно занятого «прошлым, прошлым моей страны и своим лично», случалось, охватывало желание повернуть «назад и время», чтобы «совершенно заново осмыслить и прочувствовать бывшее» [Егоров 2004: 109]. Но если старые места, места памяти, можно посещать, ощущая подвластность пространства человеку, то время необратимо и доступно только в форме воспоминаний; написание воспоминаний стало для Б.Ф. Егорова способом служения русского интеллигента, особой формой личного подвижничества.

В большом цикле мемуарных очерков «Далекое-близкое детство» Б.Ф. Егоров делится воспоминаниями о своих предках, родителях и близких родственниках, друзьях детских и юношеских лет. Интерес к истории своей семьи, собственно и вызвавший «идею писать воспоминания» [Егоров 2004: 11], обусловлен был желанием заполнить образовавшиеся в XX веке (эпоха, как выразился один из собеседников автора, отучила от мемуаров: давали себя знать страх перед возможными репрессиями и опасения навредить знакомым и близким) лакуны исторического беспамятства.

Актуализируя минувшее, мемуарист словно разворачивает заново все пережитое, возвращаясь к событиям прошлого и наполняя собою время. Ему важно «показать, как в невообразимо тяжелых

условиях советского быта 1920–1930-х годов жила семья провинциального учителя» и как «все члены этой семьи» пытались в столь неблагоприятных условиях «создать свой “утопический” островок» и «прежде всего — воспитать детей в духе совести и добра» [Егоров 2004: 13]. Маршрут возвращения подсказан значимой для автора шкалой ценностей, определившихся уже в ранние годы под влиянием родных и близких, а затем, в процессе непрерывного духовного движения, сложившихся в систему незыблемых нравственных представлений.

«Итак, родился я в хорошей семье в нехорошее время, в великой (хотя бы пространственно) стране среди великого (хотя бы количественно) народа» [Егоров 2004: 14]. Эпический зачин, напоминающий о неторопливо развертывающихся повествованиях XIX века, понадобился автору, чтобы войти в свою личную историю, где семья — и точка отсчета, и основа основ. Через генетическое наследство и семейное воспитание историческое особым образом проникает в частное и окрашивает его в неповторимые цвета.

Всякий читатель русского классического романа знает, какое значение имеет для юного героя женский мир. Образ бабушки здесь — один из ключевых. Вот и Б.Ф. Егоров не может не сказать о том «громадном воздействии», которое оказали на него «нравственные беседы с бабушкой» [Егоров 2004: 17], Евдокией Васильевной, и в двадцатые годы, когда начались гонения на религию и верующих, сохранившей дорогую ей иконку и продолжавшей соблюдать все посты и праздники. Окружавший мальчика, подростка и юношу мир женского милосердия немыслим был и без тетушек, Александры Ивановны, Шурани, младшей сестры отца, которую он называет своей второй мамой, «духовной» [Егоров 2004: 69], и сестер матери, Анны, Веры и Евдокии, Дуси, «любимой тетушки из всей маминой родни» [Егоров 2004: 34]. Но совершенно особое место занимает в душе мемуариста его мама, Анастасия Яковлевна. Когда он вспоминает свое «раннее детство», то образ мамы «всегда всплывает поющей» [Егоров 2004: 63]. Тяжелые условия советского быта не смогли изменить ее отзывчивый характер; она всегда оставалась «глубинно доброй и прощающей» [Егоров 2004: 63].

Отцу, Федору Ивановичу Егорову, главе семейства, мемуарист посвятил отдельный очерк. Родившийся в мещанско-купеческой семье, он, несмотря на полное отсутствие в доме книг, страстно хотел учиться. Любовь к рисованию привела его в Пензенское художественное училище, после окончания которого он преподавал в родном Балашове, откуда уже в советское время, когда возникла реальная опасность подвергнуться репрессиям, перебрался в Донбасс, в Лисичанский горный институт. Затем последовал переезд

в Старый Оскол, где Егоровы и осели. Так в небольших городах, в которых он «всегда был склонен жить», чтобы «иметь свой дом и садик» [Егоров 2004: 59], так и не приобретя «советских ментальных черт» [Егоров 2004: 60], в любимом труде и в пределах семейного круга и прошла жизнь замечательного по своим нравственным качествам человека, которого, как видно, почему-то (к счастью для дружной семьи Егоровых!) хранила судьба.

С.С. Аверинцев в одной из последних своих статей, посмертно опубликованной, сожалея о том, как мало еще сделано «для реконструкции конкретных нюансов локальной истории» старой интеллигенции в советские времена, коснулся в этой связи особого сюжета — жизни русских интеллигентов в Средней Азии, где они «пересиживали тридцатые годы» [Аверинцев 2004: 186]. Федору Ивановичу удалось выжить самому и спасти от напастей семью, можно сказать, чудом, но пересиживал он сталинское лихолетье в российской глубинке, сумев сохранить духовный склад и мироощущение досоветского интеллигента, прежде всего внутреннюю независимость и твердость нравственных принципов. Эти качества отец не только сохранил, но и передал сыну.

Б.Ф. Егоров с неизменной благодарностью говорит о своих родителях, сумевших воспитать детей в духе совести и добра, любви к труду и творчеству. Судовольствием вспоминает он о рассказах отца об учебе, путешествиях и случаях на охоте, о лесных прогулках с родителями, навсегда внушивших ему любовь к природе, о домашних «посиделках», воспитывавших «семейственные чувства» и сближавших «старших и младших» [Егоров 2004: 97–98].

Возможно, именно семейное воспитание сделало его совершенно невосприимчивым к советской утопии о новом человеке. Потому, может, с детских и юношеских лет «коллективу» и коллективному образу жизни, «пионерлагерям», куда его ни разу родители «не упекли», а позднее «советским санаториям», где он «ни разу не был» [Егоров 2004: 102], всегда предпочитал он самостоятельное и отдельное существование, позволявшее (даже в комсомол умудрился не вступить) уйти из-под власти насаждавшейся сверху и овладевшей массами идеи «исторического детерминизма», лишавшей «воли и свободного суждения» [Мандельштам 1989: 40].

Кстати, делаясь американскими впечатлениями 1989 года, когда он работал визитинг-профессором в вашингтонском университете, Б.Ф. Егоров, что примечательно, сочувственно вспоминает о культе у американцев «прайвеси — уединенности, скрытности, обособленности» [Егоров 2004: 423], весьма приятном, как он успел ощутить, «в нормальном быту», особенно если сравнить «с отечественной беспардонностью» [Егоров 2004: 424].

Весьма органичными, что характерно, выглядят в «детской» части воспоминаний Б.Ф. Егорова рассказы не только о его читательских интересах и книжных пристрастиях, о склонности к тому или иному виду игр и спортивных занятий, об увлечении радиотехникой и химическими опытами, но и о предпочтениях в еде и питье. И здесь решающую роль, по его признанию, сыграла именно семейная традиция, предопределившая и его нелюбовь к «к любому общепиту» [Егоров 2004: 122]. Любопытно, что в некурящей семье он так и не приучился к курению, хотя и пробовал из любопытства. А вот о том, что отец приобщил его «к плотницкому и столярному делу», вспоминает с благодарностью: «Как это пригодилось в жизни!» [Егоров 2004: 142].

Автор любит и ценит в себе частного человека — и это тоже плоды семейного воспитания, что дорогого стоит, если вспомнить, с каким подозрением относилось советское государство к приватной жизни, стремясь взять ее под полный контроль. Недаром он «с юных лет признавал лишь узкую, из трех-четырёх друзей, компанию» [Егоров 2004: 103]. Отмечая и фиксируя разные степени несвободы общества, в котором ему пришлось расти и жить, Б.Ф. Егоров показывает на конкретных примерах, как с детских лет вырабатывался в нем свободный человек, способный действовать самостоятельно и принимать самостоятельные решения. Такая способность и во взрослые уже годы давала ему право чувствовать себя носителем семейной и культурной традиции.

Будучи историком русской культуры, то есть тем, кто профессионально занимается прошлым и интерпретирует события прошлого, автор воспоминаний ясно сознает, что события эти непременно оставляют след если не в документах (документы могут и не сохраниться), то в человеческой душе, так что прошлое все равно и при любом раскладе продолжает жить в настоящем и оказывать на него воздействие. Воспоминания Б.Ф. Егорова служат способом не только воспроизведения, но и преобразования картин прошлого, высветившихся в памяти мемуариста: неповторимость личности и уникальность частной биографии позволяют по-новому увидеть и осмыслить все, что произошло в жизни общества и человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверинцев С.* Опыт петербургской интеллигенции в советские годы — по личным впечатлениям // *Новый мир.* 2004. № 6. С. 182–194.
2. *Бернштейн Б.И.* Старый колодец: Книга воспоминаний. СПб., 2008.
3. *Егоров Б.Ф.* Воспоминания. СПб., 2004.
4. *Егоров Б.Ф.* Воспоминания-2. СПб., 2013.
5. *Комуцци (Татару) Л.* Тихий город Балашов — точка на карте мира Б.Ф. Егорова // *Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова* / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков. СПб., 2016. С. 37–46.

6. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. М., 1989.
7. Фризман Л. Б.Ф. глазами Л.Г. // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П. С. Глушаков. СПб., 2016. С. 110–121.
8. Щукин В. Из воспоминаний Дона Базилио // Острова любви БорФеда: Сборник в честь 90-летия Бориса Федоровича Егорова / Ред.-сост. А.П. Дмитриев и П.С. Глушаков. СПб., 2016. С. 122–127.

REFERENCES

1. Averincev S. *Opyt peterburgskoj intelligencii v sovetskie gody — po lichnym vpechatleniyam* [Experience of the Petersburg intelligentsia in the Soviet years — according to personal impressions]. *Novy Mir*. 2004. № 6, p. 182–194. (In Russ.)
2. Bernshtein B.I. *Staryj kolodec: Kniga vospominanij* [Old Well: A Book of Memories]. St Petersburg: N.I. Novikova Publ., 2008, 408 p. (In Russ.)
3. Egorov B.F. *Vospominaniya* [Memories]. St Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2004, 472 p. (In Russ.)
4. Egorov B.F. *Vospominaniya-2* [Memories-2]. St Petersburg: Rostok Publ., 2013, 384 p. (In Russ.)
5. Komucci (Tataru) L. *Tihij gorod Balashov — tochka na karte mira B.F. Egorova* [Quiet city Balashov — a point on the world map B.F. Egorova]. *Ostrova lyubvi BorFeda: Sbornik v chest' 90-letiya Borisa Fedorovicha Egorova* / Red.-sost. A.P. Dmitriev i P.S. Glushakov. St Petersburg: Rostok Publ., 2016, p. 37–46. (In Russ.)
6. Mandel'shtam N.Ya. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Kniga, 1989, 479 p. (In Russ.)
7. Frizman L. *B.F. glazami L.G.* [B.F. through the eyes of L.G.]. *Ostrova lyubvi BorFeda: Sbornik v chest' 90-letiya Borisa Fedorovicha Egorova* / Red.-sost. A.P. Dmitriev i P.S. Glushakov. St Petersburg: Rostok Publ., 2016, p. 110–121. (In Russ.)
8. Shchukin V. *Iz vospominanij Dona Bazilio* [From the memoirs of Don Basilio]. *Ostrova lyubvi BorFeda: Sbornik v chest' 90-letiya Borisa Fedorovicha Egorova* / Red.-sost. A.P. Dmitriev i P.S. Glushakov. St Petersburg: Rostok Publ., 2016, p. 122–127. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.02.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 01.02.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Владислав Шаяевич Кривонос — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, журналистики и методики обучения Самарского государственного социально-педагогического университета; vkrivonos@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vladislav Krivonos — Prof. Dr., Department of Literature, Journalism and Teaching Methods, Faculty of Philology, Samara State University of Social Sciences and Education; vkrivonos@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

ПЕТРАРКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ДЕШИФРОВКА БИОГРАФИЧЕСКИХ ПОДТЕКСТОВ

Л.Г. Кихней

*Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия;
lgkihney@yandex.ru*

Е.Г. Раздьяконова

*Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;
razdyakonovaevgeniya@gmail.com*

Аннотация: Осип Мандельштам переводил сонеты Франческо Петрарки с декабря 1933 года по январь 1934-го. Наша цель — рассмотреть причины обращения поэта именно к этим текстам, место сонетов в поэзии Мандельштама и особенности его перевода. Русские тексты близки к оригиналу с точки зрения синтаксиса и ритмики, однако лексически Мандельштам вносит в текст образы, близкие его поэтике. Петрарка писал посвященные Лауре сонеты в период становления литературного итальянского языка: язык, которым он пользуется, — некая межлингвистическая субстанция, поиск пути от архаики к новизне. Для современного читателя этот язык не просто архаичен, он производит впечатление своеобразного косноязычия, попыток создать слова для поэтического произведения в ситуации, когда слов не хватает. Соответственно, Мандельштам компенсирует этот лингвистический эффект включением в текст авторских неологизмов. Анализ четырех сонетов, которые Мандельштам выбрал для перевода, показывает, что лексика переводчика восходит к его собственным творческим образам. Мандельштам как бы присваивает эти сонеты, делает их своими в прямом смысле данного слова; не случайно, обозначая их как переводы, он, тем не менее, публикует их среди своих стихотворений.

Ключевые слова: вольный перевод; Мандельштам; Петрарка; сонет; подстрочник; биографический подтекст

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-11

Для цитирования: Кихней Л.Г., Раздьяконова Е.Г. Петрарка в художественном осмыслении Осипа Мандельштама: переводческие стратегии и дешифровка биографических подтекстов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 152–169.

PETRARCH IN THE ARTISTIC INTERPRETATION OF OSIP MANDELSTAM: TRANSLATION STRATEGIES AND DECIPHERING BIOGRAPHICAL SUBTEXTS

Liubov Kikhney

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russia; lgkikhney@yandex.ru

Evgeniya Razdyakonova

*Saint Petersburg Mining University, Saint Petersburg, Russia;
razdyakonovaevgeniya@gmail.com*

Abstract: Osip Mandelstam translates Francesco Petrarch's sonnets between December 1933 and January 1934. We consider the reason for the poet's addressing these sonnets, their place of in his own poetry and the specific features of Mandelstam's translation. The Russian texts are close to the original in terms of syntax and rhythm, however, lexically, Mandelstam introduces into the text images close to his own poetics. Petrarch wrote sonnets dedicated to Laura during the formation of the literary Italian language: the language that he uses is a kind of interlinguistic substance, a search for a path from archaism to novelty. For the modern reader, this language is not just archaic, it gives the impression of a kind of tongue-tied language, attempts to create words for a poetic work in a situation where words are not enough. Accordingly, Mandelstam compensates for this linguistic effect by including in the text the author's neologisms. An analysis of the four sonnets that Mandelstam chose for translation shows that the translator's vocabulary goes back to his own creative images. Mandelstam, as it were, appropriates these sonnets, makes them his own in the literal sense of the word, and it is not by chance that though he designates them as translations, he nevertheless publishes them among his poems.

Keywords: free translation; Mandelstam; Petrarch; sonnet; word-for-word translation; compensation; biographical implication

For citation: Kikhney L., Razdiakonova E. (2023) Petrarch in the Artistic Interpretation of Osip Mandelstam: Translation Strategies and Deciphering Biographical Subtexts. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 152–169.

Первая половина XX века в отечественной литературе стала периодом творческого поиска и открытия новых форм и техник не только в оригинальных произведениях, но и в переводах с различных языков. Две крайности, между которыми колебалась нарождающаяся традиция русских переводов, — вольный и буквалистский перевод — подробно описаны М.Л. Гаспаровым [1988: 29–62; 1997: 130–140; 2001: 361–372]. Практически каждый видный литератор конца XIX — начала XX века уделял внимание переводам. С начала 1920-х перевод стал своего рода творческой отдушиной для множества авторов, которые не вписывались в установки советской идеологии. Многие поэты Серебряного века в новом государстве только в переводах обретали свой подлинный голос.

О причинах, побудивших Мандельштама заняться переводами Петрарки

Осипом Мандельштамом были созданы переводы четырех сонетов Петрарки: «*Речка, распухшая от слез соленых...*» (декабрь 1933 — январь 1934), «*Как соловей сиротствующий славит...*» (декабрь 1933 — январь 1934); «*Когда уснет земля и жар отпышет...*» (декабрь 1933 — январь 1934); «*Промчались дни мои — как бы оленей...*» (4–8 января 1934). Эти переводы Мандельштам включил в корпус собственных оригинальных стихотворений (в раздел «Московские стихи»).

Возникает два вопроса. Первый — о статусе этих стихов: являются ли они собственно переводом, вольным переложением или оригинальными стихотворениями по мотивам. Второй вопрос: что побудило Мандельштама обратиться к Петрарке? Был ли какой-то особенный импульс для их сочинения и включения в корпус авторских произведений?

На первый вопрос частично дает ответ И. Семенко, считая, что переводы Мандельштама — вольные: «самые ранние из известных нам вариантов — более всего удалены от оригинала <...>. Мандельштам отказывался от этих проб; однако образы, созданные собственным воображением, он многократно варьировал, пока они не достигали полной завершенности или исчерпанности» [Семенко 1986: 68]. Эти вольные переводы соответствовали оригиналу, подчеркивает И. Семенко, «в самом главном»: «отказываясь от размеренной холодности других переводчиков», Мандельштам «усиливает страсть и экспрессию» Петрарки [Семенко 1970: 155].

Что касается обращения Мандельштама к Петрарке, то Н. Мандельштам объясняет это увлеченностью поэта Италией в тридцатые годы. Вдова поэта добавляет еще один важный штрих; отмечая массу вариантов каждого из переводимых сонетов (их больше, чем черновых редакций его оригинальных стихов); она пишет: «...он чему-то на них, как мне кажется, учился» [Мандельштам Н. 2019: 193]. Этот тезис, как нам представляется, нуждается в уточнении и развитии.

Язык Петрарки представляет собой поиск форм нового литературного языка. Первым по этому пути следовал Данте, творчество которого также интересовало Мандельштама: «Разговор о Данте» посвящен в том числе и процессу формирования нового языка литературы. Представитель следующего поколения, Петрарка отчасти использовал достижения своего великого предшественника, но все еще взаимодействовал с находящимся в состоянии становления и кристаллизации итальянским языком. Этот язык еще не вполне от-

межевался как от литературного латинского, так и от вульгарного народного итальянского, представляя собой своеобразную межъязыковую форму. Мандельштам вложил в переводы то, чему его научил глубокий анализ поэтического языка Данте: процесс рождения языка.

Мандельштам следует ритмической схеме Петрарки [см.: Плунгян 2013: 34–44], что можно проиллюстрировать следующим фрагментом из сонета 311: «*Quel rosignuól, che sí soáve piágne*» [Petrarca 1964: 374], «Как соловей, сиротствующий, славит» [Мандельштам 1990: I, 205]. Совпадает количество слогов, ритмический перебой начала, то есть пропуск одного ударения ямба в *quel rosignuól*, где *quel* выступает как проклитик и не имеет полноценного ударения, компенсирован длинным словом *сиротствующий*.

Фонетически и ритмически Мандельштам старается максимально следовать оригиналу; отступая от дословности в лексике, он, как будет показано далее, вносит в перевод массу окказионализмов, связанных в первую очередь с образной системой собственного творчества. В то же время эти окказионализмы отражают дух оригинала: рождение новых языковых форм, не всем из которых суждено в итоге остаться в литературном языке.

Мандельштамовские переводы сонетов Петрарки как эпитафия по умершей возлюбленной

У Мандельштама был еще один, потаенный, побудительный мотив обращения к переводам Петрарки. Поэт узнал в декабре 1933 года о смерти Ольги Ваксель и через полтора года посвятил ее памяти два стихотворения, «*На мертвых ресницах Исакий замерз...*» (1935) и «*Возможна ли женщине мертвой хвала?..*» (1935, 1936). А четыре петрарковских сонета невольно связываются с тем временем, когда Мандельштам узнал о гибели О. Ваксель. Не случайно три из четырех сонетов взяты из раздела «На смерть донны Лауры». Выдвинем предположение, что переводы сонетов — потаенный реквием, плач по возлюбленной, который поэт не мог выразить открыто. Об этом свидетельствуют семантические переключки.

Так, в сонете «*Промчались дни мои — как бы оленей...*» строки «Срок счастья был короче, / Чем взмах ресницы» коррелируют с лейтмотивными образами ресниц в прижизненном посвящении О. Ваксель «*Жизнь упала, как зарница...*». Ср.: «Жизнь упала... / Как в стакан воды *ресница*», «Есть за куколом дворцовым / И за кипением садовым / *Заресничная* страна, — / Там ты будешь мне жена» [Мандельштам 1990: I, 156, 157]. «Заресничная страна» — здесь некая иная, эоническая реальность, в которой возможно единение любящих; она противопоставлена мгновенности и «малости» преходящей

жизни, выраженной ее сравнением с падением ресницы в стакан воды. Знаменательно, что эта ресничная метафорика с теми же смысловыми коннотациями переходит и в переводы Петрарки, и в одно из посмертных посвящений Ольге Ваксель.

Акцентирование идеи подлинности иного мира мы встречаем в двух переводах сонетов Петрарки. Причем образ ресничного взмаха выступает в переводах Мандельштама в одной и той же семантической функции. Вот строки из сонета *«Как соловей сиротствующий славит...»*: «Исполнилось твое желанье, пряха, / И плачучи твержу: вся прелесть мира / Ресничного недолговечней взмаха» [Мандельштам, 1990: I, 205]. Тот же лейтмотив и та же ресничная метафорика в сонете *«Промчались дни мои, как бы оленей...»*: «Срок счастья был короче, / Чем взмах ресницы» [Мандельштам 1990: I, 206]. Сравнение счастья ушедшей жизни со взмахом ресницы отражает мысль (на наш взгляд, идущую от Петрарки) о восприятии в текущем настоящем прошедшего в его длительности — как одного мгновения. Отсюда повторение сравнения с ресничным взмахом. Завершение «ресничного» мотива мы находим в уже упомянутом ранее стихотворении 1935 года, но этот мотив несет противоположный семантический заряд. «Мертвые ресницы», открывающие стихотворение *«На мертвых ресницах Исакий замерз...»*, отражают «измерение» смерти и вечности, парадоксальным образом восходят к зимнему петербургскому пейзажу, возможно, неотделимому в сознании Мандельштама от посмертного образа возлюбленной.

Мандельштам развивает в тайных адресациях к возлюбленной (прижизненных и посмертных) идею существования за пределами земной жизни некой подлинной реальности, неподвластной ее физическим законам. Однако напомним, что эта идея была специфической чертой раннего Возрождения и особенно культивировалась Петраркой в *«Кансоньере»*, причем наиболее явно она воплощается во второй части сборника (*«На смерть донны Лауры»*). Таким образом, петрарковский неоплатонизм был еще одной подспудной причиной обращения поэта к переводам сонетов великого итальянца.

Со стихами, посвященными Ваксель (в период романтического увлечения ею), связаны еще некоторые образы сонетов в переводческой интерпретации Мандельштама. Так, в стихотворении *«Я буду метаться по табору улицы темной...»* (1925) есть образ «муравьиной кислинки», относящийся к сенсорному восприятию облика возлюбленной. Ср.: «Я только запомнил каштановых прядей осечки, / Придымленных горечью — нет, с муравьиной кислинкой, / От них на губах остается янтарная сухость» [Мандельштам 1990: I, 158].

Трансформация мотивов, связанных с воспоминанием об умершей возлюбленной, проясняет общую стратегию обращения с ори-

гиналом: Мандельштам преобразует текст Петрарки, встраивая его в свою семантическую систему. Об этом упоминает Т.Л. Ревякина, отмечая, что ритмика переведенных стихотворений близка оригиналу, а в семантике Мандельштам производит существенные преобразования [Ревякина 2013: 66–69].

Рассмотрим отличия перевода от оригинала на примере текстов всех четырех сонетов.

Новации Мандельштама-переводчика: компенсаторная стратегия перевода и диалог с философским содержанием подлинника

Сравним текст сонета 164 с переводом поэта и с подстрочником.

Оригинал [Petrarca 1964: 212]	Дословный перевод авторов статьи	Перевод Мандельштама [Мандельштам 1990: I, 205]
Or che 'l ciel et la terra e 'l vento tace / et le fere e gli augelli il sonno affrena, / Notte il carro stellato in giro mena / et nel suo letto il mar senz'onda giace,	Сейчас, когда небо, земля и ветер молчит, / и сон охватывает зверей и птиц, / отправляется в путь звездная тележка ночи / и море спит в сво- ей постели без волн.	Когда уснет земля и жар отпышет, / А на душе зверей покой лебяжий, / Ходит по кругу ночь с горящей пряжей / И мощь воды морской зефир колышет, —
veggio, penso, ardo, piango; et chi mi sface / sempre mè inanzi per mia dolce pena: / guerra è 'l mio sta- to, d'ira et di duol piena, / et sol di lei pensando ò qualche pace.	Я вижу, думаю, горю, плачу, и та, кто меня ломает, / всегда передо мною к моему сладко- му мучению, / у меня на душе война, гнев и горестное наказание, / и я думаю лишь о ней и о хоть каком-нибудь покое,	Чую, горю, рвусь, плачу — и не слышит, / В неудер- жимой близости все та же, / Целую ночь, целую ночь на страже / И вся как есть далеким счастьем дышит.
Così sol d'una chiara fonte viva / move 'l dolce et l'amaro ond'io mi pasco; / una man sola mi risana et punge;	И так из одного живого и светлого источника / я пью горькую и сладкую воду, / и одна и та же рука меня оздоравливает и наказывает.	Хоть ключ один, вода раз- норечива — / Полужест- ка, полусладка, — ужели / Одна и та же милая двулична...
e perché 'l mio martir non giunga a riva, / mille volte il dí moro et mille nasco, / tanto da la salute mia son lunge.	И мое мучение не до- стигает берегов, / Тысячу раз на дню я умираю и тысячу раз рождаюсь, / Так я далек от своего здоровья.	Тысячу раз на дню, себе на диво, / Я должен умереть на самом деле / И воскресаю так же сверхобычно.

Сонет 164 из *Canzoniere*, единственный из переведенных Мандельштамом, посвящен живой возлюбленной и содержит противопоставление спокойного, сонного состояния природы (в первой строфе) беспокойному состоянию лирического героя (во второй строфе). У Мандельштама в описании сна природы совпадение наблюдается только в элементе «уснет земля», остальные образы — «жар отпышет», «покой лебяжий», «горящая пряжа», «мощь воды морской зефир колышет» — привнесены переводчиком.

Далее, в противопоставленном спокойствию природы состоянии лирического героя Петрарка использует ряд глаголов в первом лице единственного числа: «вижу, думаю, горю, плачу». Переводчик заменил их набором «чую, горю, рвусь, плачу», сближая тем самым чувства героя с образами животных из первой строфы. Он не просто визуально воспринимает свою возлюбленную, у него включается звериное чутье, он чует ее и рвется к ней, то есть лирический герой перевода более активен, чем лирический герой оригинала. В оригинале возлюбленная «меня мучает, она всегда передо мной, меня терзают сладкие муки, я полон гнева и страданий и думаю лишь о ней или о покое». Петрарка использует глагол *sfacere*, архаичную форму современного *sfare*, отрицательный антоним к глаголу *fare* (делать). Этот глагол имеет приблизительное значение *разделявать* в смысле *разрушать* как антоним к *делать* или *созидать*. Возлюбленная своими действиями разрушает целостность героя, как бы разбивает его на части (см. 2-й катрен). У Мандельштама полностью меняются местами активный субъект и пассивный объект действия. У Петрарки речь идет именно о чувствах лирического героя, он описывает свое состояние и перемены настроения. Мандельштам же переключает вектор внимания на Лауру: из синтаксиса фразы явствует, что она внутри его сознания пребывает «целую ночь на страже» и «далеким счастьем дышит».

В терцетах Мандельштам передает смысл близко к оригиналу, в то же время опять меняя активного субъекта. У Петрарки «я пью из одного и того же источника и горькую, и сладкую воду, одна и та же рука меня и наказывает, и лечит, мое мучение не достигает берегов, тысячу раз на дню я умираю и рождаюсь, так я далек от своего здоровья». В оригинале фактически только единожды упоминается о каких-то действиях со стороны возлюбленной героя: это ее рука его «и наказывает, и лечит». В переводе же применительно к возлюбленной используется отрицательный эпитет *двуличная*, обычно используемый применительно не к переменам настроения, а к предательству и двурушничеству. Интересно также, что повторяющиеся в корпусе сонетов Петрарки эпитеты *dolce e amaro* (сладкий и

горький) Мандельштам переводит как *полужестка, полусладка*, активизируя тем самым второе значение слова *dolce* — *нежный*. В русском языке слова *жесткий* и *сладкий* в принципе не являются антонимами, они характеризуют различные стороны предмета.

Двойной эпитет *dolce e amaro* повторяется в корпусе сонетов семнадцать раз. Для Петрарки это важный элемент описания его чувств. Охватывающая его любовь и его реакции на перемены настроения возлюбленной описываются автором как оксюморонные — сладкие и горькие одновременно. После смерти Лауры симультанность в употреблении этих эпитетов исчезает: они теперь символизируют метаморфозу петрарковского бытия: все, что было *сладким* при жизни Лауры, после ее смерти становится *горьким*. Так, в сонете 301 охарактеризованы тропинки, по которым некогда ходила Лаура: «...*dolce sentier che sí amaro rïesci*» [Petrarca 1964: 364] (в дословном переводе: «...сладкие тропинки, которые стали горькими»).

Мандельштам выбирает для перевода сонеты, содержащие эти эпитеты (во всех, кроме 311-го), и так же, как у Петрарки в сонетах «На смерть мадонны Лауры», *сладость / горечь* отражают чувственную трансформацию в восприятии мира лирическим героем, потерявшим возлюбленную.

У Мандельштама видим ряд образов, подчас оформленных как окказионализмы или архаизмы со сдвигом узуальных значений, отсылающих к стихам 1925 года, посвященным Ольге Ваксель. Так, «муравьиная кислинка» из стихотворения 1925 года трансформировалась в образ «тропинок *промуравленных* изгибы» (в сонете 301), а также в образ *сиротствующего* соловья, который «всю-то ночь щекочет и *муравит*» (в сонете 311). В сонете 319 упоминаются «сладкие и горькие недолгие часы счастья», которые у Мандельштама переданы как «срок счастья был короче, чем взмах ресницы», то есть повторяемое у Петрарки *dolce e amaro* у Мандельштама становится ключом к зашифрованному образу Ольги Ваксель. В соответствующих местах перевода присутствуют отсылки к его стихотворениям, обращенным к ней.

В завершении сонета 164 Мандельштам говорит о смерти и воскрешении, в то время как в оригинале речь идет о рождении: Петрарка использует глагол *nascere*. Его лирический герой не возрождается, а рождается, переживая заново жизненный цикл. У Мандельштама герой «воскресает сверхобычно». Подобные лексические образования в принципе отсутствуют в лаконичном тексте оригинала. При этом герой «должен умереть», то есть у Мандельштама возлюбленная как бы заставляет поэта умереть, а он, сам

тому удивляясь, воскресает. Текст Петрарки лишен этой образности, у него герой просто констатирует факт: он ежедневно умирает и рождается.

Рассмотрим подробнее сонет 301 Петрарки.

Оригинал [Petrarca 1964: 364]	Дословный перевод авторов статьи	Перевод Мандельштама [Мандельштам 1990: I, 204]
Valle che de' lamenti miei se' piena, / fiume che spesso del mio pianger cresci, / fere selvestre, vaghi augelli et pesci, / che l'una et l'altra verde riva affrena,	Долина, полная моих жалоб, / река, растущая от моего плача, / лесные звери, смутные птицы и рыбы, / которых сжи- мают между собой два зеленых берега,	Речка, распухшая от слез соленых, / Лесные птицы рассказать могли бы, / Чуткие звери и немые рыбы, / В двух берегах зажатые зеленых;
aria de' miei sospir' calda et serena, / dolce sentier che sí amaro riesci, / colle che mi piacesti, or mi rincredi, / ov'anchor per usanza Amor mi mena:	воздух, раскаленный и тихий от моих вздо- хов, / сладкие тропинки, которые стали горьки- ми, / холмы, где ты мне нравилась, а теперь ты меня огорчаешь, / куда по привычке Любовь еще приводит меня:	Дол, полный клятв и шопотов каленых. / Тро- пинок промуравленных изгибы, / Силой любви затверженные глыбы / И трещины земли на трудных склонах —
ben riconosco in voi l'usate forme, / non, lasso, in me, che da sí lieta vita / son fatto albergo d'infinita doglia.	В вас я узнаю прежние формы, / Но во мне их нет: мое бытие из счаст- ливого / Превратилось в приют бесконечного страдания.	Незыблемое зыблется на месте, / И зыблусь я. Как бы внутри гранита, / Зернится скорбь в гнезде былых веселий,
Quinci vedea 'l mio bene ; et per queste orme / torno a veder ond'al ciel nuda è gita, / lasciando in terra la sua bella spoglia.	Здесь я видел счастье, / и поэтому возвращаюсь в те места, откуда, нагая, / ты вознеслась на небо, / оставив на земле свою прекрасную одежду.	Где я ищу следов красоты и чести, / Исчезнувшей, как сокол после мыта, / Оставив тело в земляной постели.

Сонет 301 посвящен умершей возлюбленной, в основе оригинального текста — образ жалоб героя, переполняющих *долину* и *реку*. Река переполнена его слезами и выходит из сжимающих ее берегов, долина полна стенаний, а воздух от них раскален. Эти образы Мандельштам передает, лишь меняя порядок их представления: в оригинале текст начинается со слова *долина*, в переводе же на первый план выступает *река*.

В терцетах автор поясняет, что по этим местам он некогда бродил со своей возлюбленной, которая нагая вознеслась на небо, оставив на земле свою одежду, то есть тело. Продолжается тема двойственности *горького и сладкого*: те места, которые ранее вызывали приятные чувства, превратили героя в *albergo d'infinita doglia*, или *приют бесконечного страдания*. Петрарка использует свойственный итальянскому языку аналитический пассив, в противовес латыни, в литературной форме которой превалировал синтетический пассивный залог. Герой «был превращен в приют», а активным субъектом выступает его прежняя счастливая жизнь, когда возлюбленная была еще жива.

Переводчик компенсирует сложную конструкцию лексическим усложнением. Поскольку пассивный залог в русском языке развит существенно слабее, чем в романской языковой группе, вместо маркированной синтаксической конструкции вводится маркированная лексика — окказионализм *зерниться*, возникший в контексте геологических метафор, отсылающих к только что завершённому поэтом «Разговору о Данте» (1933). Сравнивая 2-й катрен и начало 1-го терцета перевода 301 сонета с эссе о Данте, мы видим, что в обоих текстах автор метафорически использует геологическую семантику («гранитности», «зернистости», «скалистости» и пр.). О чем говорят эти сближения?

Во-первых, об отождествлении чувств, душевных состояний с природными явлениями, материальными субстанциями. Как дантовский текст, согласно Мандельштаму, структурно организован по типу горных пород, так и человеческие чувства структурируются в сознании любящего, запечатлеваются, ограничиваются и едва ли не окаменевают навечно посредством «силы любви».

Во-вторых, Мандельштам и в «Разговоре о Данте», и в переводах Петрарки волнует вопрос о текучести и корпускулярности бытия, времени и слова. Отсюда сложнейший образ *зернистой скорби*, которая замурована «внутри гранита» и одновременно пребывает «в гнезде былых веселий». Дополнительно усложняет текст предшествующая фраза с использованием трех однокоренных слов: «Незыблемое зыблется на месте, / И зыблюсь я». Последующая образная антиномия поясняется философски, что коррелирует с недавно открытой физикой света как частицы и волны: мир, собственное сознание, чувства (как и дантовский текст в мандельштамовском эссе) — текучая и в то же время незыблемая субстанция, устойчивая и изменчивая одновременно.

В финале сонета 301 завершается неоплатонический мотив, пронизывающий перевод («Где я ищу следов красы и чести <...> Оставив тело в земляной постели»).

Образ тела-одежды по сравнению с подлинником полностью заменен: героиня исчезает как «сокол после мыта». Слово *мыть*, являющееся редчайшим архаизмом для русского языка начала XX века, восходит к *Слову о полку Игореве*, где упоминается «сокол в мытах» [Соколова 1996: 454], и означает ежегодную линьку сокола, смену перьев. Так Мандельштам косвенно обращается к образу, использованному Петраркой, переводя его в иную плоскость: покинутое душой тело сравнивается не с брошенной одеждой, но со старым, сброшенным оперением. Это сравнение ассоциативно связано с гомогенным мотивом петрарковского оригинала 319 сонета. Петрарка говорит, что возлюбленная меняет кожу — образ линьки змеи, переосмысленный в контексте вознесения на небо, трансформирован переводчиком в линьку сокола.

Рассмотрим сонет 311:

Оригинал [Petrarca 1964: 374]	Дословный перевод авторов статьи	Перевод Мандельштама [Мандельштам 1990: I, 205]
Quel rosignuol, che sì soave piagne / forse suoi figli, o sua cara consorte, / di dolcezza empie il cielo e le champagne / con tante note sì pietose e scorte,	Тот соловей, который нежно плачет / По своим детям или по своей доро- гой супруге, / Наполняет нежностью небо и дерев- ни, / Многочисленными жалостными нотами и ак- кордами.	Как соловей, сиротству- ющий, славит / Своих пернатых близких ночью синей / И деревенское молчанье плавит / По-над холмами или в котловине,
e tutta notte par che m'accompagne, / e mi rammente la mia dura sorte: / ch'altri che me non ho di ch'ì mi lagne, / ché 'n dee non credev'io regnasse Morte.	И всю ночь, кажется, он меня сопровождает, / И на- поминает мне о моей же- стокой судьбе, / И не кому другому, а мне он жалуется, / Что я не верил, что над богиней властна Смерть.	И всю-то ночь щекочет и муравит / И провожа- ет он, один отныне, — / Меня, меня! Силки и сети ставит / И нудит помнить смертный пот богини!
O che lieve è inganar chi s'as- secura! / Que' duo bei lumi assai più che 'l sol chiari / chi pensò mai veder far terra oscura?	О, как легко обманывается тот, кто верил! / Эти два огня, светлее, чем солнце, / Кто думал, что мы уви- дим их ставшими темной землей?	О, радужная оболочка страха! / Эфир очей, гля- девших в глубь эфира, / Взяла земля в слепую люльку праха, —
Or conosco io che mia fera ventura / vuol che vivendo e lagrimando impari / come nulla qua giù diletta e dura.	Теперь я знаю, что моя жестокая судьба / Хочет, чтобы, живя и плача, / я узнал, что ничто здесь не вечно и не прочно.	Исполнилось твое же- ланье, пряха, / И, плачу- чи, твержу: вся прелесть мира / Ресничного не- долговечней взмаха.

В сонете 311 в оригинале присутствуют два смысловых центра: соловей печальной песней, в которой он, по предположению поэта, оплакивает либо своих детей, либо супругу, напоминает лирическому герою о всевластности и непреодолимости смерти [Petrarca 1964: 374]. Это наводит его на мысль о навсегда погасших глазах его любимой. Мандельштамовский перевод подробно проанализировал Т. Венцлова, сравнив его с переводом Вячеслава Иванова [Венцлова 1991]. Остановимся всего на двух особенностях синтаксиса оригинала, которые не рассматриваются у Венцловы.

Когда Петрарка говорит о мыслях, посетивших лирического героя под пение соловья, он употребляет сложноподчиненное предложение с использованием формы *Congiuntivo imperfetto*: *che 'n dee non credev'io regnasse Morte*. Дословно: «я не думал, что среди богинь правит Смерть». Глагол *править/царствовать* — *regnare* — дан в форме *Congiuntivo imperfetto*, которая по своему смыслу передает не только необходимое в данном случае в соответствии с нормами грамматики согласование времен («я не думал» стоит в прошедшем времени, что вынуждает придаточное предложение использовать времена из группы прошедших), но и имеет смысл очень малой, но все же возможной вероятности.

В предложениях типа *Periodo ipotetico* (условные предложения) использование *Congiuntivo imperfetto* предполагает малую, но все же возможную вероятность и формирует *Periodo ipotetico* второго типа («*Se fossi presidente*», «Если бы я был президентом...», говорящий не является президентом, но не исключает вероятности того, что это может случиться). Сама грамматическая форма сигнализирует слушателю, что вся мысль относится к прошлому и говорящий уже не сказал в тот конкретный момент этих слов. Петрарка, используя форму *Congiuntivo imperfetto*, имплицитно добавляет мысль, что он не верил в царствование Смерти, но все же допускал ее вероятность. Поэт не верил, что его богиня (Лаура) смертна, что над ней может царствовать Смерть, однако допускал небольшую вероятность этого — и как раз этой вероятности суждено было сбыться.

В русском языке не существует достаточных грамматических средств для передачи этих смысловых оттенков, и Мандельштам прибегает к лексической компенсации сложной конструкции: «и нудит помнить смертный пот богини», то есть соловей заставляет (нудит) его вспомнить о том, как возлюбленная умирала. У Петрарки отсутствует физиологическая образность, он говорит лишь о том, что его богиня оказалась смертной. Мандельштам вводит образ *смертного пота*, резонирующий с поэмой А. Введенского «*Потец*» [Введенский 1993]. В тексте этого произведения постоянно повто-

руется вопрос «что такое есть потец?». Ответ на него: «Потец — это холодный пот, выступающий на лбу умершего. Это роса смерти, вот что такое Потец» [Введенский 1993: 266]. Поэма была создана уже после выполненного Мандельштамом перевода, так что, вероятно, именно Введенский вдохновился мандельштамовским образом. Однако в образе соловья, заставляющего вспомнить смертный пот богини, возможно, скрыта другая аллюзия — на древнегреческий миф о Прокне и Филомеле, превращенных в ласточку и соловья. Знакомство Мандельштама с мифом (в интерпретации Овидия) проявляется и в стихотворении «Ласточка», в котором через архаический глагол *прокинуться* позабытое слово ассоциативно отождествляется с Прокной: «...То вдруг *прокинется* безумной Антигоной» [Мандельштам 1990: I, 131]. Античный семантический ореол подкреплён и образом *пряжи*, конечно же, одной из Мойр/Парок. Образ судьбы-пряжи перекликается с образом ночи из перевода сонета 164: «Ходит ночь по кругу с горячей пряжей» [Мандельштам 1990: I, 205]. В таком случае пение соловья не только оплакивание смерти возлюбленной, но и весть о ней в ином бытии, ее духовное «я», растворенное в природе и отрицающее смерть. В этом переводе (равно как и в переводе сонета 164) особенно явно заметно тяготение к философии платонизма не только Петрарки, но и самого Мандельштама.

Интересна также трактовка первой строки. У Петрарки в середину фразы вставлено *sì* (да, использование *ì* с ударением). Строка дословно переводится как «Тот соловей, который, да, сладко плачет». У Петрарки в нее вложена пресуппозиция, содержащая ответ на некое отрицание, как если бы невидимый собеседник утверждал, что соловей плачет не *сладко*, а, к примеру, горько, и поэт отвечал, что плач все-таки сладкий. Мандельштам превращает *плач* соловья в торжественную песнь, при этом, однако, сохраняя синтаксическую разбивку фразы. У Петрарки в качестве вставного использовано слово *да*, у Мандельштама — *сиротствующий*, выделенное запятыми.

Интересно также использованное переводчиком синтаксическое решение. Фраза, разбитая восклицанием *меня, меня!* — соответствует строке *ch'altri che me non ho di ch'i' mi lagne* (никому другому, кроме меня, он не жалуется). В оригинале текст этой строчки состоит из массы коротких слов, она имитирует ритм сбивчивой устной речи взволнованного человека, что Мандельштам передает посредством синтаксического разбиения.

Обратимся к сонету 319.

Оригинал [Petrarca 1964: 382]	Дословный перевод авторов статьи	Перевод Мандельштама [Мандельштам 1990: I, 206]
I dí miei piú legghier' che nesun cervo, / fuggir come ombra, et non vider piú bene / ch'un batter d'occhio, et poche hore serene, / ch'amare et dolci ne la mente servo.	Мои дни легче, чем любой олень, / Убегают, как тень, и я не вижу счастья, / Кро- ме как в мгновение ока, и мало спокойных часов, / кроме сладких и горьких часов для моего ума.	Промчались дни мои — как бы оленей / Косящий бег. Срок счастья был ко- ротче, / Чем взмах ресницы. Из последней мочи / Я в горсть зажал лишь пепел наслаждений.
Misero mondo, instabile et protervo / del tutto è cieco chi 'n te pon sua spene: / ché 'n te mi fu 'l cor tolto, et or sel tène / tal chè già terra, et non giunge osso a nervo.	Несчастный мир, неста- бильный и надменный, / слеп во всем, и лишь на тебя возлагает свою на- дежду, / потому что к тебе было забрано мое сердце, и теперь оно жметя / к тому, что уже стало землей, и кость не присоединяется к нерву.	По милости надменных обольщений / Ночует сердце в склепе скромной ночи, / К земле бескостной жметя. Средоточий / Зна- комых ищет, сладостных сплетений,
Ma la forma miglior, che vive anchora, / et vivrà sempre, su ne l'alto cielo, / di sue bellezze ogni or piú m'innamora;	Но лучшая из форм все еще жива, / И всегда будет жить в высоком небе, / И ее красоты все больше меня плениют.	Но то, что в ней едва су- ществовало, / Днесь, вы- рвавшись наверх, в очаг лазури, / Пленять и ранить может как бывало.
et vo, sol in pensar, cangian- do il pelo, / qual ella è oggi, e 'n qual parte dimora, / qual a vedere il suo leggiadro velo.	И я в мыслях вижу, что она, сменив свою кожу, / Думаю, какова она сей- час, где она обитает, / Где можно увидеть ее изящное покрывало.	И я догадываюсь, брови хмура: / Как хороша? к какой толпе пристала? / Как там клубится легких складок буря?

В сонете 319 дан образ быстро летящих дней без возлюбленной: она ушла навсегда, и герой может лишь сожалеть об утраченной гармонии и пытаться представить, как она существует в ином мире. В оригинальном тексте сонет начинается со слов «мои дни легче, чем любой олень», а далее использована чрезвычайно сложная конструкция, наследник латинского *accusativus cum infinitivo*: «я использую свой ум, чтобы видеть их (дни) убегающими, быстрее, чем моргание глаза, и мало спокойных часов, а больше горьких и сладких». Мандельштам передает этот сложный и архаичный синтаксис за счет *enjambement*: в переводе границы предложений не совпадают с границами строк, и читатель перевода, как и читатель оригинала, вынужден останавливаться, распутывать конструкцию (ср. 1-й ка- трен перевода «Промчались дни мои — как бы оленей...»).

Сердце героя у Петрарки во 2-м катрене «тянется к тому, что уже стало землей, и кость не соединяется с нервом», то есть его сердце было частью возлюбленной, и теперь не может с нею соединиться, так как она умерла. Этому предшествует суждение «Несчастный, нестабильный, высокомерный мир слеп во всем и лишь на тебя возлагает свою надежду». Речь идет не о мире вообще, но о душевном мире, о внутреннем мире поэта, который держался лишь на любви. Слепота этого мира превращена Мандельштамом в *склеп скромной ночи*: сердце героя мечется в темноте, не находя любимой.

Финальный образ этого сонета перенесен переводчиком в сонет 301. Вместо упоминания о смене кожи герой перевода задается вопросом «к какой толпе пристала? как там клубится легких складок буря?», в то время как в оригинале «какова она сейчас, где находится, где можно увидеть ее изящное покрывало». Петрарка использует глагол *dimorare* (проживать), подразумевая, что в ином мире его возлюбленная как бы имеет некое постоянное место жительства. У Мандельштама же она как бы подвижна, она присоединяется к какому-то неизвестному множеству людей.

Таким образом, в текстах Мандельштама присутствует большое количество новаций, отступлений от текста оригинала, неологизмов и окказионализмов. В то же время определенная стратегия следования оригиналу последовательно реализуется переводчиком. Задолго до формулирования советской школой теории перевода концепции компенсации средств выразительности [Комиссаров 1973] Мандельштам применяет ее на практике.

Заключение

Фактически, обращаясь к переводам сонетов Петрарки, Мандельштам реализовал именно указанную им в исследовании перевода стратегию. Замысловатый и не передаваемый средствами русского языка синтаксис Петрарки он переносит в лексическую плоскость, компенсируя его авторскими неологизмами. Помимо этого, транспозиция ряда образов из текста одного стихотворения в другое указывает на то, что Мандельштам воспринимал перевод четырех сонетов как некое единое произведение, внутри которого возможны подобные перестановки.

Следуя историческому и литературному контексту возникновения сонетов Петрарки, Мандельштам формирует новую поэтику: авторские окказионализмы сопрягаются со сложными синтаксическими конструкциями, формируя своеобразную компенсацию грамматического поиска Петрарки. Итальянский язык обладает сложной и разветвленной системой грамматических форм, в особенности претерита. Русский язык лишен этой системы выразитель-

ности, однако обладает широчайшими словообразовательными возможностями, которые и были использованы Мандельштамом. Формирование нового литературного языка в период итальянского Возрождения созвучно творческим поискам писателей и поэтов в новом государстве в 1930-е годы, и Мандельштам проводит параллель с мастерами Возрождения в своих творческих решениях. В то же время обращение к сонетам имеет глубокие личные причины, а масштабное использование образов, характерных для поэзии самого Мандельштама, позволяет ему включить сонеты в корпус собственных стихотворений. Формируя скрытую эпитафию своей возлюбленной, поэт соединяет в тексте глубоко личные мотивы с философскими поисками в духе неоплатонизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Введенский А.И.* Полное собр. произведений: В 2 т. / Сост. и подгот. текста С. Мейлаха и В. Эрля. Т. I. М., 1993.
2. *Веницлова Т.* Вячеслав Иванов и Осип Мандельштам — переводчики Петрарки (на примере сонета CCCXI) // *Русская литература*, 1991. № 4. С. 192–200.
3. *Гаспаров М.* Брюсов и буквализм // *Поэтика перевода*. М., 1988. С. 29–62.
4. *Гаспаров М.* Брюсов-переводчик. Брюсов и подстрочник // *Гаспаров М.Л. Избр. тр.: В 3 т.* Т. 2. М., 1997. С. 30–140.
5. *Гаспаров М.* Подстрочник и мера точности // *Гаспаров М.Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики*. СПб., 2001. С. 361–372.
6. *Комиссаров В.Н.* Слово о переводе. М., 1973.
7. *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. Третья книга. М.; Берлин, 2019.
8. *Мандельштам О.Э.* Соч.: В 2 т. / Подгот. текста и коммент. А.Д. Михайлова, П.М. Нерлера. М., 1990.
9. *Овидий Назон.* Метаморфозы. / Пер. С. В. Шервинского. Примеч. Ф.А. Петровского. М., 1977.
10. *Плунгян В.А.* К метрике мандельштамовских переложений Петрарки // *Диалог культур: «Итальянский текст» в русской литературе и «русский текст» в итальянской литературе*. Сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Фатеевой. М., 2013. С. 34–44.
11. *Ревакина Т.Л.* Особенности семантической поэтики О.Э. Мандельштама // *Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 11. С. 66–69.
12. *Семенко И.М.* Мандельштам — переводчик Петрарки // *Вопросы литературы*. 1970. № 10. С. 154–168.
13. *Семенко И.* Мандельштам в работе над переводами сонетов Петрарки (по черновикам) // *Семенко И.М. Поэтика позднего Мандельштама. От черновых редакций к окончательному тексту*. Roma, 1986. С. 68–96.
14. *Соколова Л.В.* Соколы в мытлах // *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 50. СПб., 1996. С. 454–465.
15. *Petrarca F.* Canzoniere / A cura di Gianfranco Contini. Torino, 1964.

REFERENCES

1. Vvedenskiy A.I. Polnoye sobr. Proizvedeniy: V 2 t. [Complete Works: In 2 vol.]. Ed. by S. Meylakh, V. Erl. Vol. I. Moscow: Gileya Publ., 1993. 288 p. (In Russ.)

2. Ventslova T. Vyacheslav Ivanov i Osip Mandel'shtam — perevodchiki Petrarki (na primere soneta CCCXI) [Vyacheslav Ivanov and Osip Mandelstam — Petrarch's Translators (on the Example of the CCCXI Sonnet)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1991, no. 4, pp. 192–200. (In Russ.)
3. Gasparov M. Bryusov i bukvalizm [Bryusov and literalism]. *Poetika perevoda* [Poetics of translation]. Moscow: *Raduga Publ.*, 1988, pp. 29–62. (In Russ.)
4. Gasparov M. Bryusov-perevodchik. Bryusov i podstrochnik [Bryusov as Translator. Bryusov and Interlinear Translation]. Gasparov M.L. Izbr. tr.: V 3 t. T. 2. [Selected Works: In 3 vol. Vol. 2] Moscow: *Yazyki russkoy kul'tury Publ.*, 1997, pp. 30–140. (In Russ.)
5. Gasparov M. Podstrochnik i mera tochnosti [Interlinear Translation and Measure of Accuracy]. Gasparov M.L. *O russkoy poezii. Analizy. Interpretatsii. Kharakteristiki* [About Russian poetry. Analyzes. Interpretations. Specifications]. St. Petersburg: *Azbuka Publ.*, 2001, pp. 361–372. (In Russ.)
6. Komissarov V.N. *Slovo o perevode* [Word on Translation]. Moscow: *Mezhdunarodnyye otnosheniya Publ.*, 1973. 216 p. (In Russ.)
7. Mandel'shtam N.Ya. Vospominaniya. Tret'ya kniga [Memoirs. The Third Book]. Moscow, Berlin: Direct — Media, 2019. 302 p. (In Russ.)
8. Mandel'shtam O.E. *Soch.:* V 2 t. [Works: In 2 Vols.]. Ed. by A.D. Mikhaylov, P.M. Nerler. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1990. T. 1 — 638 p. t. 2 — 464 p. (In Russ.)
9. *Publius Ovidius Nasō*. Metamorphoses. Transl. by S.V. Shervinskij, comm. by F.A. Petrovskij. Moscow: *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1977. 432 p. (In Russ.)
10. Plungyan V.A. K metrike mandel'shtamovskikh perelozheniy Petrarki [On the Metric of Mandelstam's Transcriptions of Petrarch]. *Dialog kul'tur: «Ital'yanskiy tekst» v russkoy literature i «russkiy tekst» v ital'yanskoy literature* [Dialogue of Cultures: «Italian Text» in Russian Literature and «Russian Text» in Italian Literature]. Sb. nauch. tr. / pod red. N.A. Fateyevoy. Moscow: *Infotech*, 2013, pp. 34–44. (In Russ.)
11. Revyakina T.L. Osobennosti semanticheskoy poetiki O.E. Mandel'shtama [Features of O.E. Mandelstam's Semantic Poetics]. *Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Linguistics and Intercultural Communication]. 2013, no. 11, pp. 66–69. (In Russ.)
12. Semenko I.M. Mandel'shtam — perevodchik Petrarki [Mandelstam as Petrarch's Translator]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 1970, no. 10, pp. 154–168. (In Russ.)
13. Semenko I. Mandel'shtam v rabote nad perevodami sonetov Petrarki (po chernovikam) [Mandelstam in the Work on Translations of Petrarch's Sonnets (According to Drafts)]; Semenko I.M. Poetika pozdnego Mandel'shtama. Ot chernovykh redaktsiy k okonchatel'nomu tekstu [Poetics of Mandelstam in 1930th. From Drafts to the Final Text]. Roma: *Carrucci editore*, 1986, pp. 68–96. (In Russ.)
14. Sokolova L. V. Sokol v” mytekh” [Falcon in Moulting State]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. [Works of the Department of Old Russian Literature] Vol. 50. St. Petersburg: *Nauka Publ.*, 1996, pp. 454–465. (In Russ.)
15. Petrarca F. *Cansoniere*. A cura di Gianfranco Contini, Torino: *Einaudi*, 1964, 462 p.

Поступила в редакцию 31.08.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 31.08.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРАХ

Любовь Геннадьевна Кихней — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы Московского университета имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия; lgkihney@yandex.ru
Евгения Геннадьевна Раздьяконова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского горного университета, Санкт-Петербург, Россия; razdyakonovaevgeniya@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Kikhney Liubov — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Moscow University named after A.S. Griboyedov; Moscow, Russia; lgkihney@yandex.ru
Razdyakonova Evgeniya — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia; razdyakonovaevgeniya@gmail.com

ПОПРАВКИ ВРЕМЕНИ К ОДНОМУ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ «МЕРЫ ЗА МЕРУ»

Н.Э. Микеладзе

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия; fornatalia@bk.ru*

Аннотация: Поколения соотечественников знакомы с шекспировской пьесой «Мера за меру» по поэтически прекрасному, легкому и афористичному переводу Т.Л. Щепкиной-Куперник. Он был выполнен в 1939 году, тогда же опубликован небольшим тиражом, а в 1960 г. вышел в собрании сочинений Шекспира издательства «Искусство», чей тираж (225 000 экз.) кратно превышал издание *Academia* с переводом пьесы М.А. Зенкевича. И сегодня перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник издается значительно чаще других. При этом выдающийся отечественный ученый А.А. Смирнов, соредактор и подготовитель обоих собраний сочинений Шекспира (и ни один редактор после него), не указал на изъятия текста и ошибки перевода, хотя издание от «Искусства» готовилось и публиковалось уже в период хрущевской оттепели. Из двух основных стратегий перевода — поэтической вольности и филологической точности — с «Мерой за меру» Т.Л. Щепкина-Куперник пошла по первому пути. Вольность данного перевода обусловлена двумя факторами: 1) смысловой и языковой ошибкой, особенно критичной тем, что она допущена в трактовке основного тезиса пьесы (не суди, сам делая то же, прощай) и 2) самоцензурой, очевидно связанной с «требованиями времени» и индивидуальными страхами (изъятие опасных тирад, сглаживание и смягчение смысла, избегание конкретных слов). В статье показано, в чем именно состоит неполнота, неточности и ошибки данного перевода, нуждающиеся в комментарии. А также сформулирована биографическая гипотеза, объясняющая самоцензуру переводчика.

Ключевые слова: «Мера за меру»; Т.Л. Щепкина-Куперник; М.А. Зенкевич; стратегии литературного перевода; поэтическая вольность; филологическая точность; самоцензура; требования времени

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-12

Для цитирования: Микеладзе Н.Э. Поправки времени к одному русскому переводу «Меры за меру» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 170–182.

CORRECTIONS OF TIME TO ONE RUSSIAN TRANSLATION OF *MEASURE FOR MEASURE*

Natalia Mikeladze

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; fornatalia@bk.ru

Abstract: Generations of Russians are familiar with Shakespeare's play *Measure for Measure* through the poetically beautiful, light and aphoristic translation of T.L. Shchepkina-Kupernik (1939). The same year it was published in a small print run, and in 1960 in The Complete Works of Shakespeare by *Iskusstvo Publ.* whose circulation (225,000 copies) incomparably exceeded *Academia* edition with the translation of the play by M.A. Zenkevich. And today the translation of T.L. Shchepkina-Kupernik is published much more often than others. Meanwhile, the outstanding Russian scholar A.A. Smirnov, co-editor and preparer of both Shakespeare's Collected Works (or any editor after him), did not point to the deletion of the fragments of text and translation errors, although the *Iskusstvo* edition was prepared and published already during the Khrushchev's 'thaw'. Of the two main translation strategies — poetic liberty and philological accuracy — T.L. Shchepkina-Kupernik took the first path with *Measure for Measure*. The liberty of this translation is due to two factors: 1) a semantic and linguistic mistake, particularly important because it was made in the interpretation of the main thesis of the play (do not judge, doing the same yourself, forgive) and 2) self-censorship, obviously associated with the 'requirements of the time' and individual fears (withdrawal of dangerous tirades, smoothing and softening of meaning, avoiding specific words). The article shows what exactly the incompleteness, inaccuracies and errors of this translation consist of, and why they need commentary. In addition, a biographical hypothesis is formulated to explain the translator's self-censorship.

Key words: *Measure for measure*; T.L. Shchepkina-Kupernik; M.A. Zenkevich; literary translation strategies; poetic liberty; philological accuracy; self-censorship; requirements of time

For citation: Mikeladze N.E. (2023) Corrections of Time to One Russian Translation of *Measure for Measure*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 170–182.

Существуют разные стратегии художественного перевода [см. Каганович 2011; Маликова 2017; Андреев 2020], и каждая имеет свое основание и право на существование. Одни переводчики руководствуются принципом филологической точности, от эквиритмии, как ее понимал¹ А.А. Смирнов [Смирнов 1934: 170], вплоть до бук-

¹ Отстаивая «новый метод» шекспировских переводов, одним из главных его признаков А.А. Смирнов называл «эквиритмию (точное воспроизведение числа строк подлинника, всех его размеров, рифмовки, разрезаний стиха, перенесений и т. д.)» и уточнял впоследствии, что рассматривает ее не как самоцель, а как средство создания адекватного перевода [Каганович 2018: 131, 133, 142–143].

вализма лексического и синтаксического. Другие исходят из презумпции вольности, обуславливая ее (изъятия, перестановки, сокращения, пересказы) требованиями поэтической и сценической выразительности, индивидуального или господствующего вкуса, то есть нуждами адаптации того или иного рода.

Достижение в переводе идеального сочетания точности и художественности ближе к утопии, но и такие русские переводы в реальности существуют (Данте и «Гамлет» М. Лозинского, Пруст и Стерн А. Франковского). Главным же критерием качества перевода был и остается смысл. Как бы то ни было, перевод должен доносить до иноязычного реципиента действительный смысл оригинала, не искажая его и, тем более, не меняя его на противоположный. В ином случае нам следует признать, что мы имеем дело с вольным переложением или с произведением по мотивам, даже если оно по своим художественным достоинствам конгениально подлиннику. В споре сторонников точности и «реалистичности» перевода (в смысле, который вкладывал в это понятие И. Кашкин в 1950-е годы)² нам участвовать не довелось, но филологу по определению ближе стона точности, соединенная с подходом Г. Шпета: «...Шекспира нужно именно изучать, а не “почитывать”» [Шпет 2013: 225].

«Шекспир во время чумы»: вольности перевода «Меры за меру»

С пьесой «Мера за меру» несколько поколений русскоязычных ценителей Шекспира второй половины XX века знакомились³, по большей части, в переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник (1874–1952), выполненном в 1939 году⁴, поскольку именно этот перевод вышел в собрании сочинений Шекспира издательства «Искусство», которое предназначалось весьма широкой аудитории. Тираж шестого тома (с «Гамлетом», «Мерой за меру», «Отелло» и «Королем Лиром») составил 225 000 экземпляров [Шекспир 1960]. За десять лет до этого в издательстве *Academia* тиражом 15 000 экземпляров вышла «Мера за меру» в сделанном тогда же переводе М.А. Зенкевича [Шекспир 1949, т. 7]. Доступность хронологически первого из этих двух переводов «Меры за меру» сталинских времен, как видно, оказалась в 15 раз выше.

² М.Л. Гаспаров так передал суть взглядов И. Кашкина: «...переводчик должен переводить не текст подлинника, а ту действительность, которая отражается в этом тексте (это называлось “реалистический перевод”» [см.: Азов 2013: 96].

³ Дореволюционному и раннему советскому читателю пьеса была знакома в переводе Ф.Б. Миллера в издании [Шекспир 1903, т. 3: 211–274].

⁴ Тогда пьеса была издана тиражом 8000 экз. [Шекспир 1939].

Однако судьба распорядилась так, что самый доступный, физически и поэтически, легкий и прекрасный, как воздушное кружево, русский перевод пьесы Т.Л. Щепкиной-Куперник неполон и содержит неточности, при внимательном рассмотрении оборачивающиеся ошибками, нуждающимися в исправлении и комментарии. Справедливости ради надо отметить, что выдающийся отечественный ученый А.А. Смирнов, соредактор и подготовитель обоих ПСС Шекспира, в послесловии и в примечаниях к пьесе, к сожалению, не указал на изъяты текста и ошибки перевода, хотя издание от «Искусства» готовилось и публиковалось уже в период хрущевской оттепели. Причиной могло быть и то, что, согласно некоторым свидетельствам, А.А. Смирнов «ставил не особенно высоко» саму эту шекспировскую пьесу, даже вопреки оценке А.С. Пушкина [Каганович 2018: 220]. Так или иначе, но русскоязычная аудитория многие годы воспринимала версию «Меры за меру», которая вносила изрядную путаницу в осмысление и без того сложного идейного узора пьесы.

В чем же состоит неполнота и неточности рассматриваемого перевода?

Одной из главных тем, обсуждаемых в «Мере за меру», является проблема тирании и принцип взаимодействия власти с народом.

У Шекспира вопрос о тирании ставит в начале действия сопровожадаемый в тюрьму Клавдио:

And the new deputy now for the Duke—
Whether it be the fault and glimpse of newness,
Or whether that the body public be
A horse whereon the governor doth ride,
Who, newly in the seat, that it may know
He can command, lets it straight feel the spur;
Whether the tyranny be in his place,
Or in his eminence that fills it up,
I stagger in—but this new governor
Awakes me all the enrolled penalties
Which have, like unscour'd armour, hung by th' wall
So long, that nineteen zodiacs have gone round,
And none of them been worn; and for a name
Now puts the drowsy and neglected act
Freshly on me: 'tis surely for a name. (I, 2, 146–160)⁵

Это рассуждение целиком выпало из перевода Т. Щепкиной-Куперник⁶. Между тем, размышление о тиранических свойствах пра-

⁵ Здесь и далее текст оригинала цитируется по изданию [Shakespeare 2004].

⁶ Пропущенный фрагмент включает 16 строк, он начинается с вопроса Луцио и краткого ответа Клавдио (“With child, perhaps? Unhappily, even so”, I, 2, 145).

вителя (коренится ли тиранство в индивидуальной природе, в самой властной позиции или же в неготовности индивида к взлету на подобную вершину) намечает главные вопросы пьесы [Микеладзе 2021] и поразительно актуально звучит в сталинском СССР 1939 года.

Вот как эту реплику эквилинеарно перевел через десять лет М. Зенкевич, потеряв, однако, «тиранство по должности»⁷:

И герцогом поставленный наместник,
Быть может, ради блеска новизны
Иль потому, что государство — конь,
Которого правитель обьезжает
(И новичок в седле, чтоб показать
Искусство править, — шпоры кровянит),
Тиран ли по природе он своей,
Величье ль сделало его тираном,
Не знаю я, — но новый наш правитель
Вдруг воскресил отжившие законы,
Что, как доспехи, ржаво на стене
Висели девятнадцать зодиаков
Никем не тронуты, и из тщеславья
Закон, не применявшийся совсем,
Вдруг применил ко мне лишь из тщеславья!

Второй фрагмент, в котором определение тиранству дает сам Герцог, сохранен Щепкиной-Куперник, но подвергся существенному переосмыслению. Это очень важный тюремный эпизод, в котором Герцог-монах указывает недовольному властью простому человеку грань, за которой правитель обращается в тирана.

Provost
It is a bitter deputy.
Vincentio
Not so, not so; his life is parallel'd
Even with the stroke and line of his great justice:
He doth with holy abstinence subdue
That in himself which he spurs on his power
To qualify in others: were he meal'd with that
Which he corrects, then were he tyrannous;
But this being so, he's just. (IV, 2, 76–83)

Т. Щепкина-Куперник переводит так:

Тюремщик
Жесток наместник наш!

⁷ Этот важный нюанс хорошо передан в переводе О. Сороки: «Присуще ль должности самой тиранство...» [Шекспир 1990].

Герцог

Не то, не то.

Вся жизнь его идет, как и правление,
Путиами справедливости и долга;
Смиряет он в священном воздержанье
В себе самом то, что смирать в других
Имеет право; если б сам он грешен
Был в том, что так преследует в других,
Тогда б он был тираном, но теперь —
Он только справедлив.

Выделенное курсивом в первой части реплики содержит существенное — принципиальное! — изменение смысла: согласно переводу, жизнь и деянья правителя справедливы и ответственны. Тогда как у Шекспира жизнь и деяния *соответствуют* друг другу, никакого панегирического обертона в источнике нет.

М. Зенкевич и здесь точен: жизнь правителя «параллельна» тому, как он судит — так же жестока, сурова⁸:

О нет: ведь жизнь его *вполне согласна*
С его правлением и правосудьем —
В себе самом он подавляет то,
На что прищипоривает власть свою,
Чтоб обуздать других... (курсив мой — Н.М.)

Этот фрагмент важен и потому, что здесь шекспировский Герцог дает (второе в его партии) определение тиранству через естественное равенство людей перед Богом и законом: «будь правитель запятнан тем, что преследует, тиран он был бы, а так он справедлив» (IV, 2, 81–82). Таким образом, правитель становится тираном, когда перестает мерить (судить) себя и других одной мерой.

Впервые Герцог произносил эту формулу в монологе «Кому свой меч вручает Бог». Начальник должен быть примером «И мерить мерою одной / Свою вину с чужой виной» (III, 2, 258–259; пер. Щепкиной-Куперник). В обоих случаях все русские переводы безукоризненно передают смысл.

Однако еще раньше, в ярком эпизоде столкновения-агона Изабеллы, пришедшей просить за брата, и Анджело, намеревающегося его казнить, впервые в пьесе отчетливо звучит эта формула:

*We cannot weigh our brother with ourself;
Great men may jest with saints; 'tis wit in them,
But in the less foul profanation* (II, 2, 127–129)

⁸ О. Сорока в этом месте точен, но не равнострочен: «Вся жизнь его сурова, как закон».

— Т. Щепкина-Куперник переводит ее наоборот:

*Нельзя своею мерой мерять ближних.
Пусть сильные глумятся над святыней —
В них это остроумье; но для низших
Кошунством это будет! (курсив мой — Н.М.)*

Такая трактовка полностью противоречит оригиналу и главному евангельскому послылу пьесы, который состоит, напротив, в общности Божьего закона для всех:

«Неужели думаешь ты, человек, что избежишь суда Божия, осуждая делающих такие дела и (сам) делая то же?» (Рим. 2:1–3); «...как же ты, уча другого, не учишь себя самого? Проповедуя не красть, крадешь? говоря: “не прелюбодействуй”, прелюбодействуешь? гнушаясь идолов, святотатствуешь? Хвалишься законом, а преступлением закона бесчестишь Бога?» (Рим. 2:21–23).

Речи Изабеллы к наместнику обладают особым качеством: они обличающе-убеждающие, но не запретительные. Не “must not”, а “cannot”, не «не должны», а «не умеем», тогда обретают смысл и последующие слова о глумлении над святыми, иначе повисающие загадочной риторикой.

При этом в продолжении спора с Анджело, когда Изабелла вновь возвращается к этому аргументу, он передан Щепкиной-Куперник верно:

*Вы в собственное сердце постучитесь,
Его спросите: знало ли оно
Такой же грех, как брата; если только
Сознается оно вам в грешных мыслях —
О, пусть тогда язык ваш не посмеет
Произнести над братом приговор, (II, 2, 137–142)*

— и нам остается лишь гадать, почему переводчик не заметил противоречия между «нельзя своею мерой мерить ближних» и «вы в собственное сердце постучитесь».

Вариант М. Зенкевича, учитывая его сугубо укоризненное звучание («не можем» — то есть «не научились»), точно передает оригинал:

*Не можем мы других собою мерить:
Великие острят и над святыми,
У низших же то назовем кошунством.*

И доходчиво (правда, в пяти строках вместо трех) излагает ту же мысль О. Сорока:

*Мы не умеем ближних и себя
Одною мерить мерой. Сходят с рук*

Властителю и над святыней шулки;
В нем остроумием зовется то,
Что у других — кощунство.

Казалось бы, ничем не объяснимый парадокс: основная мысль пьесы трижды уловлена и передана Т. Щепкиной-Куперник верно, но один раз — именно когда она звучит впервые, идиоматически, из уст маленького человека, обличающего власть, — она оказалась перевернута. Как было перевернуто и нисколько не хвалебное высказывание героя Шекспира о жизни и делах правителя.

В главе «Шекспир» в своих «Поздних воспоминаниях» (1952) Щепкина-Куперник коротко упоминает о своих переводческих предпочтениях: «...лет пятнадцать назад <то есть в середине 1930-х, когда шла подготовка собрания сочинений Шекспира *Academia* — Н.М.> покойный профессор Розанов предложил мне сделать для Гослитиздата переводы “Сна в летнюю ночь” и “Бури”. Тут он меня ознакомил с принципами перевода шекспировских произведений, выработанными целой коллегией шекспироведов, к слову сказать, *чрезмерно строгими и придерживавшимися больше “буквы”, чем “духа”*, и впоследствии очень измененными. Я взялась за дело по-новому...» [Щепкина-Куперник 2005] (курсив мой — Н.М.).

«По-новому» в сравнении с филологами-«буквалистами». Однако пропуск в рассматриваемом переводе тирады о тиране и тирании — не результат стремления избавиться от скучной отвлеченности, философии, тормозящей действие и нагоняющей тоску на зрителя. Как и панегирик аскетичному правителю-судии — не плод стремления уместить слова в строку, сохранить «форму фразы»⁹. Это результат самоцензуры. Подобная неполнота, зияющие лакуны, перемена акцентов, конечно, мешают иноязычным читателям-зрителям составить ясное представление о подлинном шекспировском высказывании о тиране и тирании, о законе и его исполнении. Но это еще полбеда, и направление рассуждения драматурга по части земной власти в целом понятно. А где же небесный закон? Он передан в ключевой формуле наоборот, оказался перевернут. Впрочем, в сталинском «мире наоборот» [Микеладзе 2019: 567–572] подмена правды являлась нормой, иное же отклонением от нее.

Заключение с биографической гипотезой

Таким образом, применительно к данному переводу «Меры за меру», мы можем говорить о его вольности, обусловленной двумя факторами:

⁹ Из главы «Шекспир»: «Мне кажется, что важнее донести мысль Шекспира, пусть сказанную лишним количеством слогов, слов и даже строк, чем механическую форму фразы» [Щепкина-Куперник 2005].

1) смысловой и языковой ошибкой (невынужденной) особенно критичной тем, что она допущена в главной формуле пьесы: не суди, сам делая то же, будь милосерд, прощай¹⁰;

2) самоцензурой, связанной с «требованиями» времени и индивидуальными страхами: изъятие опасных тирад, сглаживание и смягчение смысла¹¹, избегание¹² слова «тиран» (-ия, -ический).

В рассматриваемом переводе пьесы Шекспира немало «счастливых мест», как это назвала сама Щепкина-Куперник (когда «лучше не переведешь и не скажешь») [Щепкина-Куперник 2005]. Достаточно упомянуть формулу «Ведь не карая, мы уж позволяем», которой она точно и выразительно переводит гораздо менее лаконично высказанную мысль Шекспира:

...for we bid this be done,
When evil deeds have their permissive pass
And not the punishment. (I, 3, 37–39)

Однако самое большое достоинство перевода (афористичность) сыграло с ним злую шутку. Перевод запомнился нам ошибочными идиомами: «Нельзя своею мерой мерить ближних» (в оригинале наоборот); «Намеренья — ведь это только мысли...». Здесь опущена важная, но чреватая в эпоху «мыслепреступлений» отсылка к закону: нельзя судить за мысли, намерения. В оригинале сказано:

*Thoughts are no subjects;
Intent, but merely thoughts*
(V, 1, 451–452; курсив мой — Н.М.)

У Шекспира мысли неподсудны. М. Зенкевич дает: «Ведь мысли — не деянья»; О. Сорока: «А мысль закону не подвластна».

¹⁰ Или переводчик не придавал большого значения этому тезису, не считал его центральным? Возможно, высказывание самой Щепкиной-Куперник в главе о Шекспире проливает некоторый свет на эти материи: «У него не было “путеводной звезды”. Такой для людей средних веков была религия. Но для Шекспира как для человека Возрождения религия утратила свой смысл. А заменить ее было нечем — он еще не мог осмыслить все пути борьбы жизни так, как это сделали последующие эпохи» [Щепкина-Куперник 2005].

¹¹ Разумеется, это не могло укрыться от опытного А.А. Смирнова. Ставя Щепкину-Куперник в 1939 году в один ряд с другими «пионерами» советских поэтических переводов Шекспира (М. Лозинским, А. Радловой, М. Кузминым) и отмечая «дискуссионные моменты» у каждого из них, по ее поводу он высказался дружелюбно-деликатно: «в первых переводах Т. Щепкиной-Куперник кое-что было сглажено и смягчено» [Смирнов 1939: 166–168].

¹² Вместо семи раз источника переводчик употребляет это слово лишь трижды: «Тиранством было бы его карать...» (I, 3, 36); «Или ... я сумею стать тираном!» (II, 4, 168); «Тогда б он был тираном...» (IV, 2, 82).

Все это указывает на самоцензуру переводчика, выразившуюся в «адаптации» пьесы по меркам главного искусствоведа и театрала, каковым в 1939 году являлся И.В. Сталин.

Известно, что в мае 1937 года родной брат мужа¹³ Татьяны Львовны профессор Московского университета, ученый-почвовед с мировым именем Борис Борисович Полынов (1872–1952) был заключен в тюрьму (сначала в Лубянскую, потом переведен в Кресты) как «резидент английской разведки» по делу о террористическом заговоре в возглавляемом им академическом институте. Обвинения, слепленного «людьми реальной политики»¹⁴, он не признал, в итоге дело было прекращено (редчайший случай!), и в марте 1939 года он вышел на свободу. Сыграл ли какую-то роль в его освобождении этот в высшей степени изящный и мягкий перевод шекспировской «Меры за меру», одного из остроумнейших (и умнейших) сочинений против тиранов? Неизвестно. Во всяком случае, выбор переводчиком Т.Л. Щепкиной-Куперник данного сюжета в эти годы едва ли выглядит случайным.

Дополнительный свет, полагаю, может пролить на ситуацию еще один документ. В апреле 1939 года, через месяц после освобождения из тюрьмы Бориса Полынова, А.М. Коллонтай (в то время посол СССР в Швеции) пишет своей подруге Т.Л. Щепкиной-Куперник письмо. И в нем упоминает, как на ее петербургской квартире в апреле 1917 года проводил партийные совещания только что вернувшийся в Россию из эмиграции В.И. Ленин [Колеченкова 1972: 173]. В эпоху эзопова языка, умолчаний и недомолвок постскрипtum к письму выглядит так:

«P.S. Странно подумать, что прошло 22 года с той весны, как раз апрель, когда я жила у тебя и В.И. Ленин заезжал со Свердловым в твои комнаты, где бывали наши партийные совещания. Была такая же весна, но за эти 22 года весь мир стал иным, и перевернули его именно совещания, намечавшие линию, которые имели место в твоих сейчас исторических комнатах. Еще раз нежный привет. Шура» (Мезеберг, 22.04.1939).

Возможно, именно это обстоятельство сыграло решающую роль в счастливом освобождении из заключения деверя Т.Л. Щепкиной-Куперник. Такова совокупно наша биографическая гипотеза, объясняющая самоцензуру переводчика.

Общий прикладной вывод из проведенного исследования состоит в том, что при новых публикациях этот обладающий многими достоинствами перевод «Меры за меру» требует подробного комментария.

¹³ Адвокат Николай Борисович Полынов (1873–1939).

¹⁴ Выражение Б.Б. Полынова [Лялин, Перченков 1995: 263].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азов А.Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.
2. Андреев М.Л. Гольдони в переводе семейства Амфитеатровых // *Studia Litterarum* 2020. Т. 5. № 2. С. 56–67.
3. Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы. СПб.; М., 2013.
4. Каганович Б.С. А.А. Смирнов и русские переводы Шекспира 1930-х годов // *Laurea Loraе: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой*. СПб., 2011. С. 704–727.
5. Каганович Б. Александр Александрович Смирнов (1883–1962). СПб., 2018.
6. Колеченкова В.Н. «День и ночь на посту часовыми...» (Письма А.М. Коллонтай к друзьям) // *Встречи с прошлым*. Выпуск I. М., 1972. С. 152–173.
7. Лялин С.П., Перченко Ф.Ф. Записки Б.Б. Польшова о 1937 г. // *In memoriam: исторический сборник памяти Ф.Ф. Перченка*. М.; СПб., 1995. С. 253–271.
8. Маликова М.Э. К описанию филологического перевода» в 1930-е гг.: А.А. Франковский — переводчик английского романа XVIII в. // *Studia Litterarum*. 2017. Т. 2. № 3. С. 10–45.
9. Микеладзе Н.Э. «На финик смокву»: предатели в великих трагедиях Шекспира // *Микеладзе Н.Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира*. М.; СПб., 2019. С. 553–585.
10. Микеладзе Н.Э. Кому «свой меч вручает Бог»? (Шекспир и епископ Билсон) // *Вестник Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2021. № 3. С. 161–171.
11. Смирнов А.А. О русских переводах Шекспира // *Звезда*. 1934. № 4. С. 165–172.
12. Смирнов А.А. Советские переводы Шекспира // *Шекспир*. 1564–1939: Сб. статей. М.; Л., 1939. С. 144–183.
13. Шекспир В. Мера за меру / Пер. Ф.Б. Миллера // *Шекспир В. Сочинения: В 5 т. / Под ред. С.А. Венгерова*. СПб., 1902–1904. Т. 3 (1903). С. 211–274.
14. Шекспир В. Мера за меру / Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник. М.; Л., 1939.
15. Шекспир В. Мера за меру / Пер. М.А. Зенкевича // *Шекспир В. Полн. собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. С.С. Динамова, А.А. Смирнова*. М.; Л., 1936–1949. Т. 7 (1949), с. 377–504.
16. Шекспир У. Мера за меру / Пер. Т.Л. Щепкиной-Куперник // *Шекспир У. Полн. собр. соч.: в 8 т. / Под общ. ред. А.А. Смирнова, А.А. Аникста*. М., 1957–1960. Т. 6. (1960), с. 159–279.
17. Шекспир У. Мера за меру; Король Лир; Буря: пьесы / Пер. О. Сороки. М., 1990.
18. Щепкина-Куперник Т.Л. Дни моей жизни. М., 2005.
19. *Shakespeare W. Measure for Measure / Ed. J.W. Lever. The Arden Shakespeare, 2nd ser. London, 2018.*

REFERENCES

1. Azov A.G. Poverzhennye bukvalisty: Iz istorii hudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920-1960-e gody [Defeated literalists: From the history of literary translation in the USSR in the 1920s-1960s.]. Moscow, *Higher School of Economics Publ.*, 2013. 304 p. (In Russ.)
2. Andreev M.L. Gol'doni v perevode semejstva Amfiteatrovyh [Goldoni translated by Amfiteatrov's family]. *Studia Litterarum* 2020, 5, 2, pp. 56–67. (In Russ.)
3. Gustav Shpet i shekspirovskij krug. Pis'ma, dokumenty, perevody [Gustav Shpet and the Shakespeare circle. Letters, documents, translations]. Saint Petersburg. Moscow, *Petroglif Publ.*, 2013. 759 p. (In Russ.)

4. Kaganovich B.S. A.A. Smirnov i russkie perevody Shekspira 1930-h godov [A.A. Smirnov and Russian translations of Shakespeare in the 1930s]. *Laurea Loraе: Sbornik pamjati Larisy Georgievny Stepanovoj* [Laurea Loraе: Collection in memory of Larisa Georgievna Stepanova]. Saint Petersburg, *Nestor History Publ.*, 2011, pp. 704–727. (In Russ.)
5. Kaganovich B.S. Aleksandr Aleksandrovich Smirnov (1883–1962) [Alexander Alexandrovich Smirnov (1883–1962)]. Saint Petersburg, *European House Publ.*, 2018. 240 p. (In Russ.)
6. Kolechenkova B.N. «Den' i noch' na postu chasovymi...» (Pis'ma A.M. Kollontaj k druž'jam) ["Day and night at the sentinel post ..."] (Letters from A.M. Kollontai to friends). *Vstrechi s proshlym*. Vypusk I. [Meetings with the past. Issue I]. Moscow, *Soviet Russia Publ.*, 1972, pp. 152–173. (In Russ.)
7. Ljalin S.P., Perchenok F.F. Zapiski B.B. Polynova o 1937 g. [Notes of B.B. Polynova about 1937]. In *memoriam: istoricheskij sbornik pamjati F.F. Perchenka* [In memoriam: historical collection in memory of F.F. Perchenok]. Moscow, Saint Petersburg, *Phoenix, Atheneum Publ.*, 1995, pp. 253–271. 450 p. (In Russ.)
8. Malikova M.E. Kopisaniju filologicheskogo perevoda» v 1930-e gg.: A.A. Frankovskij — perevodchik anglijskogo romana XVIII v. [On the description of “philological translation” in the 1930s: A.A. Frankovsky — translator of the English novel of the 18th century]. *Studia Litterarum*, 2017, 2, 3, pp. 10–45. (In Russ.)
9. Mikeladze N.E. «Na finik smokvu»: predateli v velikih tragedijah Shekspira [“Dattero per figo”: traitors in the great tragedies of Shakespeare]. Mikeladze N.E. *Miloserdie sil'nee mesti. Vremja i vechnost' v teatre Shekspira* [In virtue than in vengeance. Time and eternity in the theatre of Shakespeare]. Moscow, Saint Petersburg, *Center for Humanitarian Initiatives Publ.*, 2019, pp. 553–585. (In Russ.)
10. Mikeladze N.E. Komu «svoj mech vruchaet Bog»? (Shekspir i episkop Bilson) [Shakespeare and bishop Bilson: “He who the sword of heaven will bear?”]. *Moscow State University Bulletin*. Series: Philology. 2021, 3, pp. 161–171. (In Russ.)
11. Smirnov A.A. O russkikh perevodah Shekspira [About Russian translations of Shakespeare]. *Zvezda*. 1934. 4. pp. 165–172. (In Russ.)
12. Smirnov A.A. Sovetskie perevody Shekspira [Soviet translations of Shakespeare] *Shekspir. 1564–1939. Sb. statej* [Shakespeare. 1564–1939. Collected articles]. Moscow, Leningrad, 1939. pp. 144–183. (In Russ.)
13. Shekspir V. *Mera za meru*. Transl. by F.B. Millera. Shekspir V. Sochinenija v 5 tomah, t. 3. Ed. by S.A. Vengerov. [Shakespeare W. Works in 5 Vol., Vol. 3]. Saint Petersburg, Brockhaus-Efron Publ., 1903, pp. 211–274. (In Russ.)
14. Shekspir V. *Mera za meru*. Transl. by T.L. Shhepkinoj-Kupernik. [Shakespeare W. Measure for Measure]. Moscow, Leningrad, *Iskusstvo Publ.*, 1939. 192 p. (In Russ.)
15. Shekspir V. *Mera za meru*. Transl. by M.A. Zenkevich. Shekspir V. Poln. sobr. soch. v 8 tomach, t. 7. Ed. by S.S. Dinamov, A.A. Smirnov. [Shakespeare W. Measure for Measure. Shakespeare W. The Complete Works in 8 vol., v. 7]. Moscow, Leningrad, *Academia Publ.*, 1949, pp. 377–504. (In Russ.)
16. Shekspir U. *Mera za meru*, Transl. by T. L. Shhepkinoi-Kupernik. Shekspir U. Poln. sobr. soch. v 8 tomakh, t. 6. [Shakespeare W. Measure for Measure. Shakespeare W. The Complete Works in 8 Vol., Vol. 6]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1960, pp. 159–279. (In Russ.)
17. Shekspir U. *Mera za meru. Korol' Lir. Buria*. Transl. by O. Soroka. [Shakespeare W. Measure for Measure. King Lear. The Tempest]. Moscow, *Izvestiia Publ.*, 1990. 253 p. (In Russ.)
18. Shhepkina-Kupernik T.L. *Dni moej zhizni* [Days of my life]. Moscow, *Zaharov Publ.*, 2005. 528 p.

19. Shakespeare W. *Measure for Measure*. Ed. by J.W. Lever. The Arden Shakespeare, 2nd ser. London, *Bloomsbury Publ.*, 2018. 203 p.

Поступила в редакцию 12.10.2021

Принята к публикации 15.02.2022

Отредактирована 20.03.2022

Received 12.10.2021

Accepted 15.02.2022

Revised 20.03.2022

ОБ АВТОРЕ

Наталья Эдуардовна Микеладзе — доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной журналистики и литературы факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; fornatalia@bk.ru

ABOUT THE AUTHOR

Natalia Mikeladze — Prof. Dr., Professor of the Department of Foreign Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University; fornatalia@bk.ru

БРИТАНСКАЯ КЛАССИКА XIX ВЕКА ПО-РУССКИ: ТРИ ВЕКА ПЕРЕВОДА

А.Л. Борисенко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; alexandra.borisenko@gmail.com*

Аннотация: Британскую классику XIX века переводят в России уже третье столетие. Художественный перевод пережил за это время два кардинальных изменения переводческой нормы: после Октябрьской революции и после перестройки. До революции не было устойчивых принципов перевода, нередко выходило несколько переводов одного и того же произведения, иногда одновременно, были приняты пропуски, вольный пересказ. В советскую эпоху была сделана попытка выработать единые принципы перевода и создать по одному «идеальному» переводу каждого произведения. При этом развернулась борьба за то, какой переводческий метод следует использовать. Изначально была сделана ставка на точность в противовес вольности предыдущего периода. Но с конца 1930-х годов так называемый «филологически-точный перевод» был признан ошибочным, многие переводчики были осуждены как формалисты, стал доминировать перевод более вольный, доместицирующий. Однако осталась традиция комментированных изданий с обширным аппаратом. После перестройки снова появились разные переводы одного и того же текста, в том числе стали использоваться переводы XIX века. В статье анализируются особенности каждого из периодов, влияние экономических, культурных и политических факторов на издательские практики, методы перевода и комментирования, проблемы авторства, редактуры, цензуры и выбора целевой аудитории. Особое внимание уделяется возвращению в обиход до-революционных переводов. Ставится вопрос о профессиональной критике переводов, которая могла бы помочь читателю ориентироваться в ситуации, когда в культуре сосуществуют несколько переводов одного и того же произведения.

Ключевые слова: художественный перевод; британская классика XIX века; филологически точный перевод; издательство *Academia*; комментарий

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-13

Для цитирования: Борисенко А.Л. Британская классика XIX века по-русски: Три века перевода // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 183–195.

BRITISH 19TH-CENTURY NOVEL IN RUSSIAN: THREE CENTURIES OF TRANSLATION

Alexandra Borisenko

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
alexandra.borisenko@gmail.com*

Abstract: For over two hundred years, 19th-century British literature was being translated in Russia. The process of literary translation has suffered two radical changes in translation norm within that time. The first had happened after the 1917 revolution; the second after the perestroika of the early 1990s. Before the revolution there were no established principles of translation: very often different translations of the same text were published at the same time; in some cases translation was reduced to retelling the story. In the Soviet era there was a concept of the ultimate 'ideal' translation of each work of literature, but the question of the translation method came into dispute. Initially translation accuracy was recognized as the most important factor, but later so called 'formalism' was stigmatized and more domesticating method was recognized as the only proper approach. After perestroika multiple translations of the same text started to appear, and the translations of the 19th century came back into print. The article reviews the details of each of those periods, the influence of economic, cultural, and political issues on publishing practice, methods of translation and commentary, problems of authorship, editing, censorship, and the choice of target audience. Particular attention is paid to the practice of reusing pre-revolution translations. The problem of professional translation criticism that could help readers make sense of several coexisting translations, is discussed.

Keywords: literary translation; British 19th-century literary classics; philological translation; *Academia* publishing house; commentary

For citation: Borisenko A. (2023). British 19th-Century Novel in Russian: Three Centuries of Translation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 183–195.

У Чарльза Диккенса спросите,
Что было в Лондоне тогда...
Осин Мандельштам

В течение последних пятнадцати лет мне довелось руководить многими студенческими работами и проектами, направленными на изучение русских переводов британской классики. Эта статья — попытка систематизировать некоторые наблюдения¹.

¹ Речь идет, главным образом, о дипломных сочинениях, написанных под моим руководством на филологическом факультете МГУ, и о проекте «Аннотации к переводам», которым я руководила в магистратуре «Литературное мастерство» НИУ ВШЭ. Везде, где используются примеры из студенческих работ, стоят ссылки на эти работы.

1. Много — один — много

Британская классика XIX века на русском языке пережила два глобальных сдвига переводческой нормы: первый — в 1920-х годах, когда дореволюционная норма сменилась новым подходом к переводу, известным впоследствии как «советская школа перевода»; второй — в 1990-х годах, когда коллапс советской издательской системы побудил к образованию новых издательских и переводческих практик. Разумеется, эти процессы были сложными и неоднородными, однако мы можем наблюдать паттерны, ясно проступающие при сравнении переводческих историй десяти-двадцати романов.

Как правило, у британского романа, получившего читательский отклик XIX веке, есть несколько дореволюционных переводов и переложений. В советскую эпоху обычно появляется один новый перевод, который признается «каноническим» и многократно переиздается (иногда в разных редакциях). После перестройки тот же роман либо продолжает издаваться в советском переводе, либо его переводят заново, и тогда количество новых версий (самого разного качества) может достигать десятка. Конечно, за этим стоит, в том числе, юридическая реальность: до революции переводы *еще* не ограничивались авторским правом, а после перестройки — *уже* не ограничивались (поскольку написанное в XIX веке попадает в общее пользование). Кроме того, и до революции, и после перестройки количество переводов указывает на больший или меньший читательский интерес. В советскую же эпоху практики перевода управляются прежде всего приоритетами государственной культурной политики.

Например, «Оливер Твист» до революции выходил по-русски в шести более или менее полных переводах и пяти переложениях для детей. «Дэвид Копперфильд» выходил как минимум в восьми разных переводах, «Холодный дом» — в трех; «Ярмарка тщеславия» публиковалась до революции в четырех разных переводах, «Джейн Эйр» — в шести более или менее сокращенных и переработанных версиях. У каждого из этих романов есть только один полноценный советский перевод².

Возникает вопрос: было ли создание совершенно новых переводов делом принципа или необходимости?

2. «До основанья, а затем»: замена старых переводов новыми

Британский роман XIX века вызывал интерес русских читателей с самого начала — многие современники Диккенса и Теккерея чи-

² Иногда выходили также вольные переложения для детей.

тали их в английском оригинале или по-французски, но появлялись и многочисленные переводы и переложения.

Само количество дореволюционных переводов наиболее популярных романов говорит о том, что они были интересны публике; часто сравнительные достоинства переводов горячо обсуждали на страницах журналов.

Начиная с 1919 г. возникает советский проект издания шедевров мировой литературы для «нового человека» — предполагается создать «идеальные переводы» зарубежной классики, преодолеть размытость дореволюционной нормы, избавиться от ошибок и отсебятины. Горьковский проект создания гигантской хрестоматии, которая включала бы в себя все лучшие книги, созданные человечеством, был, конечно, отчасти утопическим — поражает не то, что этот проект не состоялся в полном объеме, а наоборот, что столь многое удалось осуществить.

Разрыв со старой нормой был идеологически задан в самом начале — и довольно быстро наполнился конкретным содержанием. Отказ от русификации имен, отказ от использования французских переводов-посредников, сохранение национально-культурных реалий, обширное комментирование, профессионализация перевода — все это отдаляло новую норму от старой. Разумеется, процесс этот шел постепенно и иногда болезненно, но издательства «Всемирная литература» и *Academia* действовали очень последовательно, вырабатывая единые подходы (что позволяло заодно обеспечивать работой голодающую творческую интеллигенцию).

Отправной точкой для идеологов нового перевода стала «точность». «...Идеал нашей эпохи — научная, объективно-определимая точность, во всем, даже в мельчайших подробностях, и приближительные переводы кажутся нам беззаконием», — пишет Чуковский [Азов 2013: 51]. Концепция «филологически-точного перевода» объединила таких филологов и переводчиков, как А. Смирнов, Ярхо, Г. Шенгели, А. Франковский, Г. Шпет, Е. Ланн и т. д.

Разумеется, «филологически-точный метод» применялся именно к созданию комментированных изданий классики мировой литературы. Поэтому для переводов британского романа XVIII и XIX вв. этот период и этот метод оказались чрезвычайно важными. Например, романы Стерна до сих пор издаются в переводах А. Франковского, а романы Теккерея и Диккенса — в переводе М. Дьяконова и А. Кривцовой и Е. Ланна соответственно. Кроме того, в течение всего советского периода сохранялась традиция печатать классические произведения с аппаратом: предисловием, комментариями, сносками и т. д.

Однако уже на первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 г. стало ясно, что «филологически-точный перевод» проигрывает в идеологической борьбе переводу более вольному, рассчитанному на широкие читательские массы [Земскова 2015]. Позже Иван Кашкин назовет этот метод «реалистическим».

3. Скрытые имена, забытые комментарии

В 1930-х годах многие сторонники «филологически-точного перевода» репрессированы (иногда переводы репрессированных переводчиков продолжали переиздаваться без указания авторства³). Другие впали в немилость как «формалисты». Конечно, это не могло не повлиять на дальнейшие переводы и издания британских классиков в СССР.

Так, перевод романа «Холодный дом», подписанный именем М. Клягиной-Кондратьевой, изначально был сделан в соавторстве с Г. Шпетом. Имя Шпета, расстрелянного в 1937 году, оказалось под запретом. Совместный перевод, подписанный двумя именами, выходил в 1936 году, существует довольно разгромная (и очень подробная) внутренняя рецензия на него, написанная В. Топер [Топер 1968]. По всей видимости, после этого разбора Клягина-Кондратьева основательно переработала текст, и в 1955 г. он вышел только под ее именем. В рецензии Катарского упоминается старый перевод, но без имени Шпета [Катарский 1956: 204].

Перевод «Ярмарки тщеславия», сделанный М. Дьяконовым, продолжал издаваться после его расстрела, но — до реабилитации в 1947 г. — без упоминания имени переводчика. Первая редактура 1953 г., сделанная Е. Гальпериной и М. Лорие, была скорее косметической. А вот более поздняя редактура М. Лорие (1968 г.) оказалась более существенной и, в частности, модифицировала говорящие имена. Например, вместо мистера Хамердауна и доктора Суиштейля появляются мистер Аукционист и доктор Порки, а фамилия «Кекль» заменена на «Кудахт» [Исмагилова 2022]. Это уже попытка приблизить перевод к более поздним тенденциям одомашнивающего, «реалистического» перевода. Хотя М. Лорие все-таки не заходит так далеко, как Нора Галь, которая предлагала переименовать Бекки Шарп в Бекки Востр [Галь 2007: 192].

Комментарий Г. Шпета, сопровождавший перевод Дьяконова при первой публикации в *Academia*, больше никогда не увидел света — отредактированный перевод издавался с гораздо менее подробным комментарием М. Лорие и М. Черневич.

³ В позднесоветское время в случае, если кто-то из переводчиков уезжал за границу, чаще заказывали новые переводы (В.П. Голышев мне говорил, что считал для себя морально недопустимым делать такой повторный перевод).

Больше повезло комментарию Шпета к знаменитому трехтомному изданию «Записок Пиквикского клуба» (*Academia*, 1933). Этот комментарий содержался в третьем томе, представлял собой развернутый рассказ о культурных реалиях Англии и был переиздан в 1990 году⁴, но произошел курьезный недосмотр: вместо того, чтобы издать комментарий с тем переводом, к которому он был написан (перевод Кривцовой и Ланна делался в сотрудничестве со Шпетом и при его редакторском участии), его поместили под одну обложку с ранним переводом под редакцией Шпета, и перевод этот пришлось основательно (и не всегда успешно) редактировать, вставляя туда комментируемые реалии [Азов 2014].

Скрытыми оказываются и имена переводчиков XIX века в тех случаях, когда их переводы выходят в новых редакциях. Надо сказать, что в советское время такие случаи были крайне редки.

4. Исключения из правил

Советская традиция отказалась от переиздания дореволюционных переводов, но иногда они все-таки использовались — с оговорками и сменой авторства. Яркий пример — канонический советский перевод романа «Лунный камень» Коллинза, выполненный М. Шагинян, утверждавшей, что она взяла за основу дореволюционный анонимный перевод и сличила его с оригиналом:

«В результате пришлось его в корне переработать и восстановить около 80 пропущенных мест. Таким образом читателю предлагается уже новый перевод, с сознательно сохраненной мною от прежнего лишь некоторой старомодностью синтаксиса, соответствующей английской речи 60-х годов прошлого века»⁵.

Однако сравнив дореволюционный перевод с версией Шагинян, М. Сарабянова приходит к выводу, что правка была сделана незначительная, часто непоследовательная, облегчающая и упрощающая текст, а вот пропуски не столько восполнялись, сколько множились — было сделано много сокращений, главным образом, по цензурным соображениям [Сарабянова 2022]. Кроме того, Шагинян сокращала «повторы» — там, где разные персонажи рассказывают об одних и тех же событиях, что чрезвычайно важно для структуры романа⁶.

⁴ Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба / Сокр. пер. с англ. под ред. А.Г. и Г.Ш.; нов. ред. М. Тюнькиной; коммент. Г. Шпета. М.: Независимая газета, 2000.

⁵ Коллинз У. Лунный камень (перевод М. Шагинян). Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1947. С. 7.

⁶ В 2015 г. появился более полный перевод В. Михалюка, в настоящее время готовится к публикации перевод А. Ливерганта.

Иногда дает сбой и «правило одного (канонического) перевода», который должен был, по выражению Чуковского, «заменять подлинник». Пожалуй, самый яркий случай такого рода — переводы романа Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки». Есть семь дореволюционных переводов и целых два советских «канонических» — перевод М. Салье (1939 г.)⁷ и перевод М. Донского и Э. Линецкой (1958 г.); последние много раз переиздавались. Такое параллельное сосуществование двух или больше переводов было типично для поэзии и детской литературы, но не для классических романов. Видимо, сыграли роль стилистические особенности произведения — обилие труднопереводимых каламбуров и шуток⁸.

Еще одно яркое исключение — Джейн Остен. Как ни странно, ее романы вообще не переводились до революции. Это удивительный факт, которому трудно найти объяснение — даже притом, что слава пришла к Джейн Остен посмертно и поздно, она все же была достаточно известна в конце XIX века, чтобы заслужить хотя бы один русский перевод... В первой половине XX века Джейн Остен была по-прежнему неизвестна русскому читателю, включая специалистов по британской литературе⁹.

В советское время Джейн Остен не входила в программу зарубежной литературы филологических факультетов, и до 1985 года на русский язык был переведен только роман «Гордость и предубеждение» («Литературные памятники», 1967 г., перевод И. Маршака с комментариями Н. Демуровой).

Только в 1989 г. был подготовлен трехтомник, в который вошли шесть основных романов Остен, с предисловием Е. Гениевой и комментариями Е. Гениевой и Н. Демуровой. Однако в начале XXI века популярность Джейн Остен неожиданно взлетела во всем мире благодаря экранизациям, что привело к появлению новых переводов — в этом смысле Джейн Остен вписывается в общий паттерн.

⁷ А. Белеванцев указывает, что обычно перевод Салье датируется 1957 годом, когда он был опубликован под редакцией М. Лорие. Однако сопоставив текст с анонимным переводом, изданным в 1939 г. в Ленинграде, Белеванцев приходит к выводу, что это один и тот же текст [Белеванцев 2022].

⁸ Чаще всего эти два перевода, у каждого из которых есть свои несомненные достоинства, различают по переводу одного из каламбуров: герой находит у себя все болезни, кроме *housemaid's knee* (колена горничной). У Салье — «воспаление коленной чашечки», у Донского и Линецкой — «родильная горячка».

⁹ Нина Демурова, филолог и переводчик, вспоминает, что познакомилась с творчеством Джейн Остен, случайно купив ее книгу на развале в Дели в конце 1950-х гг.

5. Новые переводы старых романов

Многие классические британские романы переводились после перестройки, причем иногда по многу раз. Причины для появления новых переводов были самые разные — как желание восполнить пробелы, вызванные советской цензурой, так и нежелание платить авторам классических переводов либо невозможность договориться с правообладателями.

В 1990-е годы шел процесс «дополнения» корпуса русских текстов известных писателей. Это был процесс общий для жанровой литературы и классики: дело в том, что советское книгоиздание до самого конца продолжало работать по принципу «хрестоматии» — т. е. выбирать самые значительные или самые идеологически подходящие произведения [Борисенко 2022]. Поэтому 1990-е стали временем полных собраний сочинений и заполнения лакун. Выходят «второстепенные романы» Ш. Бронте — «Учитель» (в переводе У.В. Сапциной) и «Городок» (переводчики — Л. Орел, Е. Суриц); романы Энн Бронте «Ангес Грей» и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла», оба в переводе И. Гуровой, и т. д. Процесс продолжается: после выхода сериала «Жены и дочери» по роману Э. Гаскелл роман, не переводившийся в советское время, вышел в переводах И. Проценко и А. Глебовской (2014) и Т. Осиной (2021). А «Север и Юг» вначале появился в любительском переводе В. Григорьевой и Е. Первушиной на сайте A'propos (2008), а в 2011 г. в отредактированной версии был опубликован издательством «Азбука-Аттикус».

Диккенс, вокруг которого разгорались переводческие битвы 1930–1950-х годов, был издан достаточно полно, причем в наиболее представительное тридцатитомное издание, вышедшее с 1957 по 1963 гг., вошли как переводы «буквалистов» Кривцовой и Ланна, так и более поздние переводы «кашкинок» — М. Лорие, В. Топер и т. д.¹⁰ Поэтому Диккенса процесс заполнения лакун практически не затронул.

Стали появляться и повторные переводы романов, которые обрели известность в советское время. Одна из причин — желание заполнить цензурные пропуски. Например, И. Гурова сделала новый перевод «Джейн Эйр» без купюр (в советское время были сокращены некоторые фрагменты религиозного содержания и несколько снижен религиозный пафос книги).

Также нередко новые переводы классики ставят перед собой задачу облегчить и осовременить текст. Как правило, такие переводы

¹⁰ Бои вокруг переводов Диккенса подробно описаны в книге А. Азова «Поверженные буквалисты», которая возникла из дипломной работы на ту же тему, защищенной на филологическом факультете МГУ в 2012 году.

избегают архаизации, упрощают синтаксис, разбивают абзацы, стараются сделать диалог более живым и понятным (см., напр., новые переводы Джейн Остен: «Эмму» в переводе М. Николенко или новый перевод «Гордости и предубеждения», выполненный А. Ливергантом).

Есть и противоположная тенденция — углубить понимание книги, уже ставшей знаменитой, снабдить издание подробным комментарием — например, новый перевод романа «Трое в лодке, не считая собаки», сделанный Гае Севером.

Для некоторых переводчиков проза XIX века становится пространством дерзкого эксперимента. Таковы, например, переводы А. Грызуновой, вызвавшие много критических откликов. В этих переводах нарушается одна из главных норм советского перевода — опора на русский язык пушкинской эпохи, соблюдение стилистического единства. Грызунова сталкивает архаичный язык с современными вкраплениями, что иногда создает комический эффект¹¹.

При переводе «Грозового перевала» Грызунова отказывается от «нейтральной» передачи йоркширского диалекта и пытается создать особый язык, опираясь на русское просторечие — тем самым возвращаясь к поискам И. Введенского: «Ну се пшли на двор, а кой-кто тутось лодырит, сраму не зная, а то чогой и поплшее!»

Порой новые переводы оказываются подправлены старыми — нередко мы имеем дело с плагиатом или компиляцией. Особенно часто так происходит с аудиокнигами. Некоторые издательства используют коллективные псевдонимы — то есть, по сути, те же анонимные переводы, возвращаясь к практике XIX века. Скажем, издательство «Центрполиграф» печатало по несколько десятков переводов в год, подписанных фамилией «Мансуров» [Гайденко 2022].

Гораздо шире начинают использоваться и некогда отвергнутые переводы XIX века. Очевидно, делается это потому, что за них не надо платить. Случаются злоупотребления — иногда старые переводы издаются анонимно, иногда приписываются кому-то другому. Скажем, выполненный Н. Жаринцовой перевод романа «Трое в одной лодке» несколько раз перепечатывался издательством ЭКСМО анонимно, а после был приписан Теодору Гринцу [Белеванцев 2022].

Однако возродившийся интерес к дореволюционным переводам имеет и положительные стороны. Среди старых переводов об-

¹¹ Например: «Г-н Коллинз недолго пребывал в безмолвных размышлениях об успехе своей любви, ибо г-жа Беннет, коя околачивалась в вестибюле, ожидая конца совещания, едва увидев, как Элизабет открывает дверь и бежит мимо к лестнице, вступила в утреннюю столовую и поздравила гостя и себя со счастливыми видами на грядущее родственное сближенье».

наруживаются довольно полные и точные. Иногда бытовые реалии оказываются отражены вернее из-за исторической близости к переводимому тексту¹².

Очевидно, что изучение переводов, современных оригиналу, может быть полезно как исследователю перевода, так и переводчику-практику.

Заключение

Возвращение множественности переводов — главным образом, в случае романов, находящихся вне действия авторского права, — остро ставит вопрос навигации для читателей и возникновения профессиональной критики, которая могла бы облегчить выбор перевода.

Любительская критика переводов широко представлена в различных социальных сетях и на сайтах книжных магазинов: современные читатели нередко владеют иностранными языками и улавливают словарные ошибки и искажения текста. Однако эта критика часто бывает наивной и несостоятельной из-за непонимания специфики художественного перевода.

Кроме того, читатель, привыкший к советской концепции «канонического» перевода, задается вопросом «какой перевод лучше», в то время как у многих произведений существует несколько достаточно качественных переводов, рассчитанных на разные читательские круги и интересы.

Изменения переводческой нормы и читательских ожиданий, произошедшие в последние десятилетия, требуют осмысления и анализа. Несомненно, однако, что все три эпохи перевода британской литературы остаются актуальными для современной русскоязычной читательской аудитории.

¹² Вот один из примеров: «В XVI главе служанка Диксон описывает, как впервые увидела будущую миссис Хейл: “in white crape, and corn-ears, and scarlet rorries”. У всех современных переводчиков это место вызвало затруднение из-за слова ‘corn-ears’. Григорьева и Первушина не стали переводить его вовсе, в их версии на героине «белое платьице, расшитое алыми маками». Осина тоже его обошла — «белое платье с алыми маками по подолу». А Трофимов оставил, однако у него получился фантастический наряд по меркам XIX века: «Ткань была украшена узором из вышитых кукурузных початков и алых маков». Что же это за *corn-ears* у нарядной дамы? Об этом можно узнать только из дореволюционного перевода: «на ней было бѣлое крѣпное платье, а въ волосахъ золотые колосья и мелкій красный макъ». Действительно, по моде того времени на торжественные события девушки вплетали в прическу колоски и цветы. Подтверждением тому служит акварель с изображением леди Фанни Коупер на коронации королевы Виктории в 1838 году. Это изображение хранится в собрании Royal Collection Trust, и в подписи есть пара фраз о прическе леди Коупер: “wreath of silver corn ears on her head” [Батий 2022].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.
2. Азов А. О переиздании перевода «Посмертных записок Пиквикского клуба» под редакцией Густава Шпета // Текстология и историко-литературный процесс: II Международная конференция молодых исследователей, [21–22 марта 2013 г., Москва]: сб. ст.: [науч. изд.] / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова [ред.: Л.А. Новицкас и др.]. М., 2014. С. 158–176.
3. Борисенко А. Переосмысление переводческой нормы: постсоветская практика // Новое литературное обозрение. 2022. № 176. С. 196–209.
4. Галь Н.Я. Слово живое и мертвое. М., 2007.
5. Земскова Е. Стратегии лояльности: дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 года // Новый филологический вестник. 2015. № 4 (35). С. 70–84.
6. Катарский И. «Новое издание «Холодного дома» Чарльза Диккенса // Иностранная литература, 1956. № 9. С. 205–208.
7. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985.
8. Чуковский К.И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. М., 1988.
9. Топер В.М. Из архива редактора [Рец. на пер.: Диккенс Ч. Холодный дом. Пер. М. Клягиной-Кондратьевой (рукопись)] / Предисл. М.Ф. Лорие // Мастерство перевода. Сб. 5: 1966. М., 1968. С. 337–362.

СЕРИЯ «АННОТАЦИИ К ПЕРЕВОДАМ» НА ПОРТАЛЕ «ГОРЬКИЙ»

10. Батий Д. Элизабет Гаскелл «Север и Юг»: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-sever-i-yug-elizabet-gaskell/> Дата обращения: 06.02.23
11. Белеванцев А. Джером К. Джером: «Трое в одной лодке, не считая собаки» <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-troe-v-lodke-ne-schitaya-sobaki-dzheroma-k-dzheroma/> Дата обращения: 06.02.23
12. Гайденок А. Джейн Остен «Эмма»: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-emma-dzhejn-osten/> Дата обращения: 06.02.23
13. Гусева А. Эмили Бронте «Горозовой перевал»: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-grozovoj-pereval-emili-bronte/> Дата обращения: 06.02.23
14. Исмаилова К. У.М. Теккерей «Ярмарка тщеславия»: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-yarmarka-tshheslaviya-u-m-tekkereya/> Дата обращения: 06.02.23
15. Саратьянова М. Уилки Коллинз «Лунный камень»: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-lunnyj-kamen-uilki-kollinza/> Дата обращения: 06.02.23
16. Смирнова Е. Джейн Остен «Гордость и предубеждение»: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-gordost-i-predubezhdenie-dzhejn-osten/> Дата обращения: 06.02.23

REFERENCES

1. Azov A. *Poverzhennyye bukvalisty. Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920–1960-e gody* [The Fallen Literalists: Literary Translation in the USSR in 1920–1930s]. М., Izdatelsky Dom HSE, 2013. 299 p. (In Russ.)
2. Azov A. O pereizdanii perevoda “Posmertnykh zapisok Pikvikskogo kluba” pod redakciej Gustava Shpeta [On Reprint of Translation of “Pickwick Papers” Edited by

- Gustav Speth]. *Tekstologiya i istoriko-literaturnyj process: II Mezhdunarodnaya konferenciya molodykh issledovateley, sb. st.* [Textology and historic literary process: II International conference of the young scholars, collection of articles]. M., Izdatelsky Dom MSU, 2014, pp. 158–176. (In Russ.)
3. Borisenko A. Pereosmyslenie prevodcheskoy normy: postsovetskaya praktika [Challenging Translation Norms: Post-Soviet Practice]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, No. 176, 2022, pp. 196–209. (In Russ.)
 4. Gal N.Ya. *Slovo zhivoe i mertvoe* [The Word Living and Dead]. M., Vremya Publ., 2007. 591 pp. (In Russ.)
 5. Zemskova E. Strategii loyalties: diskussiya o tochnosti khudozhestvennogo perevoda na Pervom vsesoyuznom soveshchanii perevodchikov 1936 goda [The Strategies of Loyalty: The Discussion on Accuracy of Literary Translation at the First All-Union Translators' Conference in 1936]. *Novyyj filologicheskij vestnik*, 2015, No. 4 (35), pp. 70–84. (In Russ.)
 6. Katsarskiy I. Novoe izdanie “Kholodnogo doma” Charlza Dikkensa [New edition of *The Bleak House* by Charles Dickens]. *Inostrannaya literatura*, 1956, No. 9, pp. 205–208. (In Russ.)
 7. Levin Yu.D. Russkie perevodchiki 19 veka i razvitie khudozhestvennogo perevoda. [Russian Translators of the 19th Century and the Development of Literary Translation]. L., Nauka Publ., 1985. 302 pp. (In Russ.)
 8. Chukovskiy K.I. Vysokoe iskustvo. Principy khudozhestvennogo perevoda [The Fine Art; Principles of Literary Translation]. M., Sovetskiy Pisatel Publ., 1988. 349 p. (In Russ.)
 9. Toper V.M. Iz arkhiva redaktora [From Translator's Archive]. [Rec. na per. Dikkens Ch. Kholodnyi dom. Per. M. Klyaginoy-Kondratyevoy / predislovie M.F. Lorie [Review on translation of Ch. Dickens' *The Bleak House* by M. Klyagina-Kondratyeva; introduction by M.F. Lorie]. *Masterstvo perevoda*. Sb. 5: [Art of translation] 1966. M., Sovetskiy Pisatel Publ., 1968, pp. 337–362. (In Russ.)

«ANNOTATED TRANSLATIONS» ON GORKY MEDIA

10. Batiy D. Elizabet Gaskell “Sever i Yug” [Elizabeth Gaskell. North and South]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodom-sever-i-yug-elizabet-gaskell/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)
11. Belevantsev A. Dzherom K. Dzherom “Troj v odnoj lodke, ne schitaya sobaki” [Jerome K. Jerome. Three men in a boat (to say nothing of the dog)]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodom-troj-v-lodke-ne-schitaya-sobaki-dzherom-k-dzheroma/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)
12. Gaydenko A. Dzhejn Osten “Emma” [Jane Austen. Emma]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodom-emma-dzhejn-osten/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)
13. Guseva A. *Emili Bronte* “Grozovoy pereval” [Emily Bronte. Wuthering Heights]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodom-grozovoy-pereval-emili-bronte/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)
14. Ismagilova K. U. M. Tekkerei “Yarmarka tshcheslaviya” [W. M. Thackeray. Vanity Fair]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodom-yarmarka-tshcheslaviya-u-m-tekkereya/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)
15. Sarabyanova M. Uilki Kollinz “Lunnyy kamen” [Wilkie Collins. The Moonstone]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodom-lunnyy-kamen-uilki-kollinza/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)

16. *Smirnova E. Dzheyn Osten “Gordost i predubezdenie” [Jane Austen. Pride and Prejudice]: <https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-gordost-i-predubezhdienie-dzhejn-osten/> Date of access: 06.02.23 (In Russ.)*

Поступила в редакцию 12.12.2022

Принята к публикации 21.02.2023

Отредактирована 25.02.2023

Received 12.12.2022

Accepted 21.02.2023

Revised 25.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Александра Леонидовна Борисенко — переводчик, доцент кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; alexandra.borisenko@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Alexandra Leonidovna Borisenko — literary translator, Associate Professor of the Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; alexandra.borisenko@gmail.com

«ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ» ПО-РУССКИ: К 175-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ ПУБЛИКАЦИИ

М.А. Сизарева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; msizareva@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются четыре перевода романа У.М. Текерея «Ярмарка тщеславия» на русский язык: ранний перевод И.И. Введенского 1850 г., переводы, выполненные В. Штейном и Л. Гей на рубеже веков, и перевод М. Дьяконова 1933–1934 гг. Перевод Дьяконова, опубликованный с подробнейшими комментариями Г.Г. Шпета в издательстве *Academia*, стал каноническим. Обсуждаются особенности переводческих стратегий: стратегия сотворчества с переводимым автором у Введенского, иногда противоречащая интонации подлинника; стремление Штейна и Гей передать классика «слово в слово», приводящее к затемнению смысла и неловкому синтаксису; и очуждающий, филологически точный подход Дьяконова. На материале писем Дьяконова корректорам издательства демонстрируется, что ориентация на синтаксически и фонетически форенизирующий перевод — это осознанная стратегия переводчика. Отмечается, что в 1953 и 1968 гг. редакторы М. Лорие и Р. Гальперина перерабатывают текст Дьяконова несущественно: вводят уместные эквиваленты, облегчают синтаксический строй фразы и проясняют неясные места; кроме того, в поздней редакции 1968 г. Лорие переводит говорящие имена. Анализируются фундаментальные комментарии Шпета, которые после его ареста в 1937 г. так и не были переизданы. Показано, что, в отличие от сносок в последующих изданиях, комментарии Шпета прежде всего проясняют функцию деталей. Результаты исследования позволяют утверждать, что переводческая стратегия Дьяконова и комментаторский подход Шпета требуют от читателя интеллектуального усилия и направлены на глубокое понимание английской культуры.

Ключевые слова: художественный перевод; филологический перевод; «Ярмарка тщеславия»; актуальность переводов классики

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-14

Для цитирования: Сизарева М.А. «Ярмарка тщеславия» по-русски: к 175-летию первой публикации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 196–204.

VANITY FAIR IN RUSSIAN: TO THE 175TH ANNIVERSARY OF THE FIRST PUBLICATION

Mariia Sizareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; msizareva@gmail.com

Abstract: The article examines four Russian translations of Thackeray's *Vanity Fair*: the early translation by Irinarkh Vvedenskii; the translations made by V. Stein and L. Gay at the turn of the century, and the translation by Mikhail Dyakonov published in 1933–1934. The latter, canonical for Russian culture, was published with a commentary by Gustav Speth in the *Academia* publishing house. Different translation strategies are discussed: first, Vvedenskii's strategy of co-authorship with the translated author, which is sometimes at odds with the intonation of the original. Secondly, Shtein's and Gay's aspiration to translate an acknowledged classic 'word for word', resulting in obscure expressions and syntactic structures. And finally, Dyakonov's foreignizing, philologically accurate approach. As can be seen on the material of Dyakonov's letters to the proofreaders of *Academia*, syntactically and phonetically foreignizing translation is his conscious strategy. It is noted that the corrections made by the editors M. Lorie and R. Galperina in 1953 and 1968 are mostly insignificant: they incorporate stylistic equivalents, strive for syntactic simplicity and remove ambiguity of certain expressions; besides, Lorie translates charactonyms in a later edition. The article also focuses on Shpet's scholarly commentary, which has not been republished since his arrest in 1937. Unlike footnotes in later editions, Speth's commentary primarily clarifies the function of a particular detail. The analysis demonstrates that Dyakonov's translation method and Speth's approach to the commentary require intellectual effort from the reader and are aimed at a deep understanding of English culture.

Key words: literary translation; artistic-philological translation; *Vanity Fair*; actuality of translating classics

For citation: Sizareva M. (2023) *Vanity Fair* in Russian: to the 175th Anniversary of the First Publication. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 196–204.

В России У.М. Теккерей известен преимущественно как автор «Ярмарки тщеславия». На сегодняшний день существует пять полных русских переводов. Первые появились уже в 1850 г. — анонимный перевод в «Современнике» и перевод И. Введенского под названием «Базар житейской суеты» в «Отечественных записках». Публикация сопровождалась полемикой: А. Дружинин упрекал Введенского в избыточном использовании просторечия, а Введенский критиковал перевод «Современника» за смысловые ошибки и стилистическую разнородность¹.

¹ Об истории полемики вокруг двух переводов — «Базара житейской суеты» и «Ярмарки тщеславия» — см.: [Левин 1985: 123–127].

Следующий всплеск интереса происходит в конце XIX — начале XX вв.: в 1894–1895 гг. выходит перевод В. Штейна², а в 1902 г. — перевод Л. Гей («Ярмарка житейской суеты»³). Практика повторных переводов на рубеже веков может объясняться тем, что за Теккереем закрепился статус классика, которого необходимо передать «слово в слово».

Каноническим — и на сегодняшний день последним — стал перевод М. Дьяконова, опубликованный в издательстве *Academia* в 1933–1934 годах с подробным историко-страноведческим комментарием Г. Шпета⁴. Этот перевод никогда больше не издавался в первоизданном виде: и переводчика, и комментатора расстреляли (Шпета в 1937 г., Дьяконова — в 1938 г.). Комментарии Шпета так и не были переизданы, но перевод Дьяконова продолжал издаваться, без упоминания имени переводчика. Указывались лишь имена редакторов — М. Лорие и Р. Гальпериной в 1953 г., и одной М. Лорие в 1968 г. (можно предположить, что редактура нужна была главным образом для того, чтобы поставить имена редакторов вместо имени репрессированного переводчика).

Хотя переводы 1850 г., в особенности «Базар житейской суеты» Введенского, анализировались и обсуждались довольно подробно [Бородянский 1964; Левин 1985; Ланчиков 2007], переводы рубежа веков, а также перевод Дьяконова с комментарием Шпета не удоставались внимания исследователей. Цель данной работы — заполнить эту лауну. Мы постараемся проследить, как менялись переводческие стратегии, какие элементы текста сглаживались, а какие акцентировались; а также выявить, в какой мере был переработан текст Дьяконова в редакциях Гальпериной и Лорие и в чем состоит своеобразие научного комментария Шпета.

В русской культуре Теккерей появился благодаря И.И. Введенскому — ревностному почитателю английской литературы и активному участнику литературной жизни 1840–1850-х гг. Подробно его эстетические воззрения и переводческую стратегию освещает Ю.Д. Левин [Левин 1985: 105–143]. В творчестве Теккерее, подчеркивает исследователь, переводчик особенно ценит «народность», сатирическую направленность и точность наблюдений [Левин 1985: 118].

Анализ перевода показывает, что в переводимом авторе Введенский больше всего ценит талант разоблачителя: так, урезая некото-

² Ярмарка тщеславия: Роман без героя // Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1895. Т. 9, ч. 1. — 315 с.; Т. 10, ч. 2 / Пер. В.И. Штейна.

³ Ярмарка житейской суеты: В 2 т. / Пер. Л. Гей. СПб.: изд. А.С. Суворина, 1902 (Новая 6-ка Суворина).

⁴ Ярмарка тщеславия: Роман без героя / Пер. М.А. Дьяконова; Вступ. ст. Д.А. Горбова; Примеч. Г.Г. Шпета // Собр. соч. М.; Л.: Academia, 1933–1934. Т. 1. — 1933; Т. 2. — 1934.

рые лирические отступления, он заостряет намеки на социальные проблемы. Показательный пример — рассказ о школьных испытаниях маленького Доббина, служащий поводом к лирическому отступлению. В нем повествователь напоминает читателю о детском чувстве покинутости: *“Who amongst us is there that does not recollect similar hours of bitter, bitter childish grief? Who feels injustice...”*

Введенский добавляет отсутствующий в оригинале комментарий, почти вдвое удлиняя пассаж: *«Надобно отдать справедливость: наши английские школы, преимущественно те, на которые правительство не имеет непосредственного влияния, пропитаны злоплучным духом, и я не знаю в Европе ни одной страны, которая в этом отношении могла бы померяться с великобританским королевством»*. Переводчик ослабляет лиризм интонации и привносит оттенок назидательности, внутренне чуждый интонации Теккерея, у которого на первый план выступает скорее незаметный упрек, подразумеваемый вопрос, чем констатация общественных пороков [Peters 1985: 151].

В отличие от Введенского, переводчики рубежа XIX–XX вв. стремятся строго следовать «букве» оригинала — порой калькируют структуру фразы, при этом сглаживают присущую оригиналу стилистическую разнородность. Близко следуя за авторским текстом, Штейн и Гей прибегают к заимствованиям и нередко допускают лексические ошибки. Так, у Штейна племянник леди Кроули, студент Оксфорда, любитель собак Джеймс почему-то восклицает *«Вот так телятина!»* (вместо экспрессивного, но вполне нормативного ‘gammon’), а одним из университетских увлечений Родона Кроули становятся «ухаживания за женщинами» (вместо ‘the fives court’ — игры в мяч).

Трудности вызывает также передача речевых характеристик. Если Штейн иногда пытается воссоздать неправильность речи персонажей, то Гей почти полностью пропускает фонетические особенности. Конкретные орфографические ошибки мисс Суортц — неловкой, по-своему трогательной героини, наследницы плантаций в Вест-Индии, которую прочат в жены Джорджу Осборну, — Гей заменяет обобщением: *«наделала кучу орфографических ошибок»* (“She spelt satin satting, and Saint James’s, Saint Jams”).

Перевод Дьяконова отличается гораздо большей формальной точностью и полнотой, а также стремлением подчеркнуть принадлежность романа к английской культуре. Его «Ярмарка тщеславия» — это пример «филологического» перевода, в котором на первый план выходят признаки культурной чуждости иностранного текста.

О переводческой стратегии Дьяконова можно судить из переписки со Шпетом и корректорами. Так, особое внимание переводчик уделяет стиливым регистрам, стремясь избежать неоправданных неологизмов и архаизации. В письме от 19 января 1934 года секретарь издательства Н. Антокольская сообщает, что Дьяконов «*протестует против “оформливая” и “оформить” (ссылаясь на то, что это неологизм для романа XIX века), против “уэст-энд” и “сэндуич” и т. д.*» [Густав Шпет... 2012: 266]. В письме от 5 марта 1933 г., адресованном Шпету, Дьяконов критикует редакторские исправления: одни представляются ему бессмысленными («у меня сказано: “сказал”, исправляется: “произнес”, у меня “произнес” — исправлено “сказал”»), другие — ошибочными (произвольная расстановка запятых). Дьяконов отказывается привносить в перевод отсутствующее в оригинале разнообразие глаголов говорения («Вообще “лиловый” редактор почему-то систематически пишет: “заметил”, “подтвердил”, “произнес”, “промолвил” и т. д., когда в оригинале всюду написано просто “сказал”»). Как видно, осознанная ориентация Дьяконова на синтаксически и фонетически «очуждающий» перевод (в одном из писем он просит писать «Найтсбридж», а не «Рыцарский мост»; передавать “*Cheltenham*” как «Челтенхэм», а не «Чалтенгэм») заметно противоречит складывающейся редакторской традиции, стремящейся адаптировать перевод к широкой читательской аудитории.

Поздняя редакторская правка Гальпериной и Лорие направлена на сглаживание резких особенностей: они делают стиль более привычным, облегчая синтаксический строй отдельных реплик, и вводят в текст уместные стилистические эквиваленты. В XXXIV главе, в которой описывается борьба за наследство леди Кроули, Бьют Кроули негодует по поводу малодушия Питта Кроули: “*The fellow has not pluck enough to say Bo to a goose*”. Дьяконов переводит это выражение следующим образом: «да у него не хватит духу сразиться с гусем». Однако в контексте длинной тирады, в которой брань Бьюта передается вполне нормативными выражениями (“*What the deuce*” ~ «Какого дьявола», “*either of my boys would whop him with one hand*” ~ «Любой из моих мальчиков одолеет его одной рукой»), эта фраза приобретает оттенок индивидуальной странности, которую сглаживают редакторы: в их варианте он «*последний трус*». Кроме того, в поздней редакции частично переведены говорящие имена: Лорие заменяет имя графа Портэншерри (*the Earl of Portansherry*) на «Пуншихереса», а мисс Ментреп (*Mantrap*) на «мисс Вампир».

Переводчики разных поколений по-разному подходят к передаче культурных реалий. Введенский часто вводит внутритекстовый комментарий, выпускает неясные для читателя детали культурного

контекста или заменяет их на более понятные. Например, показная эрудированность Кафа, главного школьного задиры, в оригинале подчеркивается его умением судить об игре английских актеров Кина и Кембла. В переводе Введенского театральная тема опускается, зато на первый план выдвигаются познания Кафа в области древних языков, о которых в оригинале упоминается лишь вскользь (*"He could knock you off forty Latin verses in an hour"*): «Мистер Кофф, что называется, собаку съел в латинском языке, и мог забросать вас цитатами из Горация и Сенеки. Он писал греческие гекзаметры...». Следуя В. Ланчикову, который пишет о влиянии культурного фона на стратегию Введенского [Ланчиков 2007: 173–182], можно предположить, что здесь в текст проникает близкая переводчику реалья, — в частности, общее для русской литературы место, когда маркером образованности считалось знание древних авторов (вспомним «Евгения Онегина»: «Он знал довольно по-латыне, / Чтоб эпиграфы разбирать...»).

Штейн и Гей оставляют реалии, но редко поясняют их значение⁵. Перевод Дьяконова занимает срединную позицию — переводчику важно подчеркнуть культурную чуждость при сохранении смысловой ясности. Отметим, что английские реалии знакомы переводчику не понаслышке — в 1924 г., по воспоминаниям сына переводчика, он побывал в Лондоне [Дьяконов 1995: 44]. На русскую почву переводчик переносит приметы английской школьной и университетской культуры («фэг»⁶ и “Senior Wrangler”, то есть присуждаемое в Кембридже звание первого по математике), реалии, связанные со спортивными состязаниями (‘batter’ и ‘bowler’ — то есть игрок в крикет и кегли — передается в переводе как «бетсмен» и «боулер»), и английские титулы и чины («бейлиф», «йоменри», «атерни» и др.) — даже в том случае, если для обозначения в русском языке существует вполне точный эквивалент.

Переводчик предполагает, что читатель будет обращаться к комментарию Шпета — уникальному в своей полноте историко-литературному путеводителю по теккереевской Англии⁷. Переводы

⁵ Ср. как Гей и Дьяконов переводят ироничную ремарку о том, как аристократии приятно проявлять снисходительность к слугам. *"There is no more agreeable object in life than to see Mayfair folks condescending."* — «**Мэйфэр снисходит, что может быть удивительнее!**» (ЛГ) — «Нет в жизни ничего приятнее, когда **обитатели Мэйфэйра** проявляют снисходительность» (МД).

⁶ Ср. русифицированное «денщик» вместо ‘fag’ у Гей и нейтральное «слуга» у Штейна.

⁷ Отметим, что в *Academia* комментарию отводилась особая роль: так, в брошюре «Задачи, перечень изданий, план», изданной к XVII съезду ВКП(б), директор издательства Л.Б. Каменев пишет, что «дать адекватный, точный, и в то же время художественный перевод... кажется мало. Вводя классические произведе-

1850-х гг. выходили без комментариев, а переводы Гей и Штейна сопровождались редкими непоследовательными сносками, чаще всего поясняющими иноязычные вкрапления. Роль аппарата начинается переосмысляться в советский период: отредактированный перевод Штейна, вышедший в издательстве «Красная газета»⁸ в 1929 г., уже снабжен подробными постраничными сносками, что свидетельствует о попытке демократизации произведений классиков.

Фундаментальный комментарий Шпета, помещенный в конце каждого тома, относится не только к отдельным словам и реалиям, но и к целым фрагментам. Следуя М. Гаспарову, его можно отнести к «промежуточному направлению», расположенному между комментарием к корпусу и комментарием к отдельному слову, при котором «масштаб — комментарий к произведению; предмет — комментарий к литературному фону, к интертекстуальной ткани» [Гаспаров 2004: 70–74]. Шпету, как и Лотману, удастся соотнести комментарий концепционный (то есть историко-литературный и стилистический) и текстуальный (проясняющий особенности быта) — неслучайно его комментарий к «Запискам Пиквикского клуба» Гаспаров считает предшественником лотмановского.

Рассмотрим комментарий Шпета к X главе. В ней мы узнаем о том, что Бекки со своей воспитанницей Розой читает Смоллетта, Филдинга, Кребийона-младшего и Вольтера, в то время как мистер Кроули предпочитает историю Смоллетта и предостерегает героинь от увлечения историей Юма. Выбор оказывается репрезентативен: читатель не просто узнает об образованности Бекки, но может судить о ее литературных вкусах, повлиявших на характер героини. Шпет комментирует содержательные аспекты и стилистические особенности текстов (в последующих изданиях в сносках приводятся только названия произведений и даты жизни упомянутых авторов). Так, романы Смоллетта *«дают картину характеров и нравов некоторых слоев английского общества... его торийские убеждения дают себя чувствовать на страницах его романов; язык романов отличается некоторой грубостью»*. Мы узнаем, что «Хамфри Клинкер» — один из лучших романов Смоллетта, тогда как «История» Смоллетта — *«наспех написанная многотомная компиляция, не*

ния чуждых нам эпох человеческой истории в круг внимания нового человека социалистической культуры, мы хотели бы дать последнему не только текст памятника, но и разъяснение его значения в истории человеческой мысли...» [Каменев 1934: 6–7].

⁸ Это издательство было создано при одноименной газете и не имело конкретной специализации: в нем выходили произведения М. Зощенко, рассказы О. Генри и А. Конан Дойла (как приложения к газете).

имеющая научного значения». «История Англии» Юма, по наблюдению Шпета, «лишена критического отношения к источникам», а «изложение исторической доли духовенства... сопровождается разоблачением их нетерпимости...». Так более наглядным становится контраст между нетривиальным умом Бекки и ограниченностью мистера Кроули.

Переводческая установка Дьяконова и комментаторская стратегия Шпета ориентированы на углубленное понимание английской культуры, на расширение кругозора читателей. Им в большей степени, чем ранним переводчикам, удастся передать эстетическое и культурное своеобразие густонаселенного, материального теккереевского мира. Последующие редакции не слишком сильно изменили перевод, и он до сих пор остается наиболее полным и точным воплощением романа Теккерея на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бородинский И.А. Перевод И.И. Введенским фразеологии в произведениях Диккенса и Теккерея // Тетради переводчика. Ученые записки. М., 1964. № 2. С. 100–108.
2. Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблема комментирования // НЛО. 2004. № 66. С. 70–74.
3. Гениева Е.Ю. Уильям Мейкпис Теккерея. Творчество; Воспоминания; Библиографические разыскания. М., 1989.
4. Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / отв. ред.–сост. Т.Г. Щедрина. М., 2012.
5. Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб., 1995.
6. Каменев Л.Б. Издательство «Academia» к XVII съезду ВКП(б). Задачи, перечень изданий, план. М., 1934.
7. Ланчиков В.И. Идиолект напрокат. Гоголевские реминисценции в переводах И.И. Введенского // Тетради переводчика. 2007. № 26. С. 173–182.
8. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985.
9. Маликова М.Э. К описанию «филологического перевода» в 1930-е годы: А.А. Франковский — переводчик английского романа XVIII века // *Studia Literarum*. 2017. Т. 2. № 3.
10. Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов / Сост. М.Э. Баскина; отв. ред. М.Э. Баскина, В.В. Филичева. СПб., 2022.
11. Peters C. Thackeray's universe: shifting worlds of imagination and reality. N.Y., 1987.

REFERENCES

1. Borodyanskij I.A. *Perevod I.I. Vvedenskij frazеologii v proizvedenijah Dikcensa i Thackeraya* [I.I. Vvedenskii's translation of phraseology in the works of Dickens and Thackeray]. *Tetradj perevodchika* [Translator's Notebooks], 1964. № 2, pp. 100–108.
2. Gasparov M.L. Yu. M. Lotman i problema kommentirovaniya [Yu.M. Lotman and the problem of commenting]. *NLO*, 2004. No. 66, pp. 70–74.

3. Genieva E.Yu. William Makepeace Thackeray. Tvorchestvo; Vospominaniya; Bibliograficheskie razyskaniya [William Makepeace Thackeray. Works; Memories; Bibliographic research]. M.: *Knizhnaya palata*, 1989.
4. Gustav Shpet: Filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma [Gustav Shpet: A philosopher in culture. Documents and letters]. Ed. by T.G. Shchedrina. M.: *Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN)*, 2012.
5. Dyakonov I.M. Kniga vospominaniy [Book of memoirs]. SPb.: *Fond regional'nogo razvitiya Sankt-Peterburga, Evropeyskiy Dom, Evropeyskiy Universitet v Sankt-Peterburge*, 1995.
6. Kamenev L.B. Izdatel'stvo "Academia" k XVII sezdru VKP(b). Zadachi, perechen' izdaniy, plan [Publishing House "Academia" for the 7th Congress of the Russian Communist Party. Aims, editions, plan]. M., L.: *Academia*, 1934.
7. Lanchikov V.I. Idiolekt naprokat. Gogolevskie reministsentsii v perevodakh I.I. Vvedenskogo [Idiolect for rent. Gogol's reminiscences in the translations of I.I. Vvedenskii]. *Tetradi perevodchika* [Translator's Notebooks], 2007. № 26, pp. 173–182.
8. Levin Yu.D. Russkie perevodchiki XIX v. i razvitie khudozhestvennogo perevoda [Russian translators of the XIX century and the evolution of literary translation]. L.: *Nauka Publ.*, 1985.
9. Malikova M.E. K opisaniyu "filologicheskogo perevoda" v 1930-e gody: A.A. Frankovskiy — perevodchik angliyskogo romana XVIII veka [Towards the description of "Philological Translation" in the 1930s: Adrian Frankovsky as translator of the 18th century English novel]. *Studia Litterarum*, 2017. Vol. 2. № 3, pp. 10–45.
10. Khudozhestvenno-filologicheskii perevod 1920-1930-kh godov [Artistic-philological translation in the 1920-1930s] / Ed. by M.E. Baskina. SPb.: *Nestor-Istoria Publ.*, 2021.
11. Peters C. Thackeray's universe: shifting worlds of imagination and reality. N.Y.: *Oxford UP*, 1987.

Поступила в редакцию 12.12.2022

Принята к публикации 21.02.2023

Отредактирована 25.02.2023

Received 12.12.2022

Accepted 21.02.2023

Revised 25.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Мария Андреевна Сизарева — магистрант кафедры общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; msizareva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Maria Sizareva — Master's Student, Department of Discourse and Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; msizareva@gmail.com

ОСВОБОЖДЕННАЯ ЖЕНЩИНА ТУРКМЕНИСТАНА: ДВА ПЕРЕВОДА ИЗ ПОЭМЫ Т. ЭСЕНОВОЙ «ЛЕГЕНДА О ЛЕНИНЕ И ДОЧЕРИ ЧАБАНА»

А.О. Бурцева

Научно-издательский центр «Ладомир», Москва, Россия;
alla.burtseva@gmail.com

Аннотация: Обсуждаются особенности перевода на русский язык так называемых «национальных авторов» СССР. Предмет исследования — поэма туркменской поэтессы и драматурга Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» (*Lenin we çorap gyzy hakynda hekajät*), перевод которой на русский язык в конце 1950-х гг. (вскоре после ее издания на туркменском языке) был выполнен разными авторами: Н.Д. Вольпин, Г.Н. Веселковым и В. Ильиной. Судя по сохранившейся машинописи, изначально планировался к изданию совместный перевод Вольпин и Ильиной, однако вышла книга, где главы поэмы, переведенные Ильиной, были даны в версии Веселкова.

Сравнение двух переводов демонстрирует существенные различия, которые могут скорректировать вопрос о том, как осуществлялась переводческая практика в СССР. В переводах Ильиной и Веселкова есть значимые различия, объясняющиеся, видимо, и биографией Веселкова, и его подходом к отражению туркменских реалий. Ильина, вероятно, работала с подстрочником, и при этом ее перевод более далек от оригинала. Есть основания полагать, что Веселков с подстрочником не работал, но мог консультироваться у туркменских специалистов и у самой Эсеновой. Если исходить из этой гипотезы, можно сделать вывод, что по крайней мере в случае Туркменистана подстрочники могли играть вовсе не ведущую роль в процессе переводческой деятельности.

Ключевые слова: туркменская литература; «Легенда о Ленине и дочери чабана»; Т. Эсенова; Г.В. Веселков; подстрочник; перевод; Н.Д. Вольпин; В. Ильина

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-15

Для цитирования: Бурцева А.О. Освобожденная женщина Туркменистана: два перевода из поэмы Т. Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 205–214.

EMANCIPATED WOMAN OF TURKMENISTAN: TWO TRANSLATIONS FROM TOWŞAN ESENOWA'S THE LEGEND ABOUT LENIN AND ÇHABAN'S DAUGHTER

A.O. Burtseva

Ladomir Publishing House, Moscow, Russia; alla.burtseva@gmail.com

Abstract: The article deals with two translations from the Turkmen narrative poem by poet and playwright Towşan Esenowa *The Legend about Lenin and Chaban's Daughter* (*Lenin we çopan gyzy hakynda hekäyat*). The research aims to recognize significant differences between two translations in order to include them into academic context. The poem was translated by N.D. Volpin, V. Il'ina, and G.N. Veselkov. The latter was a person who lived in Turkmenistan for a long time and could consult with native speakers and Esenowa herself. Veselkov and Il'ina translated the same chapters, but only Veselkov's translation was published in 1959. It is possible that the translation by Il'ina was considered unsatisfactory in Ashgabat where it was sent according to the note on the typescript. The version by Veselkov seems to be more accurate than the version by Il'ina, who probably worked with so-called *podstrochnik* (shorthand). The differences between two translations are significant both in form and in content, and the version by Veselkov contains more accurate reflection of Turkmen reality. The comparison demonstrates that in case of Turkmenistan the problem of translation practices remains unsolved, and the cases when the translator does not use the *podstrochnik* should be considered as a part of the project of 'Soviet national literatures'.

Key words: Turkmen literature; *The Legend about Lenin and Chaban's Daughter*; Towşan Esenowa; G.V. Veselkov; translation; *podstrochnik*

For citation: Burtseva A.O. (2023) Emancipated Woman of Turkmenistan: Two Translations from Towşan Esenowa's *The Legend about Lenin and Çaban's Daughter*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 205–214.

В последние годы растёт число исследований, посвящённых литературам советских республик Центральной Азии (см., напр.: [Dobrenko 2018; Козицкая 2021]). Литература советского Туркменистана — один из показательных элементов сложной структуры, получившей название «национальные литературы СССР». В современной исследовательской парадигме литературы Центральной Азии рассматриваются как отдельное явление, что обусловлено их особым положением в советской системе (см. прежде всего: [Khalid 2021]), и отдельно здесь стоит вопрос перевода.

С. Витт говорит о практиках подстрочного перевода и его роли в конструировании литератур советской периферии, замечая, что переводы, выполняемые по подстрочникам, часто бывали далеки от оригинала: подстрочник создавал дополнительную инстанцию между оригиналом и переводчиком [Witt 2003: 157–158]. Многое зависело и от квалификации составителя подстрочника, и от представлений о допустимом.

Однако обращение к подстрочнику не всегда приводило к искажениям оригинала. Так, достаточно точны переводы стихов с туркменского, выполненные М. Петровых, хотя некоторые фрагменты оригинала оказались существенно сокращёнными (так произошло со стихотворением Ата Ниязова «На колхозном поле»,

впервые опубликованном на русском в альманахе «Айдинг-Гюнлер» в 1934 г.; оригинал доступен в машинописи, хранящейся в РГАЛИ) [Бурцева 2021]. Если автор оригинального текста обладал определенным статусом, он мог проконтролировать качество перевода. Наконец, некоторые переводчики с туркменского языка на русский сами владели языком оригинала (разумеется, речь не идет о таких фигурах, как А.А. Тарковский, который переводил по подстрочникам с нескольких языков).

Наше исследование посвящено одному характерному эпизоду: переводам на русский язык поэмы Товшан Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана».

Советская литературная политика была заинтересована в создании переводов с языков республик на русский — так можно было продемонстрировать развитие словесности советской периферии. Разумеется, существовала литературная традиция, сформировавшаяся до создания СССР (и в ходе национального строительства начала 1930-х гг. она не была отвергнута, хотя и подвергалась соответствующей интерпретации). Однако основной целью стало «создание» новых советских литератур, а значит — и переводов. В нашем случае эта цель сопрягается с еще одной — «раскрепощением женщины»; оно также должно было отразиться в литературе, как в текстах, так и в наборе имен, которым предстояло стать каноническими.

В 1930-е гг. ряд туркменских писателей уже печатались регулярно. Большинство публиковали стихотворения и поэмы, в том числе в альманахах, созданных совместно с русскими (в частности, «Айдинг-Гюнлер», подготовленном к юбилею Туркменской ССР). Среди них были Ата Ниязов, Ходжанепес Чарые, Ораз Тачназаров, Берды Кербабаяев (который писал и прозу). Позже некоторые из них были репрессированы, некоторые — погибли во время войны. Их имена встречаются как в архивных материалах Союза советских писателей, так и в газете «Туркменская искра», выходившей на русском языке, и, разумеется, в туркменских периодических изданиях. Среди них есть и имя Товшан (Тоушан) Эсеновой, ставшей ключевой символической фигурой туркменской литературы в СССР.

Согласно советским источникам, в частности, книге Л. Сидельниковой «Путь советской поэтессы» (1970), Эсенова родилась в 1915 г. и получила образование в Ашхабадском педагогическом институте. Ей было всего 15 лет, когда ее первые стихотворения появились в газете «Советский Туркменистан» (в современной туркменской орфографии — *Sowet Türkmenistany*). Позднее Эсенова работала редактором в журнале «Советская литература» (*Sowet Edebiýaty*). Помимо стихотворений и поэм, она писала и драматические произведения, в основном посвященные жизни туркменских женщин.

Умерла Эсенова в 1988 г. Посвященная ей книга Сидельниковой ценна для нас в первую очередь как текст, передающий образ Эсеновой — лица туркменской литературы, написанной женщинами.

В 1969 г., когда интерес к литературам советской периферии уже заметно угас, в Ашхабаде выходит сборник стихотворений «Дружба живет в сердцах», посвященный Всемирному конгрессу женщин в Хельсинки. Составительницей издания была Акджемал Омарова, одна из самых известных туркменских поэтесс следующего после Эсеновой поколения. Книга содержит несколько переводов из туркменских поэтесс на русский язык, в том числе главу из поэмы Эсеновой «Легенда о Ленине и дочери чабана» (*Lenin we çoran guzy hakynda hekaýat*). За десять лет до этого, в 1959 г., первые пять глав перевела Н.Д. Вольпин. В первом издании поэмы на русском языке фигурирует и другое имя — Георгий Николаевич Веселков. Поэт, переводчик и сотрудник «Туркменской искры» и журнала «Туркменоведение», он был репрессирован, однако выжил в ГУЛАГе и позднее вернулся к переводческой деятельности. Веселков жил в Туркменистане с 1928 г. и был близким другом поэта Ораза Тачназарова [Мурадов 2002], с которым они вместе работали над переводом из туркменского поэта XVIII в. Махтумкули. Вполне вероятно, что Веселков был способен сам перевести главы из поэмы Эсеновой без подстрочника, во всяком случае — обратиться к специалистам (Тачназаров был расстрелян во время Большого террора, однако у Веселкова должны были сохраниться связи). Для издания 1959 г. Веселков перевел последние три главы поэмы.

Вольпин также провела некоторое время в Ашхабаде в эвакуации и, как утверждается на сайте «Поэзия Московского университета» (<http://www.poesis.ru/poeti-poezia/volpin-n/biograph.htm>), выучила туркменский язык (в конце статьи о Вольпин указано, что информация получена от В.Б. Вольпиной¹ — невестки). Пользовалась ли в работе переводчица чьей-то помощью, нам не известно.

Мы, однако, сосредоточимся не на переводе Вольпин, а на главах, с которыми работал Веселков, так как для них существует и другой перевод. В Российском государственном архиве литературы и искусства хранится машинопись, подписанная именем «Вера Ильина». Этот текст не был нигде напечатан. То, что он хранится в фонде Есенина вместе с главами, переведенными Вольпин, заставляет предположить, что Ильина и Вольпин работали вместе. Причина, по которой вместо перевода Ильиной в издание был помещен пере-

¹ Фамилия Н.Д. Вольпин по традиции не склоняется, ее же невестки — склоняется по общим правилам.

вод Веселкова, нам не известна. К сожалению, никакой информации об этой переводчице нам найти не удалось.

Согласно помете на машинописи, копия перевода Ильиной была выслана в Ашхабад 10 декабря (вероятно, не позднее 1957 г., так как книга была подписана в печать 25 декабря 1958 г.). Если с этим переводом ознакомилась сама Эсенова, которая изучала литературное мастерство в Москве и, разумеется, владела русским языком, он мог быть признан неудовлетворительным. Нам ничего не известно о познаниях Веры Ильиной в туркменском языке, однако, если предположить, что она работала с подстрочником и туркменским не владела, Веселкова могли посчитать более квалифицированным переводчиком. Так или иначе, мы имеем дело с двумя переводами из поэмы Эсеновой, которые было бы продуктивно сравнить.

Оригинал поэмы Эсеновой нам недоступен (он отсутствует в библиотеках и архивах за пределами Туркменистана). Однако по имеющимся у нас текстам можно сделать некоторые выводы.

Вероятнее всего, Веселков пытался сделать перевод более верным туркменскому оригиналу, нежели у Ильиной. Кроме того, он мог поставить перед собой задачу сделать текст более ясным и идеологически корректным. Сравнение фрагментов, в которых обнаружены существенные расхождения, позволяют прояснить характер переводческой деятельности Веселкова.

В первой строфе в переводе Ильиной упомянута революция:

Там революция, — шли слухи в степь. —

Она порвала злого рабства цепь!.. [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 92].

Веселков также упоминает революцию и свободу, но при этом пытается подчеркнуть: «Народ // Волнуется и лучшей доли ждет» [Эсенова 1959: 21]. Таким образом достигается нужный эффект: потребность в освобождении идет от народа Туркменистана, и это, возможно, делает перевод точнее. Следующее различие, однако, более значимо. Ильина упоминает В.И. Ленина:

И, «Ленин» повторяя от души,

Бедняк-чабан к Казанджику спешил... [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 92].

Веселков переводит этот фрагмент совершенно иначе:

Вниз по Узбою, к огневой дороге,

Спешат гонцы в надежде и тревоге [Эсенова 1959: 21].

Отсутствие упоминания Ленина, по-видимому, не случайно. Как представляется, если бы в оригинале чабан действительно повторял это имя, в переводе оно должно было бы сохраниться в любом случае. Ленин, однако, упомянут в самом названии поэмы, поэтому дополнительное его упоминание факультативно. Веселков упоминает Узбой — высохшее русло древней реки, которое входило в планы по ирригации. Также в сноске отмечено, что огневой в туркменском называют железную дорогу, которую действительно строили в окрестностях Казанджика. Однако русскоязычная аудитория могла быть не знакома с топонимом «Казанджик», тогда как Узбой был одним из символов Туркменистана. Что касается «огневой дороги», ее упоминание заставляет предположить, что аналогичное выражение было в оригинале: Эсенова рассказывает историю обычной туркменской женщины, которая могла сама употреблять именно такое обозначение.

Далее чабан Черкез Нуриев объясняет местным жителям: «Ни богачей, ни белого царя нет» [Эсенова 1959: 21], и эта фраза полностью отсутствует в переводе Ильиной. Вполне вероятно, что в оригинале были слова *baylar* и *ak patyşa* — «баи» и «белый царь» соответственно, типичные для туркменского словоупотребления при описании богатых земле- или скотовладельцев и царской власти. Так или иначе, перевод Веселкова выглядит более стилизованным, речь Черкеза звучит более разговорно, менее патетично и лозунгово, нежели у Ильиной. Ср.:

— Всю власть там в руки взял теперь народ.
Рабочих и крестьян ведет вперед
Великий Ленин. Скоро и для нас
Набрать свой сельсовет наступит час... [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4.
Ед. хр. 83. Л. 92]. (Ильина)

Ни богачей, ни белого царя нет:
Вся власть теперь — рабочий да крестьянин, —
Такой, как ты да я, пастух, батрак,
А Ленин — всех трудящихся вожак [Эсенова 1959: 21]. (Веселков)

Слова «великий», «ведет вперед», упоминание сельсовета — всё это делает текст идеологически более верным, однако вариант Веселкова с «да», «пастух, батрак», «вожак» обеспечивает простоту и текст становится более релевантен «языку трудящихся», близость к которому активно обсуждалась еще с 1930-х гг.

Таким образом, Веселков пытается сделать перевод более соответствующим исторической ситуации 1920-х и, возможно, более корректным и гармоничным. Другая группа различий значима для содержания поэмы.

Когда весь аул собирается у колодца, чтобы обсудить новую власть, появляется главная героиня поэмы Нурсолтан. Ильина в этом фрагменте описывает значимый символический жест, важный для темы женской эмансипации:

Вот Нурсолан, укутав поплотнее
Лицо и рот... [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 93].

Веселков, однако, не упоминает платок вовсе:

...Нурсолтан
Идет, высокий не склоняя стан [Эсенова 1959: 22].

Ильина подчеркивает положение туркменской женщины — жертвы патриархального уклада. Веселков же совершенно не описывает Нурсолтан как жертву. Это уже новая советская женщина, уверенная и сильная, и, как представляется, такое описание больше соответствует контексту поэмы. Нурсолтан практически ничего не знает о большевиках и советских идеалах. Однако эти идеалы уже заложены в ее сознании, она интуитивно им следует. Таким образом, перевод Веселкова добавляет в текст характерную оценку: женщине Востока хоть и нужна помощь, но она уже внутренне свободна, эту свободу нужно только пробудить. Отметим также, что в переводе Ильиной упоминание платка выглядит как странность: туркменки-кочевницы не носили платка на лице, и с этим были связаны определенные трудности в советской пропаганде, которая подчеркивала важность отказа от ношения платка [Khalid 2021].

Начало речи Черкеза также существенно различается в двух переводах. Нельзя не учитывать вероятность того, что переводчики выбрали разные фрагменты, однако сам этот выбор значимо отражается на содержании поэмы. В переводе Веселкова Черкез говорит:

Пришел конец всем белякам и ханам,
Всем ворам-интервентам, англичанам...
И в Гоккенаре уж давно пора нам
Избрать Совет!.. [Эсенова 1959: 23]

В переводе Ильиной читаем следующее:

В Советах и в Правительстве страны
Теперь мужчина с женщиной равны.
И люд бедняцкий Гоккенара знает,
Зачем совет свой сельский избирает! [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4.
Ед. хр. 83. Л. 95].

Таким образом, два разных перевода отражают два разных аспекта советской идеологии. Версия Веселкова сосредоточена на призывах к демократии и порицании колониализма, а версия Ильиной — на демократии и правах женщин. Версия Ильиной больше соответствует теме поэмы, однако нельзя исключать, что переводчики по той или иной причине использовали разные строки поэмы или же у Ильиной оригинал искажен намеренно. Веселков, как представляется, должен был больше заботиться о соответствии перевода оригиналу, в силу его взаимоотношений с туркменскими литературными кругами.

Однако несколько строк из версии Ильиной отсутствуют в переводе Веселкова полностью. Когда бай предлагает, чтобы Нурсолтан отправилась в путешествие в Москву от лица аула, ее отец Хидир плачет и называет бая змеей наследником, клещом и саранчой. В версии Веселкова этот монолог отсутствует, сказано лишь, что Хидир плачет. Тем не менее для содержания поэмы имеет принципиальное значение другой фрагмент, отсутствующий уже в переводе Ильиной. Когда Нурсолтан отбрасывает платок, бай реагирует так:

Но — что случилось? Почему назад
Вдруг отшатнулся он? Какая сила
Дыханье баю вдруг перехватила [Эсенова 1959: 25].

Эти строки подчеркивают суть женской эмансипации: она не только потребность женщины, но и то, чего боятся баи — прямая угроза для старых порядков.

Уже в Москве, в разговоре с Лениным, Нурсолтан упоминает, что ее народу не хватает воды. Заметим: проект ирригации туркменских областей к 1930-м гг. становится одной из основных тем советской литературы о Туркменистане. В этом фрагменте между переводами нет существенных различий, помимо одного, и это различие принципиально. В версии Ильиной Нурсолтан говорит, что у ее народа есть пословица:

Вода — краса земли, а лебедь — вод [РГАЛИ. Ф. 190. Оп. 4. Ед. хр. 83. Л. 104].

В версии Веселкова читаем:

Краса земли — вода. На лоне вод,
Красуясь, лебедь белая плывет [Эсенова 1959: 30].

Последняя строка — очевидная цитата из «Сказки о царе Салтане». Такое переводческое решение могло быть принято по несколь-

ким причинам. Во-первых, Эсенова могла сама попытаться процитировать Пушкина, но составитель подстрочника для Ильиной этого не распознал. Во-вторых, Веселков мог сознательно вставить эту цитату, следуя общей тенденции: обращение к русской классике в литературах советской периферии поощрялось.

Ключевое различие между двумя переводами, касающееся содержания поэмы, связано с появлением Надежды Крупской. По сюжету, пока Нурсолтан говорит с Лениным, Крупская заходит в кабинет и заводит беседу с героиней. В переводе Веселкова сказано, что они полностью понимают друг друга и разговаривают как две сестры. У Ильиной этот разговор не упоминается вовсе, однако он представляется ключевым для сюжета поэмы: он подчеркивает женскую «дружбу», которая и была вынесена в заглавие сборника 1969 г. Можно предположить, что этот эпизод был добавлен самой Эсеновой в текст оригинала позднее, уже после того, как был осуществлен перевод Ильиной (будучи достаточно крупной фигурой, Эсенова могла позволить себе внести изменения в поэму уже после того, как перевод был отправлен в Ашхабад).

Таким образом, в двух переводах выявляются существенные расхождения. Вполне вероятно, что Веселков пытался сделать перевод более точным. Ильина, по-видимому, работала с подстрочником и из-за этого упустила ряд аспектов, которые играют существенную роль для идеологического подтекста в поэме. Можно предположить, что Ильина, работая с подстрочником, перевела поэму непоследовательно. Весьма вероятно, что Ильина и Веселков работали с разными редакциями оригинала. Существенно, что Веселков во время работы находился в Туркменистане и мог непосредственно общаться с Эсеновой, в том числе — обсуждать перевод поэмы. Это возвращает нас к проблеме подстрочника: как представляется, в случае с Туркменистаном его присутствие не было обязательным (однако это требует дополнительного изучения).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурцева А.О. Стратегии перевода туркменской поэзии из советских альманахов 1930-х гг. на русский язык: предварительные наблюдения // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16. № 3–4. С. 125–148.
2. Козицкая Ю.М. Казахская литература как часть проекта «многонациональной советской литературы» в 1930-е годы. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2022.
3. Мурадов Р.Г. Парадигма «Туркменоведения» // Культурные ценности: Международный ежегодник: 2000–2001. СПб., 2002. С. 164–178.
4. Сидельникова Л.М. Путь советской поэтессы. Ашхабад, 1970.
5. Эсенова Т. Легенда о Ленине и дочери чабана. Ашхабад, 1959.
6. Dobrenko E. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study // The Literary Field under Communist Rule. Brighton, Mass., 2018. P. 3–17.

7. Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton, 2021.
8. Witt S. The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literatures // *Ad Imperio*. 2013. No. 3. P. 155–190.

REFERENCES

1. Burtseva A.O., Strategii perevoda turkmenskoi poezii iz sovetских al'manakhov 1930-kh gg. na russkii yazyk: predvaritel'nye nablyudeniya [Strategies of Translation of Turkmen Poetry from the Almanacs of the 1930s: Preliminary Observation]. *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*. 2021, Vol. 16, No. 3–4, pp. 125–148. (In Russ.)
2. Kozitskaya Yu.M. *Kazakhskaya literatura kak chast' proekta «mnogonatsional'noi sovetskoi literatury» v 1930-e gody* [Kazakh Literature as a Part of the “Multinational Soviet Literature Project”]. PhD. Diss, Moscow, 2022. (In Russ.)
3. Muradov R.G. Paradigma «Turkmenovedeniya» [The Paradigm of “Turkmen Studies”]. *Kul'turnye tsennosti: Mezhdunarodnyi ezhegodnik: 2000–2001*. Saint Petersburg, *Filologicheskii fakul'tet SPbGY Publ.*, 2002, pp. 164–178. (In Russ.)
4. Sidel'nikova L.M. *Put' sovetskoi poetess* [The Path of Soviet Poetess]. Ashkhabad, *Ylym Publ.*, 1970. 135 p. (In Russ.)
5. Esenova T. *Legenda o Lenine i docheri chabana* [The Legend about Lenin and Chaban's Daughter]. Ashkhabad, *Turkmengosizdat Publ.*, 1959. 35 p. (In Russ.)
6. Dobrenko E. Soviet Multinational Literature: Approaches, Problems, and Perspectives of Study. *The Literary Field under Communist Rule*. Ed. Aušra Jurgutienė and Dalia Satkauskytė. Brighton, Mass., *Academic Studies Press*, 2018, pp. 3–17.
7. Khalid A. *Central Asia. A New History from the Imperial Conquests to the Present*. Princeton, *Princeton University Press*, 2021. 576 p.
8. Witt S. The Shorthand of Empire: Podstrochnik Practices and the Making of Soviet Literatures. *Ab Imperio*, 2013, No. 3. pp. 155–190.

Поступила в редакцию 01.05.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 01.05.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Алла Олеговна Бурцева — редактор Научно-издательского центра «Ладомир»;
 alla.burtseva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alla Burtseva — editor at the Publishing House Ladomir; alla.burtseva@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

СЛОВАРЬ ПЕТЕРБУРГСКИХ АНТИКОВЕДОВ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА: В 3 Т. /

Редкол.: А.К. Гаврилов (отв. ред.) и др.
СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021

Е.Ю. Басаргина

*Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия; spbaran_publications@bk.ru*

А.Л. Хосроев

*Институт восточных рукописей Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия; akhos@mail.ru*

Аннотация: Рецензируемый труд, который ученая публика долго ждала, — результат многолетних раздумий большого авторского коллектива о судьбе отечественной гуманитарной науки. Героями словаря, который уже стал фактом литературной и культурной жизни, являются не только описываемые в нем персонажи, но и авторы очерков и редколлегия, постоянно обнаруживающие нити преемственности с петербургским антиковедением. В составлении этого без преувеличения эпохального труда, включающего статьи о 250 «петербургских антиковедах XIX — начала XX века» (ученые, преподаватели, переводчики, администраторы), участвовали 43 автора различных филологических специализаций: филологи-классики, археологи-античники, искусствоведы, византилисты, слависты. Для воссоздания того или иного портрета авторы привлекали широкий круг источников: научные труды, воспоминания, переписку и архивные материалы. Собранные вместе (хотя и разной степени подробности в зависимости от количества дошедших источников), эти портреты дают нам полную картину развития петербургского антиковедения в эпоху его расцвета и одновременно позволяют оценить состояние интеллектуальных сил и духовной жизни российского общества в целом. Словарь удобен для пользования, поскольку снабжен указателями разного рода, составляющими отдельный том, который завершается обзорным очерком ответственного редактора и вдохновителя издания А. К. Гаврилова, где среди прочего детально описан принцип отбора материала. Книга удобна и незаменима для работы и одновременно является увлекательным чтением.

Ключевые слова: антиковедение; рецепция античности; просопография; ученое сословие; история науки; преемственность; петербурговедение

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-16

Для цитирования: Басаргина Е.Ю., Хосроев А.Л. Словарь петербургских антиковедов XIX — начала XX века: в 3 т. / Редкол.: А.К. Гаврилов (отв. ред.) и др. СПб.: Bibliotheca classica Petropolitana, 2021 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 215–224.

A BIOGRAPHICAL DICTIONARY OF ST. PETERSBURG CLASSICISTS IN THE 19TH — EARLY 20TH CENTURY: IN THREE VOLUMES / ED. A.K. GAVRILOV.

**St. Petersburg: Bibliotheca classica Petropolitana edition, 2021.
(Vol. I: A–K (XXXVI, 1–426). Vol. II: L–Ya (VI, 427–860).
Vol. III: Indexes and Appendices (VIII, 861–1050)**

Ekaterina Yu. Basargina

*The Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,
St. Petersburg, Russia; spbaran_publications@bk.ru*

Alexandr L. Khosroyev

*Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia; akhos@mail.ru*

Abstract: The review presents the long-awaited book, based on years of thinking by authors about the fate of the national humanities. The dictionary has already become a fact of literary and cultural life, and its protagonists are not only the people described in it, but also the authors of essays and the editorial board, constantly discovering threads of continuity with St. Petersburg classicists. 43 authors of various philological specializations participated in the building of this, without any exaggeration, epoch-making work, which includes articles devoted to 250 St. Petersburg classicists in the 19th — early 20th century (scholars, tutors, translators, managers). To recreate the true image of the personage, the authors attracted a wide range of sources, namely, research papers, memoirs, correspondence and still unpublished archival materials. Collected together (although with varying degrees of detail depending on the number of extant sources), these portraits give us a comprehensive picture of the development of St. Petersburg classicism in its heyday and at the same time allow us to assess the state of intellectual forces and spiritual life of Russian society as a whole. The dictionary is convenient to use, because it is equipped with various indexes that make up a separate volume, which ends with a review essay written by the responsible editor and inspirer of the publication A.K. Gavrilov, where, among other things, the principle of material selection is analyzed in detail. The book is convenient and indispensable for work and at the same time is a fascinating reading.

Key words: classical studies; reception of antiquity; prosopography; academic class; history of humanities; tradition; St. Petersburg studies

For citation: Basargina E.Yu., Khosroyev A.L. (2023) A Biographical Dictionary of St. Petersburg Classicists in the 19th — Early 20th Century: in three volumes / Ed. A.K. Gavrilov. St. Petersburg: Bibliotheca Classica Petropolitana, 2021. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 215–224.

К настоящему времени в России уже сформировалось многочисленное сообщество историков науки со специальным интересом к дисциплинам историко-филологического цикла. Ими немало сделано как в таком важном сегменте историко-научных штудий, каким является просопография, так и на широком поле институциональной и когнитивной истории российского антиковедения. В науку возвращаются неизданные труды и эпистолярное наследие отечественных ученых-антиковедов, осваиваются и вводятся в научный оборот новые комплексы архивных источников, пишутся истории важных для антиковедения институций, создаются новые электронные ресурсы по истории гуманитарного знания.

Рецензируемый Словарь (далее *СПА-XIX*), этот долгожданный, задуманный без малого четверть века назад, труд, — плод работы большого авторского коллектива (43 человека!), сформировавшегося вокруг Античного кабинета (*Bibliotheca classica Petropolitana*); его участники вот уже на протяжении многих лет, продолжая традиции своих учителей (см., например, главу «История филологии» в книге Я.М. Боровского *Opera philologica*. СПб., 2009), успешно занимаются изучением наследия отечественных филологов-классиков и историков античности. Достаточно вспомнить раздел «Петербургские филологи» в книге А.К. Гаврилова «О филологах и филологии», биографические очерки в нескольких выпусках альманаха «Древний мир и мы», статьи обзорного характера в журналах *Hyperboreus* и *Philologia classica*...

У *СПА-XIX* было немало предшественников как за рубежом (подробно Т. 3, С. 991–996), так и в России. Одним из отечественных образцов для него, можно думать (хотя редакция прямо об этом не говорит), послужил «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (6 т., СПб, 1889–1904). Во многих отношениях, по утверждению редакции, для составителей *СПА-XIX* был важен и (еще не заверченный) словарь «Русские писатели 1800–1917» (М., 1989–), который «дает немало для уточнения истории русской рецепции античности», и редакция «в организации материала старалась опираться на это замечательное произведение» (Т. 3. С. 1015–1016).

СПА-XIX — это три аккуратных тома со сквозной пагинацией. Основной корпус составляют два тома с выстроенными по алфавиту жизнеописаниями: Т. 1: А–К; Т. 2: Л–Я. Третий том является справочным и содержит необходимую вспомогательную информацию и ценные дополнительные материалы. Отдадим должное редколлегии, которая немало потрудились над унификацией словаря.

Замысел *СПА-XIX* вызревал постепенно: изначально он был задуман как реперторий с охватом «широкого круга людей, так или

иначе привязанных к античности за три века существования Петербурга» (Т. 3. С. 1012), но в ходе работы акцент сместился в сторону «проникновения в перипетии творческой судьбы и рассмотрение знаний в эпистемологическом плане» (Т. 3. С. 1016).

С расширением задач и сменой приоритетов были уточнены хронологические рамки исследования: это «долгий» XIX век. Избрание таких временных рамок вполне обоснованно, недаром этот период вмещает в себя «золотой» и «серебряный» века русской культуры, которые напрямую связаны с рецепцией античности и расцветом классицизма в России. Верхняя временная граница обозначена довольно условно и устанавливалась произвольно применительно к каждому конкретному случаю. Редакция отказалась от введения таких четких критериев, как дата рождения или «публикация первой квалификационной работы при старом режиме» (Т. 3. С. 1028), и предупредила читателя о том, что тот «не найдет в *СПА-XIX* некоторых видных антиковедов, научная деятельность которых началась еще до 1917/1918 гг., но приходится, в основном, уже на советский период» (Т. 1. С. X). По этой причине в *СПА-XIX* не попали, например, И.И. Толстой-младший, С.Я. Лурье.

Внимание авторов сфокусировано на судьбах ученых, связанных с Петербургом, являвшимся центром антиковедения в имперский период. Доступ в словарь получили персонажи, «прямо или ощутимо связанные с Петербургом» (Т. 3. С. 1029). В начале XIX века топография петербургского классицизма ограничивалась Стрелкой Васильевского острова, где, подобно двум рукавам Невы, сошлись традиции европейской культуры и российское просвещение. На Стрелке бок о бок располагались главные цитадели классицизма — Академия наук и (Главный) Педагогический институт, преобразованный в Петербургский университет. Позже здесь появился Историко-филологический институт и обретавшийся при нем Институт славянских стипендиатов.

В целом же география петербургского антиковедения шире Васильевского острова. В Эрмитаже аккумулировались археологические находки с юга России; в Строгановском, а потом и в Зимнем дворцах проходили заседания Имп. Археологической комиссии; на Невском проспекте располагалась Публичная библиотека с ее бесценными книжными и рукописными собраниями; в центре города находились классические гимназии с сильным преподавательским составом. В Министерстве народного просвещения на Чернышевой площади формировалась государственная культурная политика, в немалой степени пропитанная теми идеями и идеалами, которые исповедовали ученые-антиковеды. Иными словами, рецензируемое издание существенно обогащает петербурговедение,

и остается только пожалеть, что редколлегия словаря не ставила перед собой задачу собрать адреса учреждений и местожительства своих героев; иначе мы имели бы подробную топографическую карту «антиковедного Петербурга».

Авторы намеренно воздерживаются от использования термина «Петербургская научная школа». Это «обязывающее, но слишком неопределенное выражение», по их мнению, «опасно применять» в отношении антиковедов Петербурга, так как «тенденция к формированию школы в глубоком смысле слова скорее только намечалась, но естественный ход созревания и самосознания был прерван слишком рано». Петербургские классики не создали «единой, издали узнаваемой школы», но представляли собой «живое сообщество, полное веры в знание и в будущее на глазах окрепшей русской науки»¹. Авторы предпочитают говорить о «петербургской науке» и специфических чертах ее традиции, являющейся культурной доминантой для всей остальной страны (Т. 3. С. 1032).

При всей важности книги для культурной истории города на Неве значение и предназначение *СПА-XIX* гораздо шире: он дает возможность определить место и оценить роль российских ученых-антиковедов в истории и стратификации отечественной культуры.

Антиковедение понимается авторами как триединство филологии, истории и археологии, или истории искусства, а биографии имеют непререкаемое эпистемологическое измерение, чтобы «через индивидуальные судьбы двигаться к общим процессам в развитии науки или к отдельным моментам и срезам в ее развитии» (Т. 3. С. 1008).

В *СПА-XIX* допущены те антиковеды, кто имел в Петербурге прочные корни, был «ощутимо связан» (Т. 1. С. XI) с петербургскими «институтами, существенными для антиковедения» (Т. 3. С. 1012), в молодости и в зрелые годы. «Если, хотя бы недолгое время, ученый был связан с Петербургом в обоих отношениях, то сомнений нет; если же имело место только одно из двух, то приурочение к Петербургу становится условным» (Т. 3. С. 1012). Серьезное исключение сделано только для харьковского профессора В. П. Бузескула — автора основополагающего, в том числе для истории петербургского антиковедения, труда «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века» (Ч. 1–2. Л., 1929; переизд. в полном виде в 2009 г.); его жизнеописание стоит особняком, замыкая словарь.

Преимущественное внимание в словаре уделено людям науки — филологам, историкам, археологам, как правило, не чуждым про-

¹ Правда, некоторые современные маститые ученые оспаривают это мнение и считают, что и в старое время, и ныне петербургского филолога-классика «видно за версту».

педевтике. Как и другие научные дисциплины, антиковедение существовало в симбиозе исследования и преподавания, и сфера высшего образования широко включена в очерки. Вместе с тем, питательную среду для роста антиковедения и наступившего в конце века небывалого расцвета всего гуманитарного знания готовили не только ученые, но и скромные труженики среднего образования, насаждавшие классическую премудрость в столичных гимназиях, но, к сожалению, из их числа в СПА-ХІХ были «выборочно» включены лишь преподаватели «кардинально значимых средних учебных заведений» (Т. 1. С. Х).

Круг персоналий СПА-ХІХ включает в себя и тех ученых, для которых античность в строгом понимании термина не являлась главным предметом исследования: византинисты «интересны для классика уже как *грецисты*», а «с византинистикой естественно переплетается история Восточной христианской церкви, а раннее христианство — прямая тема из истории древнего мира» (Т. 3. С. 1020). Кроме византинистов и историков церкви в словник вошли ученые-натуралисты, которые обратились к изучению животного мира древности и к античным сюжетам, имеющим отношение к их основной специальности. В неожиданном ракурсе предстают такие мощные фигуры, как биологи К. М. Бэр и Ф. Ф. Брандт.

В СПА-ХІХ нашлось место крупным коллекционерам, а в контексте эволюции бюрократического аппарата империи — министрам народного просвещения, оказавшим глубокое воздействие на развитие классицизма (С.С. Уваров, А.С. Норов, Д.А. Толстой, И.И. Толстой-ст., Г. Э. Зенгер).

Авторы признают, что «историку антиковедения не могут быть безразличны также и реформаторы системы просвещения или собиратели больших государственных или частных коллекций, исследователи права и религии, ориенталисты...» (Т. 3. С. 1018). Между тем, словарь предваряется предупреждением редакции о том, что «важные для истории Древнего мира разделы востоковедения здесь не охвачены, ввиду их давно сложившегося обособления в системе образования, науки и, соответственно, в справочной литературе» (Т. 1. С. Х). И все же жаль, что в словарь был закрыт доступ востоковедам, много потрудившимся на пользу классической филологии; так, например, отсутствие в «Наборе лемм» имени О.Э. Лемма едва ли оправдано, ведь его до сих пор остающиеся образцовыми издания переводных коптских текстов никогда не обходились без скрупулезного исследования их греческих оригиналов, и его вклад в петербургское антиковедение ничуть не меньше, чем, скажем, вклад К.М. Бэра и Ф.Ф. Брандта.

Издание снабжено солидным научным аппаратом, призванным «помочь читателю поместить упоминаемые в статьях *СПА-XIX* отдельные факты и события в исторический контекст» (Т. 1. С. XII). Сопроводительные материалы говорят о том, что редколлегия отдает предпочтение репрезентативности материалов, а не их полноте. Избирательность прослеживается и в подборе смежных специальностей, и самих персон. В «Пояснениях для читателя» оговаривается, что «набор лемм, из которых состоит *СПА-XIX* (250 персон), представляет собой собрание имен, которые признаны редакцией неизменными или показательными для истории петербургского антиковедения XIX — нач. XX в.».

Впрочем, подход *ad hominem* для биографического словаря является не только допустимым, но и вполне оправданным: ведь именно человек находится в центре истории, и героями очерков избраны фигуры, важные для науки и значимые для авторов. Все авторы имеют вкус к историко-научным исследованиям, и в каждом «вживлен маленький Плутарх» (Т. 3. С. 1008).

Указатели и приложения помещены в отдельный том. Алфавитный список статей с транслитерацией и аннотациями на английском языке будет полезен иностранным читателям. Хронологический список биографий по году рождения важен для проведения разного рода сопоставлений. Любитель статистических выкладок узнает из него, что старшим по году рождения является Я.Я. Белен де Баллю (1753), а младшим — Ю.С. Ляпунов (1893); средняя продолжительность жизни антиковедов составляет са. 60 лет, долгожителей же были единицы (С.Г. Строганов, П.С. Уварова, М.И. Ростовцев, В.Г. Янчевецкий). Именной указатель разделен на три части: имена Нового и Новейшего времени; имена в латинской и греческой транслитерации и имена античности и средневековья. Даты из истории антиковедческих институтов в России с конца XVII века до 1917/1918 г. создают надежный хронологический каркас истории российского антиковедения. Указатель учреждений дает картину распределения героев очерков по институциям, полезен и примыкающий к нему указатель руководителей ведомств и учреждений, равно как и путеводитель по Журналу Министерства народного просвещения.

Все эти указатели являются подспорьем для читателей и до некоторой степени возмещают отсутствие общего рассказа о том, что собой представляло петербургское антиковедение в XIX веке. Содержателен и мастерски написан А.К. Гавриловым очерк, посвященный предыстории и истории *СПА-XIX* (Т. 3. С. 991–1034). В нем дается краткий обзор того, что было сделано в Европе и в России в

области просопографии антиковедов, проговариваются цели и методы составления словаря.

Читатель благодарен авторам за возможность погрузиться в завораживающий мир петербургского антиковедения, который предстает в человеческом измерении, в преломлении судеб деятелей науки, культуры и просвещения. Авторский коллектив учитывает максимально полный корпус опубликованных исследований и опирается на прочный документальный фундамент — воспоминания современников, отклики на труды, архивные данные.

Главным героем *СПА-XIX* является ученое сословие, представленное судьбами 250 антиковедов. Словарь показывает неразрывную связь академической и университетской науки, щедро иллюстрирует зарубежные связи и контакты петербургских антиковедов (тем более, что многие его герои — выходцы из Европы), обнаруживает разветвленные дружеские и родственные связи персонажей. Петербургское антиковедение помещено в пространство единой научной традиции. Одна из сквозных тем очерков — преемственность поколений антиковедов: профессоров и питомцев историко-филологического факультета Петербургского университета, а также выпускников столичных Педагогического и Историко-филологического институтов. Очерки сопровождают вкрапления с обильными цитатами из архивных источников и экскурсы в общую историю антиковедения. Так исподволь сплетается ткань исторического повествования и создается целостная картина петербургского антиковедения с его ответвлениями в других научных центрах страны.

В словаре, который читается как интересная книга, представлены в высшей степени информативные и написанные на высоком профессиональном уровне биографические эссе с ярко выраженным авторским подходом, вдумчивым отношением к личности каждого персонажа и сопереживанием ему, с учетом и взвешенной оценкой внешних обстоятельств, оставивших отпечаток на индивидуальной судьбе ученого. Книгу можно назвать словарем по формальному принципу структурирования материала в алфавитном порядке, по существу же — читатель получает в руки дельные, великолепно написанные самостоятельные биографические очерки, объединенные общим подходом к материалу. Словарь, посвященный гуманитариям, сам является литературным произведением, и каждый биографический очерк непременно имеет авторское «клеймо»: среди более чем сорока авторов статей — как известные, так и начинающие ученые всех антиковедческих специальностей, а также византилисты, специалисты по русской литературе, музееведению и др. Автором 139 жизнеописаний из 250-ти является В.П. Смышляева (на

долю остальных 42 авторов приходятся 111 биографических очерков), которая в 2015 г. самостоятельно опубликовала свою часть работы, дополнив ее биографиями российских филологов-классиков, не связанных с Петербургом, и доведя общее число персоналий до трехсот (Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление: материалы для биографического словаря)². Хотя большинство статей написано, естественно, петербургскими учеными, среди авторов есть и жители других российских городов, а также представители зарубежной науки.

Выразительные портреты антиковедов выполнены с применением изощренных эвристических техник, разнообразными художественными средствами, в неповторимой авторской манере: читатель найдет здесь и силуэтные портреты, и выпуклые рельефные изображения, и вылепленные рукой мастера мощные скульптурные портреты. Почти каждый вербальный портрет снабжен изображением героя очерка. Иллюстративные материалы извлечены из печатных изданий, фондов архивов и библиотек и важны для воссоздания подлинного облика человека.

СПА-XIX является результатом вдумчивого отношения авторского коллектива к судьбе отечественной гуманитарной науки, и новое поколение петербуржцев повсюду обнаруживает «тонкие властительные связи» со своими предшественниками.

Выход в свет «Словаря петербургских антиковедов XIX — начала XX века» является заметным и знаменательным событием в истории отечественной гуманитарной науки. Вклад Античного кабинета (*Bibliotheca classica Petropolitana*) и его сотрудников в координацию работы, написание и редактирование статей, а также подготовку справочных материалов был особенно значительным. Не забудем, конечно, и об экспертном участии в подготовке книги к печати С.-Петербургского института истории РАН, гриф которого стоит на титульном листе.

Нет ни малейшего сомнения в том, что СПА-XIX станет незаменимым пособием не только для профессиональных археологов и историков, но и для всех интересующихся историей гуманитарного знания, для всех стремящихся расширить свои горизонты. Остается лишь горько сожалеть о смехотворно малом тираже этого издания (250 экз.; современная беда, отучивающая новое поколение читать книгу как таковую и заставляющее обращаться к электронному чтению), которое уже сейчас, спустя всего лишь несколько месяцев после своего выхода, стало библиографической редкостью. Мы убеждены в том, что (не в последнюю очередь и) это обстоятельство

² Подробно о ее роли в создании СПА-XIX см. Т. 3. С.1017–1019.

вызовет к жизни второе издание этого бесценного научного справочника.

Поступила в редакцию 14.05.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 14.05.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРАХ

Екатерина Юрьевна Басаргина — доктор исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая отделом публикаций Санкт-Петербургского филиала Архива РАН; spbaran_publications@bk.ru;

Александр Леонович Хосроев — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН; akhos@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina Yu. Basargina — DSc in History, Leading Researcher, Department of Publications, The Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch; spbaran_publications@bk.ru;

Alexandr L. Khosroyev — DSc in History, Researcher in Chief, Department of Middle Eastern and Near Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences; akhos@mail.ru

**«ПОЭТИКА УМОЛЧАНИЯ»: О ГРЕЧЕСКИХ
МОДЕРНИСТАХ (Памяти Ирины Игоревны Ковалёвой)**

**Рецензия на книги: КОВАЛЁВА И.И. В МАСТЕРСКОЙ
КАВАФИСА И ДРУГИЕ ОЧЕРКИ ПОЭТИКИ ГРЕЧЕСКОГО
МОДЕРНИЗМА. М.: МГУ, 2006. 200 с.;
КОВАЛЁВА ИРИНА. МОИ ПОЭТЫ. ИЗБРАННЫЕ
ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО И ГРЕЧЕСКОГО.
М.: Итака — Комментарии, 2006. 108 с.**

А.Ю. Зиновьева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; sasha.zinovieva@gmail.com*

Аннотация: Значительная часть литературоведческого и переводческого наследия И.И. Ковалёвой (1961–2007), поэта и филолога, преподавателя кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, посвящена осмыслению поэзии греческого модернизма, представлению ее отечественному читателю. Книги, изданные в последний год жизни И.И. Ковалёвой, обнаруживают сложившееся представление исследователя о таких поэтах, как К. Кавафис, Г. Сеферис, М. Сахтурис. И.И. Ковалёва изучает дистанцию между словом сказанным и невысказанным у Кавафиса, размышляет об отношении к традиции Г. Сефериса (связывая это с опытом англо-американских модернистов), описывает особую мифопоэтику М. Сахтуриса. В качестве поэта-переводчика И.И. Ковалёва использует свои научные открытия при переложении названных поэтов на русский язык (в особенности М. Сахтуриса). Как представляется, сделанное И.И. Ковалёвой в области понимания греческой поэзии XX в. еще ждет настоящего осмысления и продолжения ее учениками и коллегами.

Ключевые слова: И.И. Ковалёва; поэзия греческого модернизма; К. Кавафис; Г. Сеферис; М. Сахтурис

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-2-17

Для цитирования: Зиновьева А.Ю. «Поэтика умолчания»: о греческих модернистах (памяти Ирины Игоревны Ковалёвой) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2023. № 2. С. 225–232.

THE POETICS OF RESERVE: ON GREEK MODERNISTS (In memory of Irina Igorevna Kovaljova)

KOVALJOVA I.I. IN CAVAFY'S WORKSHOP AND OTHER
STUDIES OF GREEK MODERNISM. M.: MGU, 2006. 200 p.

KOVALJOVA IRINA. MY POETS. SELECTED
TRANSLATIONS FROM ENGLISH AND GREEK.
M.: Itaka — Kommentarii, 2006. 108 p.

Alexandra Yu. Zinovieva

Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow; sasha.zinovieva@gmail.com

Abstract: The important part of critical works and poetic translations of the poet and philologist Irina Igorevna Kovaljova (1961–2007), who worked at the Department of Classical Studies of the Faculty of Philology (MSU), is devoted to the understanding of Greek poetical modernism, as well as to presenting it to Russian readers. The books published in the course of the last year of I.I. Kovaljova's life reveal a mature view of such poets as C.P. Cavafy, G. Seferis, M. Sachtouris. I.I. Kovaljova studies the distance between the word said and unsaid in Cavafy's poems, reflects on Seferis's attitude towards literary and cultural tradition (keeping in mind the experience of Anglo-American poetic modernism), describes quite a special mythopoetics of Sachtouris. As a poet I.I. Kovaljova implements her scientific ideas when translating the poets named above into Russian (it is most obvious in her translations of Sachtouris). It seems that I.I. Kovaljova's achievements in the sphere of reception of Greek modernist poetry are still to be fully understood and used by her disciples and colleagues.

Key words: I.I. Kovaljova; Greek modernist poetry; C.P. Cavafy; G. Seferis; M. Sachtouris

For citation: Zinovieva A.Yu. (2023) The Poetics of Reserve: On Greek Modernists (In Memory of Irina Kovaljova). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 2, pp. 225–232.

Очередная годовщина ухода из жизни замечательного литературоведа и переводчика, преподавателя кафедры классической филологии филологического факультета МГУ Ирины Игоревны Ковалёвой (28.06.1961–28.01.2007) закономерно становится естественным, хотя и не единственным поводом задуматься о сделанном ею в отечественной науке. Названия двух последних книг И.И. Ковалёвой, на первый взгляд непритязательные, заставляют лишний раз осознать, что «доступ» в мастерскую знаменитого александрийца Константиноса Кавафиса (1863–1933) ограничен, что очень и очень немногие способны сделать частью русской словесности, по-настоящему «своими», греческих поэтов — как наших современников, так и «небожителей» эпохи высокого модернизма. Поэт, переводчик, автор

многочисленных работ как по классической филологии, так и по неоэллинистике (от Гомера и Гесиода до Костаса Монтиса), один из самых памятных для учившихся у нее студентов и аспирантов наставников. И.И. Ковалёва была из «немногих» — тех, кто мог знакомить не только коллег по цеху, но и широкую аудиторию, владеющую, в лучшем случае, «чуть-чуть латынью, еще меньше — греческим», с малоизвестными или совсем неизвестными именами и, что значительно важнее, бесконечно уточнять, углублять понимание уже «усвоенного», на проверку — поверхностно, а то и превратно. (Книга «В мастерской Кавафиса»¹ посвящена памяти М.Л. Гаспарова: И.И. Ковалёвой приходилось думать о том, что нередко горизонты нашего понимания вынужденно сужаются; сама же она по мере сил стремилась этому противостоять.)

Что лежит в основе «превратностей понимания» поэзии греческого модернизма? Во-первых, полагает И.И. Ковалёва, упорное нежелание русской читающей публики выделить больше одной вакансии «великого греческого поэта XX века». Место это прочно занято Кавафисом, и достаточно представительные (как следует из приведенной в книге И.И. Ковалёвой библиографии) публикации на русском языке Георгоса Сефериса (1900–1971) и Мильтоса Сахтуриса (1919–2005) положения вещей не меняют: эти поэты в отечественное культурное сознание не входят (еще хуже обстоят дела менее переводимого Одиссеаса Элитиса, 1911–1996). Рубежом в восприятии Кавафиса в России может считаться 2000 год, когда вышел в свет составленный С.Б. Ильинской том «Русской Кавафианы» (М.: ОГИ), включивший основной корпус кавафисовских стихотворений в русских переводах и снабженный солидным научным аппаратом (комментарии, подробный очерк жизни и творчества поэта, эссе и статьи, представляющие разные аспекты кавафисовской поэтики). Три года спустя была издана подготовленная С.Б. Ильинской и Т.В. Цивьян «Проза» Кавафиса (М.: Итака — Комментарии, 2003; в числе переводчиков была и И.И. Ковалёва). В 2011 г., уже после ухода из жизни И.И. Ковалёвой, в серии «Греческая библиотека» под редакцией С.Б. Ильинской появилось «Полное собрание стихотворение» К. Кавафиса (М.: ОГИ).

Кавафис закономерно стал в России литературным памятником, его лицо определенно узнаваемо: согласно известной самоаттестации, «поэт-историк», с иронически-бесстрастной интонацией свидетельствующий о былых катаклизмах (в конечном итоге лишь

¹ Книга составлена из работ, посвященных К. Кавафису, Г. Сеферису и М. Сахтурису, отчасти публиковавшихся ранее и (в большинстве своем) переработанных, отчасти опубликованных в этом издании впервые; снабжена книга и приложением, где речь идет о «греческой» теме в поэзии И. Бродского.

отражающих общую катастрофичность человеческого существования), чья поэтика, по определению И. Бродского, «смесь архива и эпитафии» (И.И. Ковалёва, автор статей об эллинизме Мандельштама и Бродского, особо отмечает, что написанное в 1978 г. эссе Бродского о Кавафисе сыграло не последнюю роль в том, что единственная «вакансия» досталась именно этому поэту). При взгляде же критическом история Кавафису «мешает»: вереница исторических лиц, груз прошлых событий слишком отягощают стихотворный текст, сам поэт оказывается «перекультуренным», а для некоторых читателей и «докучно многословным» (М.Л. Гаспаров), при переводе подлежащим сокращению (как в «Экспериментальных переводах» (2003) того же М.Л. Гаспарова).

Для И.И. Ковалёвой подлинный Кавафис — не в его бесстрастии и не в его историзме, не в явных и скрытых цитатах, но в *«поэтике умолчания»*, поэтике отсутствия, анализу которой так или иначе посвящены все собственно «кавафисовские» главы книги «В мастерской Кавафиса». Смысл *сказанному* поэтом придает принципиально и последовательно *невывысказанное*: «докучные» и несколько однообразные описания роскошных покоев и одеяний, торжеств и ликований (Кавафис не отличается щедростью эпитетов), «каталоги» драгоценностей, переносимые из стихотворения в стихотворение, указывают на неизбежность и неотвратимость катастрофы, гибели героев стихотворения, о которой ничего не говорится напрямую, но обстоятельства которой известны и автору, и читателю (так, например, в «Александрийских царях» (1912), где речь идет об обреченных детях Клеопатры — обреченных, по мысли И.И. Ковалёвой, именно пространностью описания их недолговечного блеска). Грозной «фигурой умолчания» присутствует в стихах Кавафиса на темы эллинистической истории и Рим: лица и факты римской истории (хорошо знакомые читателю) остаются за кадром именно потому, что означают конец, катастрофу, роковой предел, положенный эллинскому миру. Рим не назван — но именно поэтому стихи могут считаться «римскими». Распространяется «поэтика умолчания» и на литературные источники Кавафиса: так, «вычеркнутый», «исключенный» гомеровский текст придает «сдержанному» поэтическому повествованию трагическое измерение («Ночное путешествие Приама», 1893), а известнейшее стихотворение «Царь Деметрий» (1906) сходным образом ориентировано на Плутарха («Кавафис овладевает искусством модернистского *сдвига* — своего текста относительно другого», — так это комментирует И.И. Ковалёва).

Описание «поэтики умолчания» Кавафиса — достижение значительное само по себе, однако едва ли не более примечательно то, что послужило проводником исследовательской мысли: это интерпре-

тация кавафисовской поэзии Г. Сеферисом — именно он впервые указал на умение старшего поэта строить стихотворение вокруг пустоты, заменяя присутствие отсутствием. «Стихи Кавафиса очень часто выражают ту эмоцию, что вызвал бы у нас опустевший постамент. Статуя там прежде стояла, мы видели ее, и вот теперь ее нет» (из эссе Сефериса «К.П. Кавафис и Т.С. Элиот: параллельные» (1946), переведенного И.И. Ковалёвой и неоднократно ею цитируемого [Сеферис 1998]). Сеферис, греческий «европеец», вписавший греческий модернизм в общемировой контекст, обративший внимание на одноприродность поэтических поисков Кавафиса, У.Б. Йейтса и Т.С. Элиота, выделяет «поэтику умолчания» как отличительную черту кавафисовского стиля, придающую лицу поэта действительно «необщее» выражение. Своеобычен Кавафис, вместе с ним своеобычна и поэзия греческого модернизма, отстаивающая себя (и Сеферис — первый) у столь влиятельной поэтики. В этом, пожалуй, главная интрига книги И.И. Ковалёвой: тот уровень поэтического мышления, который, как показывает автор, свойственен «ее» поэтам, как-то сразу отменяет за ненадобностью любые соображения о том, что «греки-де не хуже» своих западноевропейских современников; пути, по которым идут греческие модернисты, значимы сами по себе.

В случае Сефериса это, по его собственному признанию, путь растворения «в таинственном потоке греческой традиции»: как показывает И.И. Ковалёва на примере одной из сеферисовских книг — «Судового журнала-III» (1955), «Сеферис достигает невероятной плотности письма, насыщая свой текст аллюзиями на древнегреческих и византийско-кипрских... авторов, соединяя их с цитатами из псалмов и Откровения Иоанна Богослова, Данте, Шекспира, Одена, Сикельяноса и Кавафиса. ...Целью здесь является не демонстрация эрудиции, но подтверждение права сказать: “Память, где ее ни коснешься, болит”» [Ковалёва. В мастерской... 2006: 142]. Обратная сторона «европейскости» Сефериса в передаче И.И. Ковалёвой — его «греческость», переживаемая им горестно и мучительно, память, понимаемая как боль. В отличие от Кавафиса, свою поэтическую «одиссею» Сеферис понимает не как путь познания и накопления сокровищ, но как схождение в царство мертвых, где поэт жертвенно «расплачивается» за единство греческой традиции, «склеивает свою кровью» «позвонки» многих столетий. Страстное «почвенничество» Сефериса имеет почти что романтическую природу и заметно отличает его как от европейских учителей (от Ж. Лафорта до Т.С. Элиота и Э. Паунда), так и от Кавафиса (заставляя, правда, вспомнить об опыте У.К. Уильямса).

Опрокидывает И.И. Ковалёва и едва сложившиеся представления еще об одном поэте — М. Сахтурисе, которого принято сближать с сюрреалистами. Надо сказать, что в главах о Сахтурисе авторская интонация заметно меняется: она становится более пристрастной, хотя исследовательская строгость не исчезает, — и все-таки о Сахтурисе говорит прежде всего *поэт* Ирина Ковалёва (в 2003 году в ее переводе была издана книга стихов Сахтуриса: «Голова поэта. Стихи». М.: ОГИ). Похоже, что Сахтурис передал своему переводчику какой-то особый опыт (рискуем предположить, что едва ли не более значительный, чем опыт «именитых» нобелевских лауреатов — Сефериса и Элитиса, не говоря уже о Кавафисе), видимо, это опыт нефилологического, иррационального постижения мифа, открывающегося в повседневном опыте поэта так же естественно, как в детской считалке. «В отличие от огромного большинства поэтов, использующих античный мифологический материал *извне*, Сахтурис погружен в миф, причем не в гармоническую олимпийскую мифологию, а в мифологию древнюю, хтоническую, кровавую. Сахтурис наделен уникальной способностью рассказывать миф *изнутри*», — пишет филолог И.И. Ковалёва [Ковалёва. В мастерской... 2006: 181]. «Что-то самое страшное оставляет Сахтурис неназванным», — говорит поэт Ирина Ковалёва [Ковалёва. Мои поэты 2006: 165], и нельзя не привести сахтурисовского стихотворения «Словно розы» из книги стихов 1958 г. в ее переводе, со всей очевидностью *не называющего* «самого страшного»: «Трудные времена / испуганные дети / мастера из бумаги петушков / красят их черным / как погасшие свечи / красят их красным / как окровавленные цветы / и матери удивляются / что потом приходит / взрослый друг / черный-пречерный друг / с золотыми руками / и берет их». Синтаксическая неясность, объясняет переводчик, есть и в оригинале: «берет» то ли петушков, то ли детей. Поэтика Сахтуриса — это тоже «поэтика отсутствия», только отсутствуют книжность, привычные культурные ходы и подходы, сглаживающие экзистенциальный ужас. Как поэт «оголенного» мифа Сахтурис тоже явление уникальное — и относительно Кавафиса, и относительно европейских авангардистов.

Книга избранных переводов «Мои поэты» открывает читателю всю широту переводческих возможностей И.И. Ковалёвой: убедительно звучат англичане и американцы (Шекспир (XXVII сонет), Дж. Донн, Т.С. Элиот, Э. Паунд и др.), но основная часть книги приходится все-таки на греческие переводы, очень разные и поразительно свободные: интонации поэта Ирины Ковалёвой не подавляют перелагаемых ею поэтов, что встречается нечасто. В «Моих поэтах» представлены герои книги «В мастерской Кавафиса», добавляются к ним О. Элитис, К. Монтис, Г. Павлополус, М. Пиерис, Д. Яламас.

Читателю, не владеющему греческим языком, трудно судить о переводческом методе, но, к счастью, его разъясняет сама И.И. Ковалёва в одном из очерков поэтики греческого модернизма. Глава посвящена «поэтике размера» знаменитейшего стихотворения Кавафиса «В ожидании варваров» (1904), неоднократно переводившегося на русский язык. На фоне переводов Г. Шмакова (под редакцией И. Бродского), С.Б. Ильинской, А. Величанского перевод И.И. Ковалёвой выглядит чересчур скупым и слегка неуклюжим, поскольку «вопросы» и «ответы», составляющие стихотворение, написаны ею разными размерами. Однако, как показывает переводчик, на подобной «неловкости» и держится во многом замысел Кавафиса: в оригинале сталкиваются пятнадцати- и двенадцатисложник, героический метр послеантической греческой поэзии, размер народных песен и «скептический ямб», размер античной драмы и шекспировской трагедии. «Варваров ожидают» две традиции греческой поэзии, подчеркивая «эллинский» характер несбывшейся (варвары не пришли) и сбывшейся (традиция пресекается) катастрофы. Задача переводчика, вероятно, виделась И.И. Ковалёвой как смысловая точность, понимаемая как *верность поэтическому фону*, на котором создавалось — и продолжает жить — стихотворение. Планка эта максимально высока, преодолеть ее под силу только поэту и одаренному филологу — было под силу. Как сказал (словами Ирины Ковалёвой) Мильтос Сахтурис: «“Это последнее, что я покупаю / на греческие драхмы”, — сказала больная птица / А потом расправила крылья и взмыла в небо».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалёва И.И. В мастерской Кавафиса и другие очерки поэтики греческого модернизма. М., 2006.
2. Ковалёва И. Мои поэты. Избранные переводы с английского и греческого. М., 2006.
3. Сеферис Г. К.П. Кавафис и Т.С. Элиот: параллельные / Пер. с новогреч. И. Ковалёвой // Комментарий. № 15. М., СПб., 1998.

REFERENCES

1. Kovaljova I.I. V masterskoj Kavafisa i drugie ocherki poetiki grecheskogo modernizma [In Cavafy's Workshop and Other Studies of Greek Modernism]. M.: MGU Publ., 2006. (In Russ.)
2. Kovaljova Irina. Moi poety. Izbrannye perevody s anglijskogo i grecheskogo [My Poets. Selected Translations from English and Greek]. M.: Itaka — Kommentarii Publ., 2006. (In Russ.)
3. Seferis G. K.P. Kavafis i T.S. Eliot: parallel'nye [C.P.Cavafy — T.S.Eliot in Parallel] / Transl. by I. Kovaljova. Kommentarii [Comments]. № 15. M., Spb., 1998. (In Russ.)

Поступила в редакцию 06.11.2022

Принята к публикации 20.12.2022

Отредактирована 05.02.2023

Received 06.11.2022

Accepted 20.12.2022

Revised 05.02.2023

ОБ АВТОРЕ

Александра Юрьевна Зиновьева — к.ф.н., доцент, кафедра истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
sasha.zinovieva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Yu. Zinovieva — Ph. D., Associate Professor, Department of Foreign Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
sasha.zinovieva@gmail.com

ISSN 0130-0075

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2023. № 2. 1–232. 80080483404546